

Над чем работают,
о чем спорят
философы

Диалектика
отрицания
отрицания

Политиздат

*Над чем работают,
о чем спорят
философы*

*Диалектика
отрицания
отрицания*

*Москва
Издательство
политической
литературы
1983*

15.12

Д44

Д $\frac{0302020100-351}{079(02)-83}$ 163-83

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ПОЛЕМИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(Вместо вступительного слова)

В 1979 году в этой же серии вышел наш первый дискуссионный сборник «Диалектическое противоречие». В нем был, по сути дела, подвергнут всестороннему обсуждению один из основных законов материалистической диалектики — закон единства и борьбы противоположностей — и как закон объективного мира, и как закон познания. Данный сборник строится по тому же принципу, как и предыдущий, и разделяется на две части: всем его участникам была предоставлена возможность сначала высказать свою точку зрения по обсуждаемому вопросу, а затем подвергнуть критике другие точки зрения и ответить на критику в свой адрес. Общее заключение по проведенной дискуссии, как и в предыдущем сборнике, дает доктор философских наук В. А. Лекторский.

Далее, исходной для нашей дискуссии, как и раньше, является ленинская рекомендация прежде всего выяснить точно понятия, которыми приходится оперировать в ходе дискуссии¹. Очевидно, что понятие диалектического отрицания не вызывает особых разногласий. Оно составляет существенный момент всякого разви-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

тия, когда отрицается отжившее, устаревшее, утратившее силу и удерживается все ценное, положительное, жизнеспособное. Тем не менее возможна и необходима в позитивном аспекте логическая разработка понятия отрицания, и эта мысль, вероятно, не встретит особых возражений. Серьезные же разногласия, как правило, начинаются тогда, когда переходят к рассмотрению повторного отрицания в ходе данного процесса развития, т. е. к отрицанию предыдущего отрицания, короче говоря, к отрицанию отрицания. Поэтому в данной дискуссии главное внимание уделено именно отрицанию отрицания.

Наконец, еще одно замечание. Поскольку творцами материалистической диалектики были К. Маркс и Ф. Энгельс, а продолжателем их учения — В. И. Ленин, то при обсуждении любых вопросов, связанных с пониманием и толкованием проблем материалистической диалектики, а тем более коренных ее проблем, следует прежде всего обращаться к первоисточникам. Это необходимо, в частности, и при анализе диалектического отрицания и отрицания отрицания, ибо речь идет в этом случае о характеристике существенного момента всего процесса развития как предмета диалектики и об одном из основных законов материалистической диалектики, по сути дела, об одной из «азбучных истин» марксистско-ленинской философии. Как отмечал Ю. В. Андропов, «с так называемыми азбучными истинами марксизма вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь»¹.

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983, с. 14.

В связи с этим мы считаем совершенно необходимым постоянное обращение к высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по данному вопросу и глубокое их обдумывание с учетом данных современного общественного развития и современной науки.

Основная (первая) часть данного сборника строится следующим образом. Первые три выступления касаются главным образом соотношения закона отрицания отрицания с другими основными законами диалектики. В следующих четырех выступлениях рассматривается структура закона отрицания отрицания и его методологическое значение. В двух дальнейших выступлениях обсуждается вопрос о всеобщности этого закона. Последние три выступления посвящены вопросу о связи между категорией отрицания и законом отрицания отрицания.

Нужно отметить, что обсуждение этого вопроса не является самоцелью. Речь, повторяем, идет об одном из основных законов материалистической диалектики. Без его правильного понимания и применения невозможно использование и самого диалектического метода в любой области человеческой деятельности.

Таким образом, в данной книге мы рассмотрим в дискуссионном порядке с разных сторон интересующий нас вопрос. Добавлю, что этот сборник, как и предыдущий, представляет собой работу своеобразного «круглого стола».

Все участники дискуссии стоят на позициях марксистско-ленинской философии, разделяют ее основные принципы и исходят из них. Иначе говоря, дискуссия ведется в рамках марксистско-ленинской философии и не выходит за ее пределы.

В отличие от первого сборника, в котором участвовали в основном философы-москвичи и немногие ленинградские философы, в данном сборнике кроме москвичей и ленинградцев приняли участие философы из Свердловска, Минска и Перми.

Научно-организационную работу по подготовке данного сборника провели кандидаты философских наук, доценты В. К. Бакшутов (Уральский государственный университет) и В. И. Корякин (Уральский научный центр АН СССР).

Академик *Б. М. Кедров*

Часть первая
**ОСНОВНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ
«КРУГЛОГО СТОЛА»**

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ
ОТРИЦАНИЯ
И ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ
ОТРИЦАНИЯ**

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

В. М. Кедров

В своем выступлении я затрону четыре вопроса: 1) взаимосвязь закона отрицания отрицания с двумя другими основными законами диалектики; 2) отрицание отрицания и метод восхождения от абстрактного к конкретному; 3) отрицание отрицания и противоречие и 4) недоразумения, возникающие в результате неправильной трактовки отрицания отрицания.

Взаимосвязь основных законов диалектики. Из слов Ф. Энгельса, сказанных в «Диалектике природы», вытекает, что написание специального руководства по диалектике предполагает детальное рассмотрение вопроса о внутренней связи законов диалектики между собой¹. Этот вопрос мы сейчас вкратце и рассмотрим, вернее, наметим принципы его постановки и рассмотрения. Но прежде отметим различную последовательность в изложении этих законов Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. В «Диалектике природы» принят следующий порядок: 1) закон перехода количества в качество и обратно; 2) закон взаимного проникновения противоположностей; 3) закон отрицания отрицания². В другом месте о последнем

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 385.

² См. там же, с. 384.

законе говорится: «...развитие путем противоречия, или отрицание отрицания,— спиральная форма развития»¹. В «Анти-Дюринге» второй закон (диалектика противоречия) передвинут на первое место и поставлен перед диалектикой количества и качества².

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин также на первое место ставит единство противоположностей (противоречие) как ядро диалектики, развивая и выводя из него сначала отрицание отрицания (возврат якобы к старому и повторение в высшей стадии известных черт, свойств и т. д. низшей), а затем переход количества в качество и обратно³. Однако в написанной им в то же время статье «Карл Маркс» на первое место поставлено «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...». Затем следуют превращение количества в качество и, наконец, «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием...»⁴.

Это показывает, на наш взгляд, что последовательность изложения основных законов диалектики особого значения не имеет и что ответ на вопрос о взаимосвязи между ними надо искать в иной плоскости.

Говоря о диалектике, В. И. Ленин подчеркивал два момента, а именно, что ее предметом служит учение о развитии, понимаемое, во-первых, в его наиболее полном виде, иначе говоря,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.

² См. там же, с. 123—126.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202—203.

⁴ Там же, т. 26, с. 55.

как развитие диалектическое и, во-вторых, как распространенное не только на внешний мир (объект), но и на человеческое познание, мышление (субъект)¹. Остановимся на первом моменте. Рассматривая процесс развития, его существенные стороны, мы можем поставить три вопроса: 1) почему оно происходит? 2) как, каким образом? 3) что получается в итоге, в результате? В первом случае речь идет об установлении источника развития, его стимула, первопричины; во втором — о раскрытии его внутренней детальной картины; в третьем — о выяснении его формы. Если говорить образно, то, отвечая на вопрос «почему», мы показываем «движущую пружину» развития; отвечая на вопрос «как», — его «механизм», а давая ответ на вопрос о полученном результате, — «траекторию», пройденную в ходе развития. В ответах на эти вопросы и выражается взаимосвязь трех основных законов диалектики, ибо они позволяют вскрыть и отразить, почему и как совершается диалектически понятое развитие и что оно образует при своем относительном завершении.

Но это лишь одна сторона характеристики их взаимосвязи. Другой стороной служит выявление того *диапазона*, в рамках которого проявляет себя в полной мере действие того или иного закона. Так, закон единства и борьбы противоположностей (противоречие) действует и проявляет себя в любой точке развития; в противном случае, если бы он хоть на один миг прекратил свое действие в качестве движущей силы всего процесса, развитие было бы прервано, останов-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

лено и весь процесс прекратился бы. Поэтому данный закон мы назовем *дифференциальным*.

Закон перехода количества в качество отличается в этом отношении от предыдущего тем, что проявляет свое действие не в каждой точке процесса развития, а только в пределах отдельных его отрезков; пока происходит процесс эволюционных, чисто количественных изменений, действие этого закона не обнаруживается, от одной точки развития к другой совершается лишь накопление подчас незаметных количественных изменений; но с того момента, когда резко и быстро наступает превращение количественных изменений в качественные (фаза скачка), данный закон обнаруживает свое действие. Поэтому его можно назвать *дифференциально-интегральным*.

Наконец, закон отрицания отрицания, хотя он, как и оба предыдущих закона диалектики, действует в ходе всего процесса развития, обнаруживает свое действие лишь после повторного отрицания, следовательно, в самом конце данного процесса, когда тот достигнет своего относительного завершения. Это происходит каждый раз, когда заканчивается очередной виток спирали и развитие достигает своего исходного пункта на новой основе. Поэтому данный закон можно назвать *интегральным*, ибо он охватывает весь путь, пройденный процессом развития.

Так обстоит дело с диалектической трактовкой развития как предмета диалектики.

Распространение диалектики на процесс познания, процесс мышления. Касаясь теперь другой стороны вопроса о развитии как предмете диалектики, остановимся на роли отрицания отрицания в процессе познания вообще и в част-

ности в выработке метода восхождения от абстрактного к конкретному как метода научного. Ф. Энгельс показал, что процесс познания носит трехфазный характер. Он начинается с непосредственного созерцания объекта изучения, который хотя и выступает как целостный, но эта целостность носит еще сугубо диффузный, неясный характер. Затем наступает фаза анализа, когда эта его целостность разрушается, происходит ее первое отрицание. Наконец, в заключительной фазе познавательного процесса изучаемый объект восстанавливается в его исходной целостности и конкретности путем воссоединения его частей, на которые он был разложен в ходе предшествующего анализа. Тем самым осуществляется второе отрицание, или отрицание отрицания, возвращающее процесс познания к своему исходному пункту.

«Результат отрицания отрицания,— писал В. И. Ленин,— это третье не есть... «покоящееся третье, а именно это единство» (противоположностей), «которое есть опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность»... Результат этого диалектического превращения в «третье», в синтез есть новая посылка, утверждение etc., которая снова становится источником дальнейшего анализа... Получается, «что может показаться требованием бесконечного, идущего *вспять* прогресса в доказательстве и выводе»... но с другой стороны, новая посылка толкает *вперед*...»¹

Далее В. И. Ленин приводит отрывок из гегелевской Логике, характеризующий метод вос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 211 (во внутренние кавычки поставлены слова Гегеля).

хождения от абстрактного к конкретному, душой которого фактически выступает именно отрицание отрицания: «...«Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя»...» Резюмируя, В. И. Ленин заметил: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»¹.

Так обстоит дело с распространением диалектически понятого развития как предмета диалектики на область познания, мышления.

Отрицание отрицания и противоречие. Говоря о соотношении между основными законами диалектики, остановимся теперь особо на том, почему Ф. Энгельс и В. И. Ленин связывали развитие, совершающееся через отрицание отрицания, и развитие, происходящее путем противоречия. В. И. Ленин писал, что если движение и становление совершаются без повторения, без возврата к исходному пункту, то тогда такое движение не является «тождеством противоположностей»², иначе говоря, не является диа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 212.

² См. там же, с. 308.

лектическим. Это означает, что «тождество противоположностей», т. е. противоречие, обязательно предполагает возврат к исходному пункту и повторение, т. е. отрицание отрицания, и наоборот, наличие этого последнего обязательно предполагает противоречие.

Откуда же истекает эта их взаимосвязь и взаимообусловленность? Дело в том, что то понятие «отрицание», которое фигурирует в отрицании отрицания, означает не просто любое отрицание, а превращение в свою противоположность, в «свое другое». Например, если мы имеем дело с водным раствором серной кислоты, то ее «отрицанием» будет переход к любой другой жидкости иного цвета, плотности, вязкости и т. д.; однако только при переходе к раствору какого-либо сильного основания, например едкого натра, будет иметь место переход в свою противоположность. Именно такие переходы и отражены в законе отрицания отрицания. В. И. Ленин замечал по поводу одного из высказываний Гегеля: «Очень верно и важно: «другое» как *свое* другое, развитие в *свою* противоположность»¹. Именно в силу этого отрицание отрицания так тесно связано с противоречием, ибо здесь видно, как последовательно один за другим совершаются переходы в свою противоположность, благодаря чему каждый раз происходит разрешение очередного противоречия. Это и означает, что развитие путем противоречия совпадает с отрицанием отрицания: можно рассматривать то и другое как синонимы.

При повторном превращении в свою противоположность какие-то черты, признаки исходной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 235.

формы обязательно должны проявиться, должны повториться, но, конечно, по-новому, в совершенно новых условиях.

Теперь поставим вопрос: обязательна ли триадность для отрицания отрицания и как ее следует понимать? В. И. Ленин отмечал: «NB: «троичность» диалектики есть ее внешняя поверхностная сторона»¹. Легко показать, что в ходе развития может обнаружиться не обязательно три, но и большее число звеньев, пока не будет осуществлено отрицание отрицания. Так, первобытнообщинный строй (первобытный коммунизм) (I) отрицается исторически первой классово-антагонистической формацией — рабовладельческим обществом (II) — первое отрицание; эта формация отрицается исторически следующей за ней — феодализмом (III) — второе отрицание, которое, однако, еще не возвращает весь исторический процесс к его исходному пункту: феодализм отрицается капитализмом (IV) — третье отрицание, а этот последний — коммунизмом (V) — четвертое отрицание, которым отрицается не только капитализм, но и само существование классово-антагонистических формаций вообще. Только вместе с этим, четвертым отрицанием происходит отрицание отрицания и вместе с тем возврат якобы к старому, к исходному пункту (в смысле: к бесклассовому обществу), но возникающему, разумеется, на неизмеримо более высокой основе, нежели это имело место в случае бесклассового общества при первобытнообщинном строе.

Как видим, здесь процесс развития образует пять звеньев. Однако мы можем средние три

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 210.

звена (II, III и IV) объединить в одно, представляющее собой совокупность всех классово-антагонистических формаций, внутри которого и совершаются переходы от рабовладельческого общества (II) к феодализму (III) и от феодализма к капитализму (IV). В таком случае мы получим здесь триаду, выражающую сначала исходную форму — первобытное бесклассовое общество (1) — «положение», затем переход к классово-антагонистическому обществу (2) — первое «отрицание» и заключительное возвращение к исходному пункту — бесклассовому обществу в его развитой форме, т. е. в форме зрелого коммунизма (3) — «отрицание отрицания». Это можно записать так: 1—2 (II—III—IV)—3, где вместо первоначальных римских цифр I и V стоят теперь арабские 1 и 3.

Таким образом, несмотря на реальное наличие пяти звеньев, развитие все же можно в конечном счете свести к триадности, ибо переход в «свое другое», в свою противоположность (от классово-антагонистического общества к развитому бесклассовому, коммунистическому) происходит не в виде разового отрицания, а в виде ряда последовательных, как бы незавершенных отрицаний, которые лишь в итоге, суммируясь, осуществляют переход в свою противоположность по отношению к исходному пункту. Как видим, отрицание отрицания наступает лишь в заключительном акте.

В качестве примера для подтверждения сказанного можно привести менделеевскую периодическую систему элементов. Само понятие периодичности элементов с повторяемостью их химических свойств, с регулярным возвращением к исходному пункту служит ярким доказатель-

ством справедливости закона отрицания отрицания и диалектики вообще. Возьмем малый период, начинающийся с лития (щелочной металл). Двигаясь от него направо по системе, мы обнаруживаем, как от элемента к элементу ослабевает их металлический характер и постепенно усиливается характер неметаллический и, соответственно, как слабнут у их соединений основные свойства и возрастают кислотные. Так происходит от бериллия (первый элемент после лития) до кислорода (последний элемент перед фтором), — следовательно, через пять звеньев. Наконец, у галогена — фтора происходит полное превращение в свою противоположность. Однако при дальнейшем движении в том же направлении происходит не отрицание отрицания, т. е. возврат к исходному пункту, а еще одно, причем более глубокое, отрицание: отрицается вообще химическая активность, которая была до сих пор в той или иной степени присуща всем членам данного периода, от лития до фтора. Мы переходим к химически инертному элементу — газу неону. Только при следующем шаге наступает наконец отрицание отрицания, и мы возвращаемся снова к щелочному металлу — натрию, но химически значительно более активному, чем литий («на более высокой основе»).

Однако, несмотря на то что ряд от лития до натрия включительно состоит из девяти членов, между которыми (при движении по этому ряду) происходит восемь последовательных отрицаний, мы можем представить его в виде триады: первым ее членом (1) будут все входящие в него химически активные элементы, вторым членом (2), стоящим после первого от-

рицания, будет инертный неон, а третьим членом (3) — натрий и следующие за ним по системе химически активные элементы вплоть до хлора.

Таким образом, некоторые члены триады (в данном случае первый и третий ее члены) оказываются сложными, состоящими из нескольких последовательных звеньев.

О неправильной (упрощенной) трактовке отрицания отрицания. Еще в конце 30-х годов при перечислении основных черт марксистского диалектического метода было исключено отрицание отрицания. Сторонники такого подхода считали, что закон отрицания отрицания якобы представляет собой не что иное, как пережиток гегельянщины. С начала 50-х годов подобного рода утверждения стали исправляться, однако они порой еще дают себя знать и в наши дни.

При полном отбрасывании отрицания отрицания возникла задача переложить содержание этого закона на какое-либо другое положение диалектики. С этой целью была выдвинута мысль о том, будто рациональное содержание данного закона включает в себя понятие о развитии по восходящей линии, направленном от низшего к высшему. Но сама суть развития по спирали (путем отрицания отрицания) состоит в том, что здесь сложным, противоречивым образом сочетаются два сопряженных движения: одно — поступательное, прямолинейное, по восходящей линии; другое — круговое. Совмещаясь, они и образуют движение по спирали. Сведение же положительного содержания закона отрицания отрицания лишь к одному первому движению означало отбрасывание второго (кругово-

го), в результате чего перечеркивалась вся суть развития по спирали (путем отрицания отрицания) и данный закон подменялся совершенно другим положением. Это было равносильно тому, как если бы положение квантовой механики о единстве волны и корпускулы в области микроявлений было подменено лишь одним чисто корпускулярным (классическим) представлением. «Познание человека не есть (respectively¹ не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали»².

Сторонников упрощенного подхода особенно пугала трактовка отрицания отрицания как возврата «якобы к старому»³, возврата «к исходному пункту»⁴, а ведь именно такая трактовка признавалась В. И. Лениным совместимой с понятием диалектического движения.

Противники закона отрицания отрицания рассуждали примерно так: развитие есть борьба между новым и старым; после того, как новое победит старое, процесс развития снова возвращается к старому (или якобы старому), к давно пройденному своему начальному пункту, не есть ли это неоправданная уступка старому?

В действительности же диалектика познания на каждом шагу свидетельствует о том, что возникавшие в начале научного движения представления в ходе последующего развития отбрасывались как ложные, а затем в какой-то момент восстанавливались и получали подтвер-

¹ Соответственно (лат.).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

³ См. там же, с. 203.

⁴ См. там же, с. 308.

ждение. Так, выдвинутая в начале XVIII века Ньютоном корпускулярная теория света была отброшена в результате позднейших открытий в области оптики, где, как представлялось, полностью утвердилась диаметрально противоположная волновая теория света, просуществовавшая в одностороннем ее толковании до самого конца XIX века. Но на рубеже XIX и XX веков благодаря созданию Планком теории квантов и введению Эйнштейном понятия фотона отброшенные, казалось бы, раз и навсегда корпускулярные представления (идеи дискретности) снова вошли в оптику. Это, разумеется, оказалось не простым возвратом к старому (т. е. к идеям Ньютона), а возрождением в новых исторических условиях и применительно к совершенно новой ситуации в оптике (и в физике вообще) ранее высказанной идеи о дискретной природе света, но теперь уже не в ее абстрактной односторонности, а в соединении с идеей о волновой (континуальной) природе того же света. Это и означает, что в данном случае в своеобразной форме совершился возврат *якобы* к старому, к исходному пункту диалектически происходившего развития. Как видим, здесь нет и тени какого бы то ни было «примиренчества» к старому, какой бы то ни было «уступки» ему со стороны нового. Само это новое в ходе его прогрессивного движения обнаружило в себе самое то, что выдвигалось раньше и было тогда отвергнуто, а теперь неожиданно проявилось и подтвердилось при поступательном движении *вперед*, но отнюдь не назад (не при попятном движении). Это именно то, что В. И. Ленин отмечал как повторение в высшей стадии и на новой базе известных черт, свойств низшей.

Особенно часто выдвигалось возражение против всеобщности отрицания отрицания; если же оно лишено всеобщего характера и его действие ограничено узкими рамками, то, значит, это не есть один из наиболее общих законов *всякого* развития. И вообще, если закон лишен признака всеобщности, это уже не закон, а нечто вроде констатации иногда наблюдающихся любопытных явлений. При этом ссылались на высказывание Ф. Энгельса: «...что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления...»¹. На этом основании делался вывод, что этот закон только «весьма общий», а не наиболее общий и не всеобщий, он только «весьма широко действующий», но не действующий повсюду и всегда. Между тем на этой же странице Энгельс пишет по поводу всех основных законов диалектики, в том числе и об отрицании отрицания: «Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»².

Точно так же обстоит дело и с попыткой использовать следующее высказывание Ф. Энгельса: «Истинное—естественное, историческое и диалектическое — отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти, в мышлении вполне) на основе приобретенного опыта вновь достигается

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

² Там же.

первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени»¹. Отсюда делается вывод, что отрицание отрицания. (а именно о нем тут идет речь) сам Энгельс считал таким положением, которое действует в полной мере («вполне») только в сфере мышления, а в объективном мире (в истории) — лишь частично («отчасти»).

Но отсюда нельзя сделать вывод, что закон отрицания отрицания — не всеобщий закон, а какое-то частное положение, точнее, закон лишь одного познания, мышления. Между тем Ф. Энгельс имеет в виду вовсе не то, что только в сфере познания закон отрицания отрицания действует «вполне», а в истории — лишь «отчасти», а то, насколько полно в том и другом случае достигается в процессе развития его исходный пункт. Очевидно, что в процессе познания, мышления в результате заключительного синтеза объект, или предмет изучения, подвергнутый перед этим аналитическому расчленению, должен быть восстановлен предельно полно в его исходной целостности и конкретности. Без этого нет и не может быть синтеза как полного возвращения к тому пункту (т. е. к самому объекту познания, каким он существует вне и независимо от субъекта), с которого начался процесс познания. В отличие от этого во внешнем мире (природе и истории) в силу спиралевидности процесса развития возвращение к исходному пункту (якобы к старому) совершается на высшей основе и лишь в смысле сходства каких-то признаков (их повторения) у высшей стадии с низшей (примером может служить дви-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 640—641.

жение по мэнделеевской периодической системе элементов, когда происходит возвращение после натрия к калию и т. д.). Иначе, если бы возвращение к исходному пункту было действительно полным, мы не имели бы поступательного движения, развития, а имели самое обычное, тривиальное движение по кругу.

Иногда в качестве «довода» против этого закона ссылаются на то, что в природе могут совершаться и реально совершаются круговые процессы. Например, указывают на такого рода процессы: пар превратился в воду (сконденсировался) — первое отрицание, а вода снова испарилась, превратившись обратно в пар, — второе отрицание, т. е. отрицание отрицания. Или: жесткий гамма-фотон в поле тяжелого ядра превратился в электрон и позитрон («рождение пары»), а затем родившийся позитрон вновь слился с электроном («аннигиляция пары»). Где же тут развитие? Отрицание отрицания полностью вернуло систему к исходному пункту. В итоге, дескать, получается простое топтание на месте. Однако здесь вырывается лишь одно звено из всей цепи развития, исключается возможность перехода к следующему звену.

Между тем если внимательно рассмотреть приведенные выше качественные превращения различных материальных образований, то окажется, что дело обстоит вовсе не так просто. Возьмем историю какого-либо небесного тела: будучи вначале раскаленным, оно находится в газообразном состоянии. Его эволюция идет в сторону постепенного охлаждения, в результате чего рано или поздно газы начинают сгущаться в жидкость, и хотя эта жидкость (например, вода) будет частично испаряться (круговорот

воды в природе), но здесь не может быть и речи о полном возврате к исходному пункту: все это происходит на фоне общей эволюции данного небесного тела в сторону постепенного охлаждения. То же мы замечаем и в случае «рождения пары» и ее «аннигиляции». Исходный гамма-фотон и исходный нейтрон находятся в электрически нейтральном состоянии. Тот и другой, однако, могут электрополяризоваться, переходя в «пару» (в случае фотона) или протон, электрон и нейтрино (в случае нейтрона). Затем протон улавливает электрон (при соответствующих условиях) и вновь возникает электронейтральная система — атом водорода. Точно так же «пара» (электрон и позитрон) могут создать электронейтральную систему (правда, неустойчивую) — позитроний. В этих случаях имеет место возврат к исходному пункту (в смысле электронейтральности) на более высокой и сложной основе, т. е. действует закон отрицания отрицания.

Наконец, пожалуй, наиболее распространенным «доказательством» несостоятельности отрицания отрицания как одного из основных законов диалектики служат примеры того, что первое отрицание в ходе развития совершилось, а второго нет и даже нельзя его будто бы вообразить. При этом рассуждают так. Сначала была неживая (мертвая) природа, потом в порядке ее отрицания (первого) возникла жизнь (живая природа). Что же должно выступить в качестве следующего (второго) отрицания? Поскольку его, дескать, нет и быть не может, значит, в этом случае закон отрицания отрицания явно не действует. Или еще. Сначала была природа, затем как ее диалектическое отрицание

появился человек. А что может рассматриваться как отрицание (второе) человека? И в этом случае названный закон дает осечку. Значит, это вовсе не закон, раз он не в состоянии дать ответ на поставленные вопросы.

Между тем и здесь очень просто отыскать требуемые ответы, тем более, что они содержатся в «Диалектике природы» Ф. Энгельса. Ведь речь идет о возвращении к *исходному* пункту в процессе развития. Если считать, что этот процесс начинался с неживой природы, то после появления жизни на Земле должен рано или поздно наступить такой момент, когда развитие нашей планеты вновь вернется к неживой природе, как об этом писал Ф. Энгельс. Так что закону отрицания отрицания и в этом случае суждено действовать совершенно неумолимо. Кто в этом сомневается, пусть вдумается в слова Энгельса, сказанные им по поводу гигантских мировых круговоротов. Я не буду приводить здесь целиком его рассуждение по данному вопросу. Оно начинается словами: «Но «все, что возникает, заслуживает гибели»¹ — и заканчивается так: «...с той же самой железной необходимостью, с какой она (материя. — *Б. К.*) когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»². Гносеологический источник отмеченного недоразумения состоит, во-первых, в том, что берется заведомо незавершенный, незаконченный процесс, в котором осуществилось лишь одно первое отрицание, а второго еще нет,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 359.

² Там же, с. 363.

и ставится вопрос: где же отрицание отрицания? Но ведь вполне очевидно, что раз второе отрицание еще не произошло, то нет и отрицания отрицания, а значит, не обнаружил еще себя и соответствующий закон диалектики, ибо, как уже отмечалось, этот закон носит строго интегральный характер и проявляет себя не в середине данного процесса развития, а лишь в его конце, при его завершении. Во-вторых, источник недоразумения состоит в том, что почему-то учитываются лишь одни восходящие ветви развития и не принимаются во внимание нисходящие его ветви. В таком случае действительно невозможно ответить на вопросы о том, что будет отрицанием живой природы и что будет отрицанием человека,— ведь берется лишь восходящая ветвь развития. Но ответ становится ясным, если учесть, что впереди нашу Землю ждет нисходящая ветвь развития.

Таковы несколько типичных недоразумений, вытекающих из непризнания закона отрицания отрицания или непонимания его существа. Их рассмотрение позволяет нам еще раз убедиться во всеобщности этого важного закона диалектики.

*О МЕСТЕ ЗАКОНА
ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ
В СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ*

Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов

Непосредственные причины, делающие актуальной ту или иную теоретическую проблему, могут быть самыми различными. Однако, как правило, в основе их лежит видимая или предполагаемая практическая значимость ее. Не составляет исключения в этом отношении и закон отрицания отрицания. Нам представляется, что начавшаяся в советской философской литературе более двух десятилетий назад и продолжающаяся ныне дискуссия о сущности этого закона и его функциях обусловлена прежде всего его связью с фундаментальнейшим и никогда не теряющим актуальности вопросом о тенденциях развития человечества, о реальности общественного прогресса, его сущности и направлении. Этим объясняется и определенный резонанс, вызываемый данной дискуссией в зарубежной, в том числе и буржуазной, философской литературе. При этом вопросы о тенденциях мирового развития выносятся нередко буржуазными авторами на острие аргументов, направленных против марксистской идеологии. Выводы и заключения, которые конструируются ими с целью «отбросить», «преодолеть» марксизм, нередко приобретают форму логических курбетов. Например, можно встретить утверждение, что,

поскольку-де марксизм рассматривает мировое движение как восходящее, прогрессивное развитие, он тем самым предполагает его начало; следовательно, в конкретных философских вопросах нет различий между марксизмом и неомизмом; различие между ними существует якобы лишь в политической ориентации¹. В этой связи обсуждение в нашей философской литературе вопросов о сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия имеет не только чисто теоретическое, но и большое идеологическое значение. В данном выступлении хотелось бы обратить внимание на некоторые, как нам кажется, важные методологические аспекты обсуждаемой проблематики.

Как известно, существует в основном два разных взгляда на сущность закона отрицания отрицания и его место в системе материалистической диалектики. Одна группа авторов, исследующих этот закон, наделяет его статусом всеобщности; другая полагает, что хотя закон отрицания отрицания и часто встречается, тем не менее он не является всеобщим, а обнаруживает себя лишь в процессах прогрессивного развития. Нам представляется, что обе эти концепции имеют право на существование, по крайней мере, на современном этапе исследования, и в то же время каждая из них имеет слабые звенья. Мы придерживаемся второй точки зрения, сознавая, конечно, что она уязвима в некоторых пунктах.

Нам кажется, что придание закону отрицания отрицания всеобщего характера (а это доволь-

¹ *Wetter H. Dialektischer und historischer Materialismus. Sowjetideologie. Hamburg, 1968, S. 121.*

но распространенная точка зрения) не является достаточно обоснованным научным выводом, ибо в системе доказательств, используемых авторами, встречаются и такие утверждения, которые не согласуются с их исходными тезисами. В частности, при строго научном подходе обнаруживается, что некоторые свойства, рассматриваемые как присущие закону отрицания отрицания, на самом деле либо вообще ему не присущи, либо не обладают признаками всеобщности. Столь ли абсолютен для всех без исключения процессов возврат, хотя бы и в относительной форме, к старому, якобы повторение пройденного на новой ступени? Данный признак рассматривается как обязательный для закона отрицания отрицания. Но это особенность развития, встречающаяся лишь в тех процессах, где имеет место цикличность изменений и где начальный и заключительный (третий, четвертый и т. д.) циклы относительно сходны не только по внешним признакам, но и частично по структуре и по содержанию. Кроме того, существуют и необратимые процессы, в особенности в сложных системах, где повторение прошлых состояний становится маловероятным событием.

Правда, высказывалось мнение, согласно которому «цикличность и поступательность представляют собой две взаимообусловленные противоположности, присущие движению как способу существования материи»¹. Если признать это утверждение верным, то из него можно, конечно, сделать вывод о всеобщем характере закона отрицания отрицания. Но как раз тезис о нерасторжимом единстве цикличности и посту-

¹ Диалектический материализм. М., 1974, с. 297.

пательности остается, на наш взгляд, недоказанным, неубедительным. Заявив о единстве цикличности и поступательности, сторонники этой точки зрения вместе с тем утверждают, что изменения циклического характера являются преобладающими, «в результате чего в природе совершается всеобщий круговорот веществ»¹. Таким образом, цикличность и поступательность оказываются неравноправными, а поступательное движение, видимо, может происходить без циклических изменений. Выходит, цикличность все-таки не является всеобщей, и если мы принимаем ее как важнейший признак закона отрицания отрицания, то следует в этой связи признать, что не все признаки, которыми наделяется данный закон, обладают свойством всеобщности.

Нам кажется, что по степени общности закон отрицания отрицания существенно отличается от закона единства и борьбы противоположностей и от закона перехода количественных изменений в качественные. Если последние два закона действуют везде и всюду без исключения и имманентны движению в силу присущих объективному миру свойств всеобщего характера, их порождающих, то названное выше свойство закона отрицания отрицания таковым не является. Следовательно, если мы наделяем закон отрицания отрицания наряду с другими свойствами еще и таким свойством, как относительное (на новой базе, на новой ступени, качественно иное по содержанию и т. д.) повторение предшествующих этапов, то тем самым мы вводим в него основания, по которым он не может быть всеобщим.

¹ Диалектический материализм, с. 296.

Думается, что это соответствует тому выводу, к которому приходит Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»¹. Ф. Энгельс не называет здесь этот закон всеобщим, он называет его важным, чрезвычайно широко действующим, но не более. Сходную оценку закона отрицания отрицания мы находим у В. И. Ленина. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он, ссылаясь на Ф. Энгельса, писал, что если развитие общественных явлений иногда «подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость»². Всего лишь «не редкость».

Существуют и другие попытки обосновать всеобщий характер закона отрицания отрицания. Например, можно встретить в литературе утверждение, которое наводит на мысль, будто отрицание отрицания — это лишь термин, обозначающий прогрессивное развитие, понимаемое диалектико-материалистически: сущность развития сводится к движению от низшего к высшему, а закон отрицания отрицания рассматривается как концентрированное выражение этого бесконечного движения по восходящей, и вследствие этого он оказывается всеобщим. Однако такая трактовка представляется нам довольно спорной.

Во-первых, в ней содержится идея односторонности развития и движения вообще, против чего возражал в свое время Ф. Энгельс. Подобного рода представления связаны с су-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 163.

щественной методологической ошибкой, с игнорированием фактов существования в мире процессов принципиально различного порядка: восходящих и нисходящих — и подчинением вторых первым. Однако признание только восходящего развития в мире не соответствует реальной действительности. Один из основных законов макромира — второе начало термодинамики — допускает возможность повышения уровня организации отдельных материальных систем, но исключает такую возможность применительно ко всей их совокупности. Современные представления о жизни звезд выводятся многими авторами именно из этой закономерности. «Эволюция звезды начинается с водорода, с протонов: в результате термоядерных реакций протоны объединились в сложные ядра... В конце эволюции в стадии барионной звезды мы снова приходим к веществу, состоящему из отдельных барионов»¹. Не является прогресс единственным и обязательным путем развития и для планет. Планетологи считают, что Земля — определенно нетипичный образец среди всех планет².

Отрицая многонаправленность процессов развития, сторонники концепции всеобщего прогресса рассматривают повышение уровня материальной организованности как неперемный и всеобщий итог развития систем. «Все ближайшие к нам материальные системы: галактики, звездные системы, солнечная система, планетная, геологическая система, органический мир,

¹ Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Теория тяготения и эволюция звезд. М., 1971, с. 346.

² См.: Каттерфельд Т. Н., Бенеш К. Планетологическое сравнение Венеры и Земли.— Известия АН СССР, серия геологическая, 1972, № 12, с. 261.

человеческое общество — развиваются в целом от простого к сложному»¹, — утверждает А. Е. Фурман. Однако не только в общем движении мира прогресс и регресс взаимопологают друг друга, но они присутствуют и в отдельно взятых системах. Говоря об эксплуататорском обществе, Ф. Энгельс замечает, что «всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс...»².

Поскольку в мире наряду с восходящим существует и нисходящее движение, у нас нет оснований считать закон отрицания отрицания всеобщим (в том случае, если так называемое восходящее развитие рассматривается как главный его атрибут).

С логической стороны этот вывод кажется прочным. К сожалению, он становится проблематичным, как только мы переходим на новый уровень анализа, например ставим вопрос о соотношении категорий «развитие» и «регресс». Как известно, этот вопрос решается в нашей литературе неоднозначно. Одни авторы выносят регресс за пределы процесса развития, другие рассматривают его как развитие, но по нисходящей линии. Очевидно, наши выводы относительно сущности закона отрицания отрицания и его места в материалистической диалектике будут зависеть от того, какую из двух названных точек зрения мы изберем в качестве отправной.

Если рассматривать регресс как форму развития, хотя и по нисходящей линии, то следует

¹ Фурман А. Е. Диалектическая концепция развития и современная биология. М., 1976, с. 198.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 68.

признать закон отрицания отрицания всеобщим. Нам, однако, кажется, что, хотя прогресс и регресс взаимосвязаны, в конечном счете, в тенденции они взаимно исключают друг друга. Первый означает продолжение процесса изменений, предполагает перспективы его перехода на новые уровни и этапы. Второй означает процесс изменений, ведущий в тупик, движение, не имеющее (в данном его виде) перспективы, уходящей в бесконечность. По этим соображениям нам кажется необоснованным включение регресса в развитие, понимаемое как тенденция, и, следовательно, представляется неправомерным связывать закон отрицания отрицания со всякими изменениями вообще и таким путем обосновывать его всеобщность. Во всяком случае, анализ закона отрицания отрицания требует в этой связи уточнения, выработки согласованных позиций относительно сущности категорий «развитие», «прогресс», «регресс» и связей между ними.

Развитие, как и движение вообще, есть следствие действия многих законов. Ключевым среди них является закон единства и борьбы противоположностей, а отрицание отрицания представляет собой лишь форму развития «путем противоречия»¹. Диалектическое отрицание всегда является результатом развития внутренних противоречий. Раздвоение единой структуры на противоположности и борьба между ними представляют собой самое общее выражение причин, обуславливающих переход предмета, явления от старого качества к новому. Вследствие этого движение оказывается неотделимым

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.

от материи, а развитие выступает как саморазвитие в силу своей внутренней противоречивости, и выражением его является отрицание отрицания¹.

Противоречивая природа диалектического отрицания получила свое выражение в категории снятия, означающей разрушение, уничтожение изжившей себя формы, некоторых элементов содержания и сохранение, приумножение всего положительного, что было в старом содержании, переход на высшую стадию развития. В диалектическом отрицании заложено единство прерывности и непрерывности, т. е. оно предполагает преемственность в развитии. Непрерывность выражается в том общем, что переходит от предыдущего предмета, прерывность — в том особенном, что отличает новое от старого. Новое качество, отличающееся от старого своим содержанием, характеризует прогрессивную направленность развития. Таким образом, отрицание отрицания оказывается одним из моментов этого развития; поскольку оно опирается на качественные изменения, оно, следовательно, опирается и на закон перехода количественных изменений в качественные.

Отрицание отрицания — одна из закономерностей прогрессивного развития, характеризующая моменты цикличности, относительности, повторяемости и вытекающая из законов единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество.

В заключение представляется необходимым отметить еще одно обстоятельство. Нам кажется, что разногласия в понимании сущности

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 640—641.

закона отрицания отрицания и его функций являются в определенной мере следствием недостаточно четкого разграничения категорий «отрицание», «отрицание отрицания» и «закон отрицания отрицания». Совсем не редкость, когда в работах, посвященных проблемам развития или характеристике законов диалектики, термин «отрицание» употребляется в смысле закона отрицания отрицания, а под выражением «закон отрицания отрицания» подразумевают процесс развития по форме отрицания отрицания. Такое недостаточно строгое словоупотребление (терминологическое разногласие) усложняет выработку единой или по меньшей мере согласованной позиции. Было бы целесообразно рассмотреть указанные категории в определенной последовательности, обусловленной их природой, в системной связи, в их взаимозависимости, руководствуясь каким-то основополагающим принципом. Например, идя от частного к общему, можно было бы эту группу категорий представить следующим образом: а) отрицание — своеобразный *момент* развития, отражающий его особую (качественную, а не временную) прерывность; б) отрицание отрицания — *процесс* развития, предполагающий ту или иную цикличность, утверждение позитивного, существовавшего в старом, и его интеграцию с зарождающимся новым, преемственность развития, его непрерывность; в) закон отрицания отрицания — совокупность необходимых существенных отношений и связей, раскрывающих направление развития, его *тенденцию*, вырисовывающуюся из последовательно сменяющих друг друга отрицаний, из процесса отрицания.

Мы выстроили категории «отрицание», «отрицание отрицания» и «закон отрицания отрицания» в последовательности, отражающей нарастание и усложнение элементов, связей и состояний, образующих развитие, и на этой основе попытались определить самые существенные особенности указанных категорий. Вероятно, могут быть иные и, возможно, более продуктивные подходы.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ И ТОЖДЕСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В. И. Корюкин

Пожалуй, нет в философской теории марксизма положения, которое служило бы предметом столь ожесточенных споров, как идея отрицания отрицания. Следует признать, что для подобных споров есть определенные основания. Идея — инобытие идеи (природа) — возврат идеи к самой себе через развитие человеческого духа — такова идеалистическая в своей основе схема Гегеля, которую нередко связывали с традиционной для христианства святой троицей. В самом деле: бог-отец — бог-сын (отрицание божественной сущности) — бог-дух святой (возврат к божественной сущности). Гегелевский подход к отрицанию отрицания, стремление «подогнать» любые процессы под пресловутые триады нередко приводились в прошлом в качестве примера идеалистической ориентации диалектики. Действительность отказывается укладываться в триады — тем хуже для действительности. К. Маркс, исходя из Гегеля, утверждали критики марксизма от Е. Дюринга до русских народников, творит диалектические чудеса для правоверных; исходя из гегелевского закона отрицания отрицания, он делает в «Капитале» вывод о неизбежности замены частной собственности общественной и т. д. Э. Берн-

штейн и другие сосредоточивают огонь критики на примерах, с помощью которых Ф. Энгельс пояснял сущность действия закона отрицания отрицания. Между тем К. Маркс, подчеркивавший, что метод, прямо противоположный гегелевскому, был плохо понят, вовсе не пытался исходить из закона отрицания отрицания, выявляя закономерности развития человеческого общества, хотя несомненно использовал этот закон. И сегодня стремление применять закон отрицания отрицания, не вскрыв его сущности, не зафиксировав условий его действия, может приводить к методологическим и мировоззренческим ошибкам. Так, утверждение, что суть этого закона — в признании «спиралевидности» развития, в сочетании с абсолютизацией идеи прогрессивного развития (естественной для периода становления эволюционных учений) приводит в итоге к методологическому тупику, подобному тому, в котором оказался в свое время Дюринг.

Материалистическая позиция, связанная с признанием вечности, несотворимости, неуничтожимости материи и движения, не допускает развития материи исключительно по восходящей или по нисходящей линии, иначе мы приходим к идее «начала» или «конца» развития или вынуждены допустить заданные внешним образом цели бесконечного однонаправленного развития. Но еще П. Гольбах справедливо утверждал, что «целое не может иметь цели, так как вне его нет ничего, к чему оно могло бы стремиться...»¹. Если есть цель, то есть и предел, иначе невозможно объяснить, как, существуя вечно и раз-

¹ Гольбах П. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1963, т. 1, с. 111.

виваясь однонаправленно, мир до сих пор не достиг желанного состояния. Прислушаемся к словам Ф. Энгельса: «К тому же, вечно повторяющаяся последовательная смена миров в бесконечном времени является только логическим дополнением к одновременному сосуществованию бесчисленных миров в бесконечном пространстве: положение, принудительную необходимость которого вынужден был признать даже антитеоретический мозг янки Дрейпера»¹. Далее Энгельс пишет: «...у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен...»²

Теоретический выход заключается здесь в признании многонаправленности развития и переходов от одного направления к другому. Так, поступательное движение состоит из циклов, сами линии поступательного движения есть части циклов большего масштаба и т. д. «Движение и Werden (становление. — В. К.), — отмечает В. И. Ленин в «Философских тетрадах», — вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту *и тогда* такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека — все это вбивало человечеству в головы не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т. е. диалектического движения»³. Таким образом, согласно этому ленинскому рассуждению, сущность диалектического понима-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 362.

² Там же, с. 363.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 308.

ния движения и становления состоит в признании «тождества противоположностей», т. е. взаимоперехода противоположностей на основе их внутреннего единства. Не может быть абсолютной повторяемости, абсолютного различия и абсолютного тождества. Как говорил еще Гераклит, «бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают». И далее: «Холодное теплеет, теплое холодеет, влажное высыхает, сухое увлажняется»¹. Мало зафиксировать противоположности, противопоставить явлению или свойству его отрицание; необходимо выявить неизбежно существующую внутреннюю связь, взаимопереход противоположностей, перейти к отрицанию отрицания — только тогда мы сможем понять сущность исследуемого процесса. Так, сопоставляя тождество и различие, мы приходим к идее единства в многообразии. Сопоставляя необходимость и случайность, мы определяем случайное как необходимое в частной связи. Сопоставляя материю и сознание, мы фиксируем их внутреннюю связь и единство в практике, обладающей как достоинством всеобщности, так и достоинством непосредственной действительности. Точно так же истина и заблуждение соединяются друг с другом в виде относительной истины.

Можно высказать дискуссионное предположение: открытие закона отрицания отрицания идеализмом, по сути, как закона познания (т. е. разновидности прогрессивного развития) в последующей материалистической интерпретации привело к сужению сферы его действия.

¹ Материалисты древней Греции. М., 1955, с. 46, 52.

Сутью этого закона стали признавать преемственность этапов развития, повторяемость в развитии, его спиралевидность — важные, но не основные признаки. Отсюда и попытки либо навязать «триадичность» реальным процессам развития, либо отделаться от самого закона, определив его как частную закономерность прогрессивного развития (без ясной сферы применения) или только как закономерность развития познания (тезис — антитезис — синтез), что отвечало именно гегелевской схеме движения абсолютного духа как самопознающего начала. Гегель, как замечал В. И. Ленин, гениально угадал диалектику вещей в диалектике понятий¹; нам, вероятно, предстоит разгадать еще многое в гегелевской диалектике с материалистических позиций. Эта задача, поставленная В. И. Лениным несколько десятилетий назад, оказывается не такой простой.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

СУЩНОСТЬ ТРИАДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

В. Л. Обухов

Уже длительное время в философской литературе проходит дискуссия по вопросу о границах действия закона отрицания отрицания, в ходе которой выявилось неодинаковое решение его различными авторами. Ученые, по-разному определяющие степень общности закона отрицания отрицания, как правило, и в сам закон вкладывают различный смысл. Наличие в современной литературе множества несовпадающих точек зрения на этот закон вынуждает обратиться к истоку — интерпретации его у Гегеля — с целью возможного обнаружения там причин противоречивого освещения закона отрицания отрицания. Это тем более важно, что триадическая, исторически исходная форма данного закона вызывает наиболее противоречивое к себе отношение.

Важность исследования триадической формы закона отрицания отрицания определяется еще и тем, что в философии Гегеля она характеризует содержание его диалектического метода и материалистическое обоснование такого понимания этого закона должно дать конкретное знание его методологического значения. Указанным не ограничивается значение исследования данной формы. В буржуазной философии триадиче-

ский ритм традиционно отождествляется с диалектическим процессом, и поэтому нападки на закон отрицания отрицания используются для извращения «души марксизма» — материалистической диалектики. Начатые при жизни классиков марксизма-ленинизма (со стороны Е. Дюринга, Н. К. Михайловского, Э. Бернштейна, К. Шмидта и других), эти нападки приобрели в настоящее время еще более острую и изощренную форму в трудах Т. Адорно, Г. Маркузе, Г. Веттера и многих других.

У Гегеля движение мышления по форме отрицания отрицания признается единственно правильным и представляет собой суть его диалектического метода, путь достижения истины, способ образования системы. Этот принцип построения научной системы не только постулируется Гегелем, но и реализуется: если другие законы диалектики, также разработанные им на идеалистической основе, рассматриваются в отдельных частях его учения, то отрицание отрицания является логическим каркасом, способом построения всей системы.

Движение научного познания, согласно Гегелю, с необходимостью осуществляется по формуле отрицания отрицания. На первом этапе этого движения происходит отрицание исходной целостности предмета, вычленение односторонних, крайних моментов; поэтому данное отрицание является аналитическим. Диалектическое познание (и в этом его отличие от метафизического) не ограничивается изолированным рассмотрением вычлененных противоположных сторон, а доходит до осознания их единства, взаимопроникновения; поэтому на смену аналитическому с необходимостью приходит синтетиче-

ское отрицание, воссоздающее в мышлении на новой основе целостность предмета. Первое отрицание называется также абстрактным, формальным, так как здесь еще не обнаруживается главное для диалектики — единство, взаимопереход противоположностей. Второе отрицание, или отрицание отрицания, Гегель называет конкретным, абсолютным, так как благодаря ему восстанавливается абсолютная реальность, соотношение с собой, достигается истина, ибо только на этой ступени развития понятие осознается как единство противоположностей, находящихся не в состоянии покоя, а в движении и деятельности¹. Таким образом, первое и второе отрицания не только едины (оба они — переход в противоположность), но и противоположны — по направленности. На различную природу двух отрицаний, характерную для диалектики научного познания, указывал и В. И. Ленин².

Поскольку вычлененные в ходе аналитического отрицания противоположные моменты (тезис и антитезис), взятые отдельно, абстрактны и односторонни, постольку это отрицание соответствует движению от чувственно-конкретного к абстрактному. Синтетическое отрицание, результатом которого является конкретное как совокупность абстрактных определений, соответствует восхождению от абстрактного к духовно-конкретному. В таком понимании отрицание отрицания действительно совпадает с диалектическим методом, так как его составляют особым образом связанные анализ и синтез, абстрактное и конкретное — движение от анализа к синтезу

¹ См.: Гегель. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 301—303.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

проявляется в восхождении от абстрактного к конкретному. Структура «Капитала» свидетельствует о том, что данное понимание закона отрицания отрицания является у Гегеля рациональным. И у Гегеля, и у Маркса закон отрицания отрицания понимался как диалектический метод, состоящий в восхождении от абстрактного к конкретному, и сознательно применялся в качестве основного способа построения научной системы. При этом восхождение от абстрактного к конкретному Маркс, как и Гегель, органически связывал с переходом от анализа (вычленяющего тезис и антитезис) к синтезу. Однако их методы не только едины, но и противоположны по своей основе. Если Гегель форму развития мышления выводит из самого мышления, то по Марксу метод познания есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает конкретное; если для Гегеля движение от абстрактного к конкретному есть движение самого реального предмета, то по Марксу оно характеризует лишь движение категорий, реальность же — это всегда конкретная живая целостность¹.

Сказанное позволяет дать материалистическую характеристику закона отрицания отрицания как метода научного познания: 1) содержанием отрицания отрицания, основными элементами, его составляющими, являются тезис, антитезис и синтез, представляющие собой необходимые ступени научного познания; 2) внутреннюю форму, или динамическую структуру, отрицания отрицания образуют аналитическое (абстрактное) и синтетическое (конкретное) отрицания; 3) сущность закона отрицания отри-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 37—38.

дания как метода познания состоит в том, что этот закон выступает как всеобщая форма отражения в познании объективных противоречий предметов, способ достижения истины; 4) проявлением закона отрицания отрицания является спиралевидное восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному и от него — к духовно-конкретному.

Если в объективном мире противоречия всегда составляют живую целостность, то мышление может их охватить, только разорвав единое, а затем вновь соединив его. В этом смысле триадическая форма закона отрицания отрицания, или способ движения мышления, состоящий в раздвоении единого, вычленении основных противоположностей, а затем в синтезировании их, означающем одновременно возврат к исходной целостности, к основанию, правильно характеризуется в нашей литературе как гносеологическая форма противоречия, которая не совпадает с объективно реальной и не может быть на нее механически перенесена¹.

Объективно реальная и гносеологическая формы движения противоречия едины по содержанию: противоположные стороны и их единство, образующие противоречие в объективной действительности, соответствуют тезису, антитезису и синтезу отрицания отрицания. Различие же состоит в способе их связи: если основные элементы противоречия явлений действительности образуют нерасторжимую целостность (один

¹ См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963, с. 14—16; *Нарский И. С.* Диалектическая проблематика Канта.— *Философские науки*, 1974, № 5, с. 86—87.

момент не существует без другого, отрицание одного момента означает отрицание, гибель всего явления в целом), то в познании основные компоненты рассматриваются отдельно и связь между ними осуществляется посредством первого (аналитического, абстрактного) и второго (синтетического, конкретного) отрицаний. Именно особая природа отрицаний и особая их последовательность, связь — вот то новое, что определяется спецификой мышления и чего нет в законе единства и борьбы противоположностей¹. Кроме того, различны и конечные результаты объективной и субъективной форм движения противоречий. В познании отрицание отрицания является способом достижения истины, ибо, постигая явление как единство противоположностей, исследователь достигает единства между знанием о явлении и самим явлением, а поэтому итогом здесь является возврат к основанию; реальное же противоречие идет дальше: внутреннее противоречие приводит его к самоотрицанию, а следовательно, и к разрушению, к ликвидации образующих его противоположных моментов.

Насколько триадическая форма связи понятий является обязательной? Чем вызвана необходимость в каждом законченном цикле развития мышления двух противоположных понятий и синтезирующей категории, выражающей их единство? Ответ на этот вопрос (разумеется, в идеалистической форме) можно найти у Гегеля, который отмечал, что «материал —

¹ На это, в частности, обращает внимание З. М. Оруджев (см.: История марксистской диалектики. М., 1974, с. 231—232).

противоположные определения в пределах *одного соотношения* — уже *положен* и наличествует для мышления»¹. В переводе на материалистический язык это означает, что мышление лишь вскрывает объективные противоречия предметов и что данный процесс вскрытия соответствует схеме отрицания отрицания. Поскольку в итоге движения по схеме отрицания отрицания мышление адекватно отражает реальные противоречия предметов, постольку единство противоположностей и отрицание отрицания в известном смысле совпадают, что неоднократно отмечалось классиками марксизма. Познание, если оно правильно, не может не развиваться по указанной схеме, а так как диалектическое противоречие является абсолютным, то его гносеологическая форма также абсолютна (в пределах развития познания).

Пытаясь перенести гносеологическую форму движения и разрешения противоречия на объективную реальность, Гегель исходил из принципа тождества бытия и мышления, лежащего в основе его объективно-идеалистической позиции. Он, конечно, понимал, что триада господствует лишь в области духа и что подсовывание всюду троичности является формализмом. Однако, исходя из понимания природы как инобытия духа, а метода познания — как имманентной души самих предметов, Гегель перенес триадическую форму закона отрицания отрицания, действительно характеризующую развитие мышления, на объективный мир, что приводило к безжизненным, формалистическим конструкциям или же служило обоснованию консервативных

¹ Гегель. Наука логики, т. 3, с. 300.

социально-политических концепций. В свое время, абсолютизовав трудности процесса познания, Кант расщепил мышление о мире и мир вещей на два несоединимых полюса. Гегель был по существу прав, отстаивая принцип тождества бытия и мышления, направленный против агностицизма и утверждающий безграничность человеческого познания, адекватность отражения им реальности. Однако, критикуя метафизическую «раздвоенность» мысли и предмета у Канта, Гегель впал в противоположную, также метафизическую крайность: если логически доведенная до конца изоляция метода от содержательной теории приводит к агностицизму, то их отождествление логически приводит к панлогизму.

Буржуазные противники марксизма (в частности, неотомист Г. Веттер) понимают суть проблемы антиномически: либо гегелевский принцип тождества бытия и мышления — и тогда совпадение знания с самим объектом; либо выделение объективной и субъективной диалектики, что свойственно марксистской философии, — и тогда отсутствие всяких гарантий их совпадения. Г. Веттер как метафизик не способен понять, что разделение диалектики на объективную и субъективную и, следовательно, вскрытие не только их тождества, но и различия — все это именно для того и нужно, чтобы правильно, адекватно отражать явления внешнего мира, а не приписывать специфические приемы познания самой природе, что имело место у Гегеля.

Гегелевский «абсолютный метод познания», «истинный метод философской науки» представляет собой логическое движение по схеме отри-

цания отрицания¹. Для правильного определения границ действия этой формы проявления закона отрицания отрицания существенное значение имеет проведенное в последние годы углубленное исследование диалектики связи в системе «метод — содержательная теория — объект». Недоработанность данного вопроса в нашей философской литературе в свое время приводила к экстраполяции приемов познания объекта на движение самого объекта. Так, метод актуализма, применяемый в геологии, стал рассматриваться не только как способ получения знания об объекте, но и как теория, объясняющая сам объект. Эта методологическая ошибка, приводившая к отрицательным последствиям, была исправлена лишь недавно².

В области философии подобная ошибка допускалась в какой-то мере некоторыми учеными, переносившими специфическую для познания триадическую форму закона отрицания отрицания на развитие самих объектов. Это выразилось в попытках ряда авторов уложить развитие любого явления в три ступени, в использовании терминов «тезис», «антитезис», «синтез» для обозначения ступеней развития явлений объективной действительности и т. д. Генезис теории отрицания отрицания, позволяющий вскрыть за явлением (возврат к старому на новом основании) его сущность (метод научного познания), свидетельствует о неприменимости триадической формы движения к явлениям при-

¹ См.: Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 78—79, 107—108; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 131.

² См.: Микешина Л. А., Максимова Н. В. Диалектика отношения теории и метода. — В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1973, вып. 2, с. 144.

роды: если тройственный ритм существует для понимания процесса познания, то в объективной действительности относительно завершённый цикл развития может происходить практически через любое количество отрицаний; если переход от тезиса и антитезиса к синтезу в познании осуществляется посредством абстрактного и конкретного отрицаний, то в объективной действительности, как известно, абстрактных отрицаний нет¹; если в процессе познания возврат якобы к старому происходит на основе воспроизведения существенных признаков, то в объективной действительности — либо в количественном росте, либо в качественном изменении, либо на основе новой формы²; если в движении познания отрицание и отрицание отрицания означают переход в свою противоположность, то такая форма развития в природе и обществе, на наш взгляд, скорее представляет собой аномалию, чем норму³. И наконец, триадическая форма развёртывания противоречия (одна противоположность — другая — их единство), будучи единственно правильной в познании, принципиально неприменима к явлениям природы, ибо, как отмечается многими исследователями, противоречие, единство противоположностей возникает не на ка-

¹ См.: Шептулин А. П. Основные законы диалектики. М., 1966, с. 157, 159.

² См.: Кедров Б. М. Отрицание отрицания. М., 1957, с. 13—15.

³ См.: Мелюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 314. На этом основании общую закономерность, действующую в природе, С. Т. Мелюхин предлагает называть не отрицанием отрицания, а «законом единства цикличности и поступательности» (там же, с. 315).

кой-то стадии развития явления, а вместе с явлением.

Говоря о принадлежности триадической формы закона отрицания отрицания к субъективной диалектике, следует учитывать в ней два основных момента: отражение всеобщих отношений действительности и диалектику познавательного процесса. Эти стороны субъективной диалектики определяют два основных вида триадической формы закона отрицания отрицания. Триада в применении к процессу познания как таковому выступает в качестве формы. Содержанием ее будут основные уровни научного исследования. Если процесс познания исследуется в связи с тем, что познается, то содержанием триады будут узловые моменты объективного противоречия: одна противоположность — другая — их единство.

В первом случае отрицание отрицания относится к диалектическому методу и выступает в качестве способа восхождения от абстрактного к конкретному, точнее, в качестве всеобщей формы процесса познания: от чувственного опыта к логическому мышлению и от него — к их единству в опосредствованной практикой теории познания. Во втором случае отрицание отрицания относится к содержательной теории и выступает в качестве гносеологической формы движения и разрешения противоречия. Отсюда следует, что формула «отрицание отрицания» является более емкой, чем «восхождение от абстрактного к конкретному», так как она включает не только основные уровни, ступени развития познания, но и узловые моменты объективного противоречия, вскрываемые в ходе движения мышления по этим ступеням, а также

способ перехода от одной ступени к другой, или аналитическое и синтетическое отрицания. Отрицание отрицания является составной частью, принципом диалектического метода. Но рассмотрение предмета в единстве его существенных определений не дает знания его истории; поэтому диалектический метод дополняется принципом единства исторического и логического. Характеризуя диалектический метод, основоположники марксизма постоянно подчеркивали взаимосвязанность этих двух важнейших принципов¹.

Указанные две стороны, выражающие сущность диалектического метода, диалектической логики, едины, так как обе они обусловлены противоречивой природой объектов. Если принцип отрицания отрицания дает знание структуры противоречия, то принцип единства исторического и логического показывает основные ступени, этапы его развития. Гегель смешивал рассматриваемые два момента, две стороны диалектического метода, ибо у него осознание сторон противоречия отождествлялось с движением самого этого противоречия, вследствие чего в его философии диалектический процесс и триадический ритм выступают в известном смысле как тождественные. В действительности же отрицание отрицания является только одной стороной диалектического метода. Восхождение от абстрактного к конкретному или от эмпирии и умозрения к теории осуществляется не исключительно силой «мыслящего разума», не непосредственно, а при помощи целого набора эмпириче-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 36—45; т. 13, с. 494—499.

ских и теоретических методов. Г. А. Подкорытов отмечает, что диалектический метод выполняет роль стратегии и применяется не отдельно от частнонаучных методов, но наряду с ними, в них и через них¹. А это значит, что формула отрицания отрицания является лишь самой общей характеристикой познавательного процесса, который в действительности проходит гораздо более сложный и многоступенчатый путь.

Признаки закона отрицания отрицания, которые в мистифицированной, идеалистической форме были разработаны Гегелем для познания, действительно имеют в нем место. Восхождение от абстрактного к конкретному вследствие аналитического и синтетического отрицаний, в ходе которых понятие переходит в свою противоположность; возвращение на высшей ступени к первоначальному пункту движения, означающее синтез исходной ступени и ее отрицания; наконец, как следствие этого, спиралевидное развитие — все эти признаки могут быть материалистически осмыслены при учете как противоречивой природы явлений внешнего мира, так и специфики познания, в котором эти явления отражаются². Гегель, для которого развитие мышления, духа являлось главным в его учении, знал только одну форму движения и разрешения противоречия — триадическую форму, которую

¹ См.: Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967, с. 44, 47.

² «Гегелевские триады диалектического процесса развития абсолютной идеи содержали в себе зерна истины, но в мистифицированном, метафизически искаженном виде. Однако великой заслугой Гегеля было то, что он угадал триадический ритм теоретического познания» (Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, с. 143—144).

он и абсолютизировал. К. Маркс опроверг гегелевское опосредствование действительных противоречий и отождествление объективно реальной и гносеологической форм противоречия. Он переместил центр тяжести в исследовании на объективную диалектику, ядром диалектики выступило не отрицание отрицания, а единство противоположностей. Вопреки утверждениям ряда буржуазных критиков марксизма, приписывающих ему отождествление диалектики с триадическим ритмом, триадическая форма отрицания отрицания имеет в марксизме смысл только применительно к развитию мышления и не может быть механически перенесена на развитие явлений природы.

Традиционные термином «триада» обозначаются два соотносительных понятия и третье, выражающее их диалектический синтез. Такое его употребление в марксистской литературе является корректным. Если в идеалистическом осмыслении триада — это либо система чистых рассудочных понятий, выведенных из способности суждения (Кант), либо результат выведения и синтеза противоположных признаков из «Я» и «не-Я» (Фихте), либо ступени развития абсолютной идеи (Гегель), то в материалистическом осмыслении триада означает признание того, что, во-первых, научное исследование с необходимостью включает в себя три ступени, из которых две первые — чувственно-конкретная и абстрактно-логическая — противоположны по отношению одна к другой, а в третьей — духовно-конкретной — эта противоположность снимается, и что, во-вторых, в ходе движения по этим ступеням в исследуемом явлении, процессе вскрывается, обнаруживается сначала одна

сторона противоречия, затем другая и на основе изолированного их рассмотрения в мышлении происходит осознание единства этих противоположностей.

Таким образом, сущность триадической формы закона отрицания отрицания состоит в том, что это есть специфическая и в то же время наиболее адекватная форма отражения в познании объективного противоречия, гносеологическая форма движения противоречия, способ формирования научной теории, общий путь достижения истины,

О СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

В. И. Свидерский

Несмотря на различие позиций в истолковании закона отрицания отрицания, последние десятилетия характеризуются усилением внимания философов-марксистов к этому закону и углубленным исследованием его сущности и форм проявления. В диалектико-материалистической теории поставлены и исследуются такие, например, проблемы: относится ли этот закон только к процессам развития или охватывает и изменения вообще; как проявляется он на всех уровнях рассмотрения — не только на уровне явлений, но и на уровне свойств, связей и отношений; является ли этот закон предельно всеобщим, или же в его основе лежат более общие и глубокие закономерности; что нового вносит в понимание данного закона его интерпретация с позиций системно-структурного подхода.

Остановимся на некоторых из перечисленных вопросов, используя результаты уже проведенных нами исследований¹. Прежде всего обратим внимание на то, как выглядит закон отрицания отрицания в свете соотношения элементов и

¹ См.: *Свидерский В. И.* Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964; Закон отрицания отрицания в свете соотношения элементов и структуры в явлениях.— Вестник ЛГУ, 1959, № 11.

структуры в явлениях. Под элементами мы будем понимать, как обычно, любые явления, свойства, связи и отношения, которые в своей совокупности способны образовать соответственно новое явление, новое свойство, новую связь и новое отношение. Структура понимается нами как закон, принцип связи элементов, система отношений элементов в рамках данного целого.

Как показывает анализ закона отрицания отрицания, он характеризуется пятью основными чертами, или моментами: развитие как отрицание, поступательный характер развития, триадичность ступеней развития, известное повторение на третьей ступени существенных черт первой ступени на новой основе и завершенность цикла развития.

Первый момент — развитие через отрицание — указывает на путь изменения состояний объективной действительности посредством диалектического отрицания одних состояний другими. Суть же диалектического отрицания состоит в том, что новое состояние включает в себя в снятом, преобразованном виде положительное содержание предшествующего состояния.

С точки зрения элементов и структуры в понятие положительного содержания старого состояния, вошедшего в новое состояние, должны быть включены как определенные элементы старого состояния, так и определенные звенья присущей им структуры. Так, скажем, диалектическое отрицание новым этапом развития науки ее прежнего этапа (например, квантовой механикой — классической механики) сохраняет главные элементы и присущую им структуру, но ограничивает область их существования (в нашем примере эта область ограничивается постоянной

Планка h). Следовательно, всегда, когда в новом состоянии сохраняются старые элементы, сохраняется в каком-то смысле и их структура. Поскольку же в новом состоянии присутствуют и новые элементы, то структура должна быть также новой, свойственной всем элементам в целом.

Итак, при диалектическом отрицании характерно сохранение в новом состоянии не только основных элементов старого состояния, но и присущих им звеньев структуры.

Рассмотрим теперь второй момент закона отрицания отрицания — поступательный характер развития. Он непосредственно следует из природы диалектического отрицания, ибо сохранение положительного содержания старого состояния в новом состоянии, в котором имеется и новое содержание, ставит это новое состояние в более высокое положение по сравнению со старым.

Это удержание положительного содержания относится и к сохранению части элементов, а также к сохранению звеньев присущей им структуры. Следовательно, усложнение в новом состоянии происходит не только за счет дополнения старых элементов новыми, но и за счет включения в новую структуру некоторых звеньев старой. Таким образом, закономерностям развития должны подчиняться как элементы, так и структура явлений — только в совокупности они определяют развитие явления в целом. Преемственность, удержание положительного содержания элементов и структуры прошлых состояний явления, означает, что в развитых состояниях в ядро явления должны входить (в снятом, подчиненном, преобразованном виде) элементы и структурные соотношения всех прошлых стадий

развития. Так, в присущем социализму способе производства сохраняются в преобразованном, измененном виде такие элементы прошлых способов производства, как орудия воздействия людей на природу, сами люди, приводящие эти орудия в действие, соотношение между производством и потреблением, общественные и технические связи между орудиями и людьми и т. д.

Такова связь диалектического отрицания и поступательного развития с соотношением элементов и структуры в явлениях.

Что касается третьего момента закона отрицания отрицания, то сторона триадичности, отражаемая данным законом в развитии явлений, органически связана со стороной повторения в третьей ступени развития явления характерных черт первой ступени, но на высшем уровне (это четвертый момент данного закона). Очевидно, что триадичность и повторение черт явления также должны касаться как элементов, так и структуры явлений.

С точки зрения соотношения элементов и структуры развитие путем отрицания отрицания выглядит следующим образом. В «положении» мы имеем единство исходных элементов и присущей им структуры. Далее, на стадии «отрицания», происходит развитие явления за счет части элементов, создающих свою собственную, им соответствующую структуру. Развитие этой части элементов в рамках присущей им структуры обеспечивает создание условий для развития в конечном счете и остальных элементов и последующее воссоздание структуры, охватывающей уже все основные элементы и соответствующей им. В связи с этим восстановленная струк-

тура оказывается более богатой и развитой, чем исходная, хотя и имеет с нею ряд общих существенных черт.

Таким образом, на стадии «отрицания» структура призвана обеспечить развитие лишь части элементов, а на стадии «отрицания отрицания» она обеспечивает развитие всех основных элементов явления. Восстановление на стадии «второго отрицания» общих черт структуры первого состояния может быть объяснено именно тем, что при этом сохраняются и воссоздаются основные элементы первоначального явления, а они требуют своей общей структуры. Развитие структуры в данном случае обусловлено развитием и обогащением как первоначальных основных элементов, так и вновь возникших элементов.

Рассмотрим в этой связи один из конкретных примеров проявления закона отрицания отрицания.

Изначально присущая человеческому обществу система активного воздействия на природу с помощью искусственно созданных орудий труда и общественная структура связи основных элементов общественного процесса производства, основанная на общественном владении средствами производства, благами природы и добываемыми материальными ценностями, не могли обеспечить одновременный согласованный прогресс всех основных элементов общественного бытия людей из-за низкого уровня развития орудий производства.

Дальнейшее развитие общества стало возможным только за счет развития некоторых элементов общественного процесса и создания благоприятной для этого структуры. Так, рабо-

владельческий строй создал условия для временного развития производительных сил за счет использования металлических орудий производства, интенсификации труда, накопления частной собственности, жесточайших форм эксплуатации, предельного ограничения потребностей самих производителей — рабов и т. д. Однако условия, благоприятствующие развитию отдельных элементов общественного процесса, стали здесь в прямое противоречие с остальными основными условиями существования общества и были в дальнейшем отвергнуты.

Новая общественная экономическая структура — феодализм — системой крепостного труда создала несколько большие возможности для развития таких элементов, как орудия труда, сами производители материальных благ (в частности, стало возможным естественное воспроизводство рабочей силы), общий уровень развития производительных сил, общий культурный уровень и т. д. Однако и здесь возможности для развития обеспечивались лишь узкому кругу элементов общественного процесса, производственные отношения были призваны обеспечить развитие лишь части этих элементов, и поэтому сама общественная структура была суженной и вступала в противоречие с потребностями развития остальных основных элементов общественного процесса, и прежде всего самих производителей.

Структура капиталистического общества, основанная на частной собственности на орудия производства и на эксплуатации наемного труда капиталом, также явилась суженной структурой, создающей возможности для развития лишь части основных элементов общественного про-

цесса. Таким образом, на протяжении многих столетий существования трех классово-антагонистических общественно-экономических формаций экономическая структура способствовала развитию производительных сил за счет жесточайшего ограничения развития самих производителей.

Одностороннее развитие элементов общественного процесса находило свое постоянное выражение в общем противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Разрешение данного противоречия достигается лишь при социализме, когда обеспечивается развитие всех основных элементов общественного процесса и восстанавливается их структура, создающая простор для этого развития.

Проведенное рассмотрение связи закона отрицания отрицания с соотношением элементов и структуры в явлениях позволяет сделать ряд следующих заключений об особенностях диалектического изменения и развития:

1. Каждое явление есть определенное единство основных, существенных, исходных элементов и присущей им основной, общей структуры. Это и есть то, что в законе отрицания отрицания характеризуется понятием «положение».

2. Развитие явления обычно происходит вначале не фронтально, за счет всех элементов, а выборочно, за счет более или менее узкой группы определяющих элементов, с последующим развитием всех остальных элементов явления.

3. Происходящие при этом изменения в структуре направлены на преимущественное благоприятствование развитию указанной узкой группы элементов. Сама структура получает в

результате специфический суженный характер. Развитие в явлении узкой группы элементов в рамках суженной структуры и является содержанием этапа «отрицания» в явлении.

4. В соответствии с постепенным расширением группы преимущественно развивающихся элементов и соответствующих им структур обнаруживаются различные качественные градации в развитии явления. В общественном процессе существование трех классово-антагонистических общественно-экономических формаций было вызвано именно этим обстоятельством. Существование нескольких «отрицаний» в развитии явления получает тем самым свое естественное объяснение. Вместе с тем преимущественное проявление триадичности стадий в развитии, неправоммерно абсолютизированное Гегелем, объясняется тем фактом, что в большинстве случаев одностороннее развитие отдельных элементов и образование соответствующей им суженной структуры («отрицание») обнаруживается в явлении лишь однажды, а затем снимается всесторонним развитием элементов и соответствующей им структуры («отрицание отрицания»).

5. Завершающий этап в развитии явления всегда связан с включением в развитие всех основных элементов явления и созданием структуры, соответствующей уже не отдельным группам элементов, а всем основным элементам.

6. Общая тенденция структуры — соответствовать не только части элементов явления, а именно всем основным его элементам — как раз и лежит в основе закона отрицания отрицания в целом и особенно его четвертой черты — как

бы возвращения к исходному состоянию. Законы соответствия формы содержанию и производственных отношений производительным силам являются лишь частными и специфическими проявлениями более общего закона соответствия структуры своим элементам.

Закон соответствия структуры своим элементам имеет интенсивную и экстенсивную, качественную и количественную стороны. Первая из них находит выражение в тенденции структуры соответствовать своим элементам только по уровню развития, а вторая касается стремления структуры полнее охватить сами элементы явления и соответствовать всем основным его элементам. В материалистической диалектике первая тенденция структуры отражена в законе соответствия формы своему содержанию, а вторая фактически раскрывается законом отрицания отрицания.

Общая формулировка закона соответствия структуры своим элементам может быть, следовательно, такой: в соотношении элементов и структуры последняя стремится не только к наиболее полному соответствию степени развития элементов явления, но и к наиболее полному охвату этим соответствием существенных элементов явления. Тенденция структуры к более полному соответствию наибольшему количеству существенных элементов явления — таков, на наш взгляд, общий диалектический закон соотношения элементов и структуры в явлениях, закон развития.

7. Одновременное наличие в явлении диалектически противоречивых тенденций одностороннего и всестороннего развития порождает определенные противоречия, исследование которых

представляет большой интерес для теории противоречий. Нам кажется возможным ввести в классификацию противоречий наряду с антагонистическими и неантагонистическими, внутренними и внешними, главными и неглавными, основными и производными противоречиями также и указанное противоречие между тенденциями одностороннего и всестороннего, неравномерного и равномерного развития явления. Основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным способом присвоения и производные от него противоречия являются проявлением подобного противоречия.

Закон неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран, также порождаемый основным противоречием капитализма, чрезвычайно ярко выражает именно тенденцию одностороннего развития в капиталистическом мире. Эта же тенденция находит свое непосредственное выражение и в основном экономическом законе капитализма.

Иная картина наблюдается в социалистическом обществе, которое подчиняется главной тенденции всестороннего развития. Основной закон социализма выражает именно эту тенденцию развития всех сторон общественного процесса и самих членов социалистического общества на основе наиболее полного удовлетворения их непрерывно растущих материальных и духовных потребностей. Ведущий характер тенденции всестороннего, равномерного развития находит свое выражение в конкретных условиях строительства социализма и коммунизма.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что тенденция неравномерного, первоначально од-

ностороннего, преимущественного развития отдельных элементов явления выступает как закономерная и прогрессивная тенденция, создающая условия для всестороннего развития явления в целом. Она нашла отражение во многих положениях марксистской теории, в частности в учении о главном, ведущем, решающем звене в развитии, о направлении главного удара в классовой и военной стратегии, в установке на развитие тяжелой промышленности как основы развития всего народного хозяйства и т. д. Однако эта важная и прогрессивная тенденция всегда подчинена главной тенденции всестороннего развития, и противоречие между данными тенденциями всегда в конечном счете решается в пользу тенденции всестороннего, равномерного развития элементов явления.

8. В качестве общего вывода из всего изложенного можно сказать, что в основе закона отрицания отрицания лежит более общий диалектический закон единства тенденций неравномерного, одностороннего и равномерного, всестороннего развития явления при определяющем характере тенденции равномерного, всестороннего развития. Отдельные стороны этого закона выражены в законе отрицания отрицания моментами «положение», «отрицание» и «отрицание отрицания». При этом «положение» выражает исходное состояние явления, еще не раздвоенное на противоположные тенденции развития и характеризующееся относительно равномерным развитием элементов; «отрицание» связано с проявлением и временным господством тенденции неравномерного, одностороннего развития; наконец, «отрицание отрицания» означает победу тенденции равномерного, все-

стороннего развития. Соотношение элементов и структуры выражает указанный закон в трех своих моментах: вначале в единстве основных элементов явления и соответствующей им структуры, затем в одностороннем развитии части элементов явления и образовании соответствующей им суженной структуры и, наконец, в развитии всех основных элементов явления и воссоздании соответствующей им общей структуры. В этом смысле триадичность в развитии выражает чередование моментов: равномерного, всестороннего развития, затем неравномерного, одностороннего развития и вновь восстановления равномерного, всестороннего развития, но уже на более высокой и совершенной основе. Этим и характерен любой заверченный цикл развития.

Обнаружение того обстоятельства, что в основе закона отрицания отрицания лежит более общая закономерность противоречивого единства тенденций неравномерности и равномерности развития, привело к необходимости выяснить, не является ли эта закономерность всеобщей, охватывающей не только процессы развития, но и процессы изменения вообще. Действительно, противоречивое единство тенденций неравномерности и равномерности является в каком-то смысле всеобщим, универсальным противоречием действительности, единством непрерывности и прерывности, конечного и бесконечного и т. п., оно выступает закономерностью не только развития, но и изменения вообще.

В истолковании закона отрицания отрицания и лежащих в его основе тенденций неравномерности и равномерности изменения и развития важное значение имеет выяснение их специфики

на всех уровнях действительности — явлений, свойств, связей и отношений. Наименее разработанным в этом плане представляется уровень отношений. В настоящее время ведутся исследования того, как проявляется здесь единство тенденций неравномерности и равномерности, что, на наш взгляд, поможет выявить особенности развития на данном уровне.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

В. К. Бакшутов

В работе «Карл Маркс» В. И. Ленин начинает характеристику главных черт диалектики с закона отрицания отрицания¹. Этот закон полнее других законов диалектики отражает процесс поступательного развития, характеризует неодолимость нового, прогрессивного. Он помогает увидеть объективные тенденции и направления развития, установить преемственность в процессе перехода от одной стадии развития к другой. Особенно велика роль этого закона в совершенствовании современного научного мышления, насквозь пронизанного идеей диалектического развития. Но в нашей философской литературе еще не выработано единого мнения о сущности, содержании и методологических функциях закона отрицания отрицания. Исследователи насчитывают пять основных точек зрения по этому вопросу². В некоторых работах ставится под сомнение всеобщий характер действия закона отрицания отрицания как закона материалистической диалектики и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

² См.: Обухов В. Л. О сущности и границах действия триадической формы закона отрицания отрицания.— В кн.: Философские и социологические исследования. Ученые записки кафедр общественных наук Ленинграда. Философия. Л., 1977, вып. XVII, с. 3.

делаются попытки трактовать его как частный случай поступательного развития. Отдельные авторы склонны рассматривать этот закон как закон поступательного развития, но не развития вообще. И в этом случае закон отрицания отрицания наделяется меньшей степенью общности, чем другие законы диалектики. Но развитие современного научного знания неизбежно ведет к противоречию между методологическими возможностями концепций, отрицающих всеобщий характер действия этого закона, и постоянно расширяющимся творческим процессом в сфере науки. Как методологический принцип, необходимый для эффективной деятельности в сфере современного научного познания, закон отрицания отрицания может иметь сколько-нибудь важное значение лишь при условии, если он рассматривается как закон всякого развития, как один из всеобщих законов материалистической диалектики. Формирование и развитие диалектического мышления неразрывно связано с действием этого закона.

Идея Эпикура об отклонении атома впервые основательно пошатнула теорию круговорота, разделявшуюся многими античными мыслителями, а также избавила мышление человека от скучного однообразия, характерного для теории прямолинейного развития. Как отмечал еще Платон, «если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало вспять, в противоположную сторону... все, в конце концов, приняло бы один и тот же образ, приобрело одни и те же свойства и возникновение прекратилось бы»¹. Идея

¹ Платон, Соч. В 3-х т. М., 1970, т. 2, с. 33.

Эпикура направляла ум человека на путь диалектического мышления, в чем и состоит ее методологическое значение. Но, будучи незрелой формой выражения отрицания, эта идея привела не к теоретическому осознанию диалектики отрицания, а к псевдодиалектике Августина и других провиденциалистов, не вышедших за пределы формальной логики, которую в соответствии с традициями античной философии они именовали диалектикой. Августин писал: «Остается диалектика, которую истинно мудрый хорошо знает и которую, не впадая в заблуждение, может знать всякий... Это она меня научила, что... если в мире четыре стихии, то их не пять. Если солнце одно, то их не два. Одна и та же душа не может умереть и быть бессмертной. Не может человек в одно и то же время быть и блаженным, и несчастным. В данном месте не может и солнце светить, и быть ночь. Или мы бодрствуем, или спим... Все это и многое другое... я узнал от нее за истинное и, в каком бы состоянии ни находились чувства наши, за истинное само в себе...»¹ Как видим, «диалектика» Августина — это всего лишь элементарная формальная логика и не больше того.

Теологическая «диалектика» христианской философии отвергает концепцию Эпикура об отклонении атома от прямолинейного движения ввиду ее отрицательности, которая не ведет к положительному результату, выраженному в идее созидающего бога-творца. Методологически эта христианская идея прямо противоположна познающему разуму античного мира. Рассма-

¹ Антология мировой философии. М., 1969, т. 1, ч. 2, с. 593.

тривая утвердительный и отрицательный методы богословия, Псевдо-Дионисий писал, что прежде «изложение шло в нисходящей последовательности и в соразмерности с этим нисхождением становилось все более и более пространным; теперь же оно восходит от низшего к высшему и по мере восхождения приобретает все бóльшую сжатость, а достигнув цели восхождения, и вовсе онемевает и всецело соединяется с неизреченным»¹.

У апологетов христианства были существенные основания для фактического отказа от наиболее важных идей античной диалектики. В эпоху утверждения христианства неприемлемыми оказались не только идеи материалиста Эпикура, но и диалектика идеалиста Прокла, который одним из первых в истории философии использовал триадическую концепцию развития в качестве метода познания. Но триада Прокла выражала регрессивное развитие, движение от универсального богатства и силы мысли к ее раздроблению. Каждая новая ступень отрицания носит у него негативный характер, и вся его философская система методологически построена на принципах негативной диалектики. Раннее христианство, выступавшее в качестве идеологического орудия новой и прогрессивной в то время феодальной системы, не могло взять на вооружение идеи античной диалектики, выражающие регрессивную линию развития. В этом одна из причин того, что триадичность как методологический принцип средневековой диалектики всегда находилась на периферии философского мышления и фактически свелась к тощей

¹ Антология мировой философии, т. 1, ч. 2, с. 608.

богословской категории троицы. Триадаический ритм развития мысли в лучшем случае рассматривался негативно в виде скручивающейся спирали, как это было у Плотина и Прокла. Иное, позитивное направление развития философской мысли, выражаемое законом отрицания отрицания, оказалось чуждым средневековой диалектике. С точки зрения теологического мышления это вполне понятно, ибо тем самым закрывался путь развитию позитивных знаний и открывался путь для утверждения религиозной веры. Но утрата или неприятие живых ростков методологических принципов античной диалектики, несмотря на относительную прогрессивность в тех условиях метафизического мышления, обернулись трагедией: научные достижения древних были похоронены на целое тысячелетие.

Утратив эпикуровскую идею отрицания, христианская философия отвергла тем самым античную диалектику. Словесное восхваление Августином диалектики в действительности означало отказ от нее в пользу формальной логики. Эта «диалектика» явилась методологической основой средневековой схоластики и теологического мышления.

Только в борьбе со старой метафизической философией смогла возродиться и получить дальнейшее развитие, хотя и на идеалистической основе, знаменитая мысль Эпикура об отклонении атома от прямолинейного движения. Гегель отбросил материалистически трактуемый атом, но сохранил и развил диалектическую идею отклонения от прямолинейного движения для разума. «При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в

них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется; в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое»¹.

Рассматривая отрицание как движение мысли, понятия, Гегель смог уловить положительный момент в процессе диалектического отрицания. «...Отрицательное,— писал он,— равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего *особенного* содержания... Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть *определенное отрицание*, то оно имеет некоторое *содержание*. Оно новое *понятие*, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности»². Положительная сторона в процессе диалектического отрицания здесь еще всецело ограничивается сферой развития идей, понятий. Но если «читать Гегеля материалистически»³, то нельзя не отметить его гениальную прозорливость. Он не только угадал диалектику вещей в диалектике понятий, но и разглядел положительный смысл отрицания как обогащения, как момента восхождения к более содержательному знанию: «...познание движется от содержания к содержанию. Это

¹ Гегель. Соч. М.—Л., 1935, т. 8, с. 51—52.

² Гегель. Наука логики, т. 1, с. 107—108.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 93.

движение вперед определяет себя прежде всего таким образом, что оно начинает с простых определенностей и что следующие за ними определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому движение вперед не следует принимать за *процесс*, протекающий от чего-то *иного* к чему-то *иному*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»¹.

В материалистической диалектике закон отрицания отрицания рассматривается как закон развития всей объективной реальности: природы, общества и мышления. Вместе с тем здесь впервые ставится вопрос о методологических и социальных функциях этого закона и акцентируется внимание на позитивных моментах в процессе его действия. «...Мы,— писал Ф. Энгельс,— из существующих отношений делаем выводы относительно будущего... мы постигаем и исследуем *положительную* сторону *отрицательных* элементов, действующих в ходе истории...»².

Всеобщий характер действия закона отрица-

¹ Гегель. Наука логики, т. 3, с. 306—307.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 641.

ния отрицания обусловлен абсолютным характером движения и развития материального мира. «Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹, — отмечал К. Маркс. Отрицание старого в процессе развития объективного мира всегда является утверждением или подготовкой к утверждению нового, прогрессивного, хотя иногда новая жатва отделена от посева многими поколениями, целыми историческими эпохами, геологическими эрами, астрономическими периодами.

Признание всеобщности действия закона отрицания отрицания как закона поступательного развития служит иногда поводом для того, чтобы логически вывести отсюда идею о начале и конце мира. Ход мысли при этом следующий: если поступательное, прогрессивное развитие в мире преобладает над элементами регресса и понижения, то, следовательно, где-то было «начало» мира; а если было «начало», значит, будет и «конец». Суждение это кажется верным с позиций формальной логики. Но диалектическая логика требует *содержательного* анализа явлений и процессов. Неисчерпаемость материального мира до и после исследуемого отрезка времени является необходимой методологической предпосылкой учения о всеобщности закона отрицания отрицания как закона развития всего объективного мира. Не будем здесь рассуждать о Вселенной в целом. Будем говорить о материальных процессах, происходящих в той части Вселенной, которая известна человеку, — о вселенной с маленькой буквы. Здесь современ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 297.

ная наука установила существование двух направлений развития: прогрессивного и регрессивного. Если бы оба эти направления абсолютно уравнивали друг друга, то никакого развития не было бы. Наш мир в таком случае оказался бы в положении буриданова осла, вечно выбирающего между прогрессом и регрессом и вечно остающегося в состоянии мертвого оцепенения. Закон отрицания отрицания, выражая абсолютный характер движения, изменения и развития, выступает как методологическая основа идеи преобладания прогрессивного развития над регрессивным в той части Вселенной, которая известна человеку. Мировоззренческая функция этой идеи, в свою очередь, имеет важное методологическое и практическое значение для всех прогрессивных классов и партий, рождая оптимизм, уверенность в борьбе с реакцией и партиями регресса.

Человеческий ум, рожденный и вышколенный в течение многих тысячелетий в лоне формально-логического мышления, в последние века вынужден был примириться с мыслью о *количественной* бесконечности Вселенной, с идеей о бесконечности пространства и времени. Как ни противоречит это законам и установкам формальной логики, реально, как факт бесконечность существует. Но человеческое мышление до сих пор еще не усвоило идею *качественной* бесконечности Вселенной, не свыклось с реально существующей бесконечностью качественно изменяющейся материи в пространстве и времени. Вселенная равна себе количественно в бесконечности пространства и времени, но она, в силу той же бесконечности, не равна себе качественно, ибо постоянно не только изменяется,

но и развивается, рождает новые миры, как человечество рождает новые, неповторимые явления, события и факты.

Умноженная на количественную бесконечность пространства и времени, бесконечность качественных преобразований позволяет говорить о беспредельном ряде качественных превращений до и после границы, именуемой «настоящее». И не просто «превращений» или круговых движений, а качественных преобразований в процессе поступательного развития в форме «раскручивающейся спирали». В мире нет абсолютно обратимых процессов; обратимые изменения, как и покой, относительны. Поэтому возможность поступательного развития является свойством не только локальных миров, но и всего известного нам материального мира.

Тот или иной локальный прогресс становится возможным потому, что это свойство объективно присуще всему материальному миру. Развитие не может однажды возникнуть и исчезнуть; оно существует везде и всегда, хотя и в различных формах и с разными временными интервалами смещения циклов или сдвига фаз, выражающих свойственную ему направленность изменений. Но обнаружить эту направленность в процессах типа «вода превращается в пар и обратно» практически пока невозможно. Завершенный цикл является нам в данном случае не как возврат якобы к старому, а как действительное и абсолютное возвращение к старому. Отклонение от идеального круговращения здесь столь незначительно, что увидеть его в продолжение исторического времени даже с помощью всех средств познания, которыми обладает современное человечество, пока невозможно. То

же самое можно сказать и о «саморазвитии» элементарных частиц. Отсутствие в современной науке данных об эволюции элементарных частиц за астрономическое время не дает достаточных оснований для вывода об их абсолютной неизменности. Объекты в том и другом случае становятся качественно иными через такой промежуток времени, что практически человек имеет дело с так называемым круговоротом в природе, где «нет ничего нового под луной». Но, рассмотрев эти процессы в иных масштабах времени, наблюдая процесс возникновения и гибели вещества, именуемого «вода», и частицы, называемой «атом», человек с таким же правом может сказать, что «нет ничего старого под звездами». Абсолютного, идеального круговращения нет не только в каждой отдельной частице вселенной, но и во всей вселенной. Только в мыслимом круговороте может быть возврат в прежнюю точку. Открытые человеком законы диалектики фиксируют относительную неизменность и самих процессов развития и изменения, а поэтому и неизменность самих законов диалектики относительна, сомневаться в развитии этих законов нет никаких оснований. Взаимосвязь любого предмета с объектами окружающего мира всегда отклоняет его как от прямого пути, так и от идеального круговорота. Только в мысли, в абстракции может существовать безусловное равновесие, абсолютное возвращение. Абсолютно только развитие, движение и изменение.

Обычно принято рассматривать развитие как вид движения, как движение с изменением объекта по восходящей или нисходящей линии. Известное положение Ф. Энгельса: «Движение,

в применении к материи, — это *изменение вообще*»¹ — трактуется в данном случае в том смысле, что движение обнимает все виды изменений. В таком подходе есть изрядная доля истины. Но если подойти к этой проблеме несколько иначе, с другой стороны, то нельзя не заметить, что только в мышлении, в абстракции существует движение без развития. «Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление...»², — отмечал В. И. Ленин. Одна из наиболее важных особенностей научного познания — усмотрение сущности явлений сквозь призму их крайних противоположностей. Еще Дж. Бруно писал: «Познать это единство формы и материи во всем — в этом состоит стремление разума, но чтобы проникнуть в это единство, исследовать все тайны природы, мы должны исследовать противоположные и противоборствующие, самые крайние концы вещей, должны исследовать *наибольшее и наименьшее*». Приведя эту мысль Дж. Бруно, Гегель заключает: «Именно в этих крайностях вещи умопостигаемы и объединяются в понятия...»³ Движение и является таким понятием, в котором выражены, с одной стороны, всякое изменение, или «изменение вообще», а с другой — крайний случай развития, движение без всякого развития. В первом случае мы имеем дело с предельно широкой абстракцией, во втором — с предельно узкой, но тоже абстракцией. Эти абстракции лишь приближают мысль к реальности конкретного, ибо «*богаче* всего *самое конкретное...*»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 563.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.

³ Гегель. Соч. М.—Л., 1935, т. 11, с. 181.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 212.

Восхождение мышления от абстрактного движения к конкретному развитию — одна из форм проявления всеобщего характера действия закона отрицания отрицания. Это восхождение может быть выражено также известным «принципом соответствия» Н. Бора, суть которого состоит в том, что теории, справедливость которых установлена для той или иной области, с появлением более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но сохраняют свое значение для прежней области как предельная форма и частный случай новых теорий¹. Движение в качестве предельной формы выступает частным случаем двух крайностей развития: на одном полюсе оно выражает всякое изменение и развитие, на другом — движение без всякого развития. Между этими полюсами расположены бесчисленные виды и формы развития, реально существующие во вселенной. И как нет во всей вселенной ни одной частицы, которая не втянута во всемирный процесс развития, так же нет ни одной частицы, которая способна избежать действия закона отрицания отрицания.

В рамках устоявшихся логических понятий мы привыкли рассматривать движение как изменение вообще. Развитие в этом случае выступает как частный случай движения, как один из его видов. В пределах формальной логики и старой ньютоновской атомистики такое суждение не вызывает сомнений. Но если рассмотреть его содержательно, то можно увидеть, что в реальной действительности нет движения как

¹ См.: *Кузнецов И. В.* Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.—Л., 1948, с. 8.

изменения вообще. Такое движение оказывается всего-навсего абстракцией наподобие геометрической точки. В реальной действительности всякое движение — это движение чего-то и куда-то, т. е. оно всегда есть развитие вещей, явлений или идей. Поэтому диалектически понятое развитие является более содержательным, чем тощее понятие движения. Движение как таковое оказывается только предельным, экстремальным случаем развития. В реальной действительности вне процесса развития оно не существует. Эта мысль уже содержалась в скрытом виде в споре древних диалектиков о существовании движения. Но поднять ее на поверхность, сделать явной средствами формальной логики, противопоставляя движение и покой, было невозможно. Только содержательное противопоставление движения и развития позволяет убедиться в истинности тезиса: в реальной действительности существуют различные формы развития.

Понятие движения как изменения является тощим и малосодержательным. Понятие движения без всякого развития, являясь отрицательной стороной понятия развития, в снятом виде содержит в себе все богатство отрицаемого понятия. Но реальное содержание мира всецело остается в границах развития. Только понимаемое как развитие, движение абсолютно. Вне развития движение относительно и равно покою.

Всеобщий характер действия закона отрицания отрицания имеет важное методологическое значение и для развития представлений современной науки о диалектике обратимости и необратимости. В литературе уже отмечалось, что «обратимость не есть полное повторение, точный

возврат к предыдущим этапам движения»¹, она относительна по своей природе. Но столь же относительна и противоположная ей необратимость. Следствием относительности этих двух полярно противоположных направлений в развитии материи оказывается один и тот же по своей природе положительный результат — абсолютность развития. Ведь относительность обратимости в процессе изменения любого материального объекта — несомненное свидетельство его развития. Точно так же относительность необратимости — свидетельство качественного изменения и развития любого материального образования. Выход за пределы замкнутой системы двух противоположностей — обратимости и необратимости — имеет своим следствием абсолютный характер развития любой открытой системы. Поэтому представляется убедительным вывод о том, что в целом «материя развивается необратимо без стремления перейти в состояние равновесия»². Вывод этот является своего рода «возвратом» к идее однонаправленного развития, которую критиковал Платон. Возрождение старого принципа в соответствии с законом отрицания отрицания не только обогащает отражение реальности, но и приближает это отражение к объекту. Действительное развитие объекта не вписывается ни в концепцию круговорота, ни в концепцию прямолинейности, которые сходятся в главном — в отрицании действительного развития мира. Закон отрицания отри-

¹ *Корюкин В. И.* Соотношение обратимости и необратимости в космических процессах. — В кн.: *Диалектические противоречия в природе*. М., 1967, с. 61.

² *Станюкович К. П.* Гравитационное поле и элементарные частицы. М., 1965, с. 298.

пания как закон циклического поступательного развития, «снимая» идею круговорота и концепцию прямолинейной однонаправленности, сохраняет их в качестве предельных «идеальных» случаев развития. Они оказываются только отдельными моментами развития, отраженными в сознании метафизически мыслящего философа.

Многонаправленность развития означает бесконечное число направлений необратимых изменений, которые являются основанием ненасыщаемости пространства. Причины термодинамической, электромагнитной и микроскопической необратимости физически могут быть связаны с гравитацией, но логически они могут быть поняты как звено бесконечного ряда циклов в процессе действия диалектического закона отрицания отрицания. Поэтому закон отрицания отрицания выступает методологической основой развития современного атомизма. «Если в ньютоновском атомизме роль атома — это извечно существовать в данном виде и лишь менять свое место во Вселенной, то в современных представлениях существование данной элементарной частицы — это лишь момент бесконечных превращений в шкале больших, вселенских перемен»¹. Развитие теорий атомистики за последние десятилетия ведет к отрицанию той ограниченности, которая была свойственна ньютоновской атомистике, и к формированию более универсального взгляда на характер взаимодействия элементарных частиц. В этой области наука как бы возвращается к логике первобытного мышления: всё во всём, всё превращается во всё. Впервые философское

¹ Марков М. А. О природе материи. М., 1976, с. 84.

осмысление этого принципа мышления имело место в античном мире. Прокл писал: «Всё — во всем. Однако в каждом — особым образом»¹. Современная наука располагает достаточным материалом для научного обоснования интуиции первобытной и античной диалектики и создания диалектической концепции развития, научно объясняющей процессы изменений на всех уровнях материального мира. Как вытекает из концепций современной ядерной физики, «в конкретный образ одной данной элементарной частицы вносят в той или иной мере свой вклад все другие элементарные частицы... Идея, что «Всё» состоит из «Всего», стала чуть ли не тривиальностью»². Современный атомизм, отрицая унылое однообразие ньютоновского мира, позволяет видеть «все богатство особого и отдельного...»³. Путь к этому новому видению мира открывает научная диалектика, последовательное применение научных принципов развития, вытекающих из всеобщего характера действия закона отрицания отрицания.

Современная теория научной диалектики лишь по форме возвращается к диалектическому мышлению античного мира, а по существу противоположна ему. Если Прокл рассматривал развитие мысли в виде скручивающейся спирали, то современная материалистическая диалектика уподобляет развитие человеческой мысли и отражаемой в мысли реальности раскручивающейся спирали. Научная материалистическая диалектика отличается от всех прежних форм диалектического мышления, как идеалистиче-

¹ Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972, с. 72.

² Марков М. А. О природе материи, с. 84, 140.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

ских, так и материалистических, пониманием всеобщности действия закона отрицания отрицания и использованием его в качестве методологического принципа развития научного мышления.

Диалектическая логика, логика содержательных понятий и представлений, требует интегрального подхода к процессу развития, сущность которого выражена в законе отрицания отрицания. Методологическое значение этого закона для решения проблем современной науки состоит в том, что он открывает путь для научного исследования содержания диалектических противоречий, вопроса *«о способах и типах разрешения противоречий»*¹. Поэтому при современном уровне научного познания не признавать всеобщности действия закона отрицания отрицания как одного из основных законов материалистической диалектики — значит, по существу, оставаться в границах формальной логики.

¹ Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 340.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ В РАЗВИТИИ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Н. Ф. Овчинников

История науки представляется порою как череда непрерывных разрушений предшествующих идей и построения взамен их новых, решительно отбрасывающих, отрицающих прежние идеи.

Коперниканская революция в астрономии означает полное отрицание идей Птолемея — определенной системы представлений об устройстве нашей планетной системы и всего звездного мира. Механика теории относительности решительно отрицает классическую механику. Достаточно сказать, например, что в механике Ньютона масса — величина абсолютно постоянная для данного тела, какова бы ни была его скорость, в то время как в механике Эйнштейна масса — величина переменная, зависящая от скорости движения тела.

Современная квантовая теория отбрасывает представление о непрерывности процесса излучения и поглощения света и совершенно отрицает идею неделимости атома — фундаментальную идею классического атомизма, признавая, что атом имеет сложную динамическую структуру. Идеи о делимости атома, о его сложной структуре выдвигались еще до создания планетарной модели атома Резерфорда — Бора в свя-

зи с исследованием явления радиоактивности. В самом начале XX века некоторые ученые, и в том числе японский физик Х. Нагаока, высказывали мысль о том, что атом по своей внутренней структуре представляет собой подобие коперниканской планетной системы.

Модель Резерфорда — Бора получила признание и вошла в систему современных научных идей потому, что, с одной стороны, она опиралась на непосредственное эмпирическое обобщение результатов экспериментов, проведенных Резерфордом. С другой стороны, данная модель предстала в теоретических исследованиях Бора как динамическая система электронов, обращающихся по вполне определенным, стационарным орбитам вокруг массивного ядра. Бор внес в планетарную модель убедительность теоретического обоснования, связав картину внутреннего строения атома с идеей поглощения и излучения света посредством квантов действия Планка.

Новая модель атома углубила расхождение между квантовой и классической теориями. С отказом от идеи неделимости атома как-то еще примирились и постепенно к этому привыкли. Но эта модель приводила к значительно более радикальному отказу от прежних идей. Согласно классической электромагнитной теории электрон, обращающийся по замкнутой орбите вокруг ядра, образует колебательную систему — так называемый осциллятор, — которая должна излучать электромагнитную энергию. Идея же стационарных орбит, обращаясь по которым электрон не вызывает излучения, была совершенно несовместима с точкой зрения классической электродинамики и тем самым приводила

к отрицанию фундаментальных ее положений. Дальнейшее развитие квантовых идей привело к еще более основательному отрицанию классических представлений, которое захватило уже такие фундаментальные понятия, как однозначное причинное описание явлений, протекающих в пространстве и времени. Новая квантовая физика ввела чуждую классической физике идею вероятностного поведения структурных элементов микромира.

Приведенное краткое описание некоторых фактов из истории науки иллюстрирует определенное воззрение на особенности развития научных идей, согласно которому новые идеи в науке возникают в результате отбрасывания, отрицания предшествующих идей. На этом отрицании и строится новая научная теория. Если такое воззрение сформулировать в качестве методологического принципа научного исследования, то можно сказать примерно следующее: чем решительнее ученый нападает на предшествующие научные понятия и научные теории, чем основательнее отрицает их, тем успешнее его работа в науке. Короче говоря, отрицай — и успех обеспечен.

Попытаемся, однако, еще раз обратиться к приведенным и другим подобным фактам из истории научных идей и осмыслить их с иной точки зрения. Поразмышляем над впечатляющей картиной крутой ломки понятий, которую изображают и выразительно представляют изложенные выше взгляды на развитие науки. При взгляде на историю научного знания как бы с высоты птичьего полета можно наблюдать процесс радикальной смены понятий, теорий и даже коренных изменений в картине мира. Кар-

тина гармонии сфер, характерная для античных мыслителей, сменилась в свое время механической картиной физического мира, на смену которой в конце XIX века пришла электромагнитная картина мира. XX век принес нам квантово-механическую картину физических процессов.

Радикально изменяются понятия, одна теория отрицает другую, разрушаются картины мира. Мы с изумлением смотрим на этот нескончаемый поток непрерывного отрицания и не можем понять одного: на каких же основаниях строится каждый раз новая картина мира, откуда и как возникают новые научные теории и каким образом формируются новые понятия? Описания непрерывных изменений в истории научной мысли, непрекращающихся отрицаний всего предшествующего не могут дать нам ответ на поставленный вопрос. Не могут потому, что все это лишь описания, в которых предстают только внешние черты исторического процесса. Если мы хотим перейти от описания исторических изменений научной мысли к пониманию закономерности этих изменений, то нам следует обратиться к особенностям самой научной мысли и попытаться усмотреть за ее непрерывными самоотрицаниями нечто дающее ей основания к существованию и только благодаря этому — к изменению.

Необходимость в новых мыслях, новых научных идеях появляется в результате осознания тех трудностей, к которым приходит научное познание, встречаясь с собственной неизбежной ограниченностью или с неожиданными фактами наблюдения и опыта. Человеческая фантазия способна породить самые диковинные, самые

«безумные» идеи, отрицающие предшествующие достижения. Среди этих идей необходимо отобрать достойные, помогающие решить насущные проблемы познания. Рассматривая такого рода идеи и детально анализируя их роль в познании, мы замечаем, что они разделяются на два существенно различных типа.

Идеи первого типа таким образом отрицают предыдущее знание, что оно полностью отбрасывается как заблуждение. Так, физики первоначально полагали, что некоторое число электронов находится в ядре атома. Это допущение было обосновано тем, что атом в целом электрически нейтрален. Недостающее для нейтрализации число электронов физики были вынуждены поместить в ядро. С открытием нейтрона и выдвинутыми идеями протоно-нейтронного ядра гипотеза о существовании электронов в ядре была полностью оставлена.

Существуют в науке и идеи другого типа, которые Н. Бор назвал глубокими. Отрицание, содержащееся в глубокой идее, несет в себе такое положительное утверждение, которое само может оказаться глубокой истиной. Согласно своеобразной симметрии, свойственной природе глубоких идей, если отрицание первоначальной идеи привело к глубокой истине, то с еще большей уверенностью, чем прежде, можно утверждать, что первоначальная идея также глубоко истинна. Отрицание в этом случае становится средством выявления глубинности предшествующих идей, позволяя обнаружить в них ранее не замечавшиеся пласты смысла.

Если мы не просто описываем последовательную смену научных идей как простую череду отрицаний, но стремимся понять процесс исто-

рического движения познающей мысли, история науки дает нам основания утверждать, что в научном развитии существуют непреходящие идеи, которые не могут быть отменены никаким отрицанием. Попытки отрицать эти идеи лишь выявляют в конечном счете их фундаментальность и глубину и демонстрируют их непреходящее значение в истории научной мысли. Отрицание всегда плодотворно, но еще более плодотворна установка на выявление инвариантных идей, ибо только они приоткрывают нам глубокие закономерности исторического движения научной мысли, ведущей нас к глубинным пластам реальности.

Механизм выявления этих идей описывается законом отрицания отрицания. Первоначальное происхождение глубоких научных истин теряется в истоках культуры, но уже само их появление вскоре вызывает их неприятие, отрицание. Это первое отрицание, рождающееся на почве развертывания первоначальной идеи и выявления присущих ей противоречий, еще не позволяет оценить глубину данной идеи, а просто отменяет ее. И только тогда, когда идея, сменившая первоначальную, разовьет свои возможности и обнаружит новые, непредвиденные трудности, наступает эпоха критического анализа и второго отрицания — отрицания когда-то новой, а теперь уже устаревшей идеи. Здесь-то и обнаруживается, по известному изречению, что новое — это прочно забытое старое.

Конечно, необходимость такого возврата возникает непреднамеренно. Но когда она обнаруживается, мы глубже постигаем смысл происходящей смены научных идей и выявляем в первоначальных построениях не замечавшиеся

ранее тонкие и непреходящие стороны. Среди множества научных идей атомистическая идея выдержала испытание временем. Исторические превратности ее развития позволяют выявить непреходящие понятия, связанные с этим развитием. Еще в античном атомизме была выдвинута идея существования неделимых частиц, лежащих в основе бытия. Атом, как известно, в переводе с греческого означает «неделимое». Атомы и пустота — вот исходные понятия античного атомизма. Ньютон принимал атомизм в его античной форме и понимал его как принцип объяснения всех явлений природы. Для него и свет — лишь особая форма неделимых частиц.

Уже Аристотель противопоставил атомизму идею непрерывной среды. Можно сказать, что это было первое отрицание атомизма. Оно не устранило атомизма, но позволило скорее выявить его слабые стороны. Начиная с античности в течение столетий продолжался процесс взаимного отрицания атомистической и континуалистической концепций. Каждая из этих концепций стремилась стать единственной основой научной картины мира. В физике это волнообразное движение научной мысли — то атомизм, то континуализм — с особенной наглядностью проявилось в учении о свете. В XIX веке казалось, что окончательно утвердилась волновая концепция, символизирующая принцип непрерывности. Отрицание этой концепции, начавшееся со введения Планком кванта действия и продолженное Эйнштейном, а затем принятое и развитое Бором, не просто явилось отказом от идеи непрерывности, но придало атомизму более широкое и прочное основание. Это отри-

цание привело, в сущности, к укреплению классических атомистических идей, обоснованных теперь посредством синтеза дискретности и непрерывности в физических воззрениях на природу не только света, но и вещества.

Обращаясь к исходным понятиям классического атомизма, необходимо заметить, что понятие дискретности материи и понятие неделимости атомов существенно различаются по своему содержанию. Дискретными, т. е. состоящими из частиц, могут быть и непрерывные среды. У Декарта, являвшегося последовательным сторонником заполненности бытия, мы находим идею об иерархии частиц, заполняющих пространство. Фундаментальное понятие классического атома является не просто понятием дискретности, означающим составленность физических тел из частиц, но именно понятием неделимости. Современная квантовая физика отрицает понятие неделимости, ибо опирается на факт разделенности атома, имеющего сплошное строение. Современная квантовая теория и есть теория строения разделенного атома. В этом смысле новая физика отрицает классический атомизм. Но подобная констатация представляет собой лишь внешнее описание исторического движения физической мысли.

За этой внешней картиной отрицания классического понятия неделимости при более детальном историческом анализе просматривается своеобразный возврат к классической идее неделимости, укрепившей атомизм. Понятие неделимости получило теперь более широкую основу: неделимость понимается как индивидуальность данного дискретного физического объекта. Неделимы фундаментальные свойства элементар-

ных частиц, существуют и неделимые «кванты действия». Иначе говоря, неделимость распространена не только на дискретные частицы вещества, но и на их свойства, а также на процессы, происходящие с ними. Именно идея неделимости кванта действия стала отправным пунктом для построения первоначальной теории Бора, а затем и основанием принципа неопределенности, ставшего исходным пунктом в построении развитой квантовой теории.

О ВСЕОБЩЕМ ХАРАКТЕРЕ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

В. В. Орлов

Отрицание всеобщности закона отрицания отрицания обычно связано с двумя утверждениями: 1) отрицание отрицания является законом не развития в целом, а лишь так называемого «прогрессивного развития», наряду с которым существуют не менее распространенные «регрессивное развитие» и «развитие в одной плоскости»; 2) отрицание отрицания является законом только некоторых или многих процессов в рамках «прогрессивного развития»: «...это очень важная общая закономерность, действующая в большинстве процессов прогрессивного развития»¹. Вопрос о характере рассматриваемого закона упирается, таким образом, в более широкий вопрос о том, что такое развитие. Трактовка законов диалектики коренным образом зависит от исходной концепции развития. Дискуссия о характере закона отрицания отрицания не может быть успешно завершена, пока остается нерешенным более фундаментальный вопрос о сущности развития.

В нашей литературе пока отсутствует единое толкование основного сущностного признака развития. Все многообразие взглядов по этому

¹ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973, с. 520.

вопросу можно свести к трем основным трактовкам развития: бесконечного движения от низшего к высшему, мирового круговорота (или круговоротов), необратимых качественных изменений. Следует заметить, что все перечисленные концепции имеют право на существование в дискуссии о сущности развития. Вместе с тем представляется необходимым, используя все ценные приобретения, связанные с различными трактовками развития, осуществить их теоретический синтез, выработать единое понимание развития, без чего невозможна единая трактовка диалектики и диалектического материализма в целом. По нашему мнению, такой трактовкой развития может быть понимание его как бесконечного движения от низшего к высшему, включающего в себя — в подчиненном виде — круговороты, регресс, «одноплоскостное изменение»¹.

Не вдаваясь в подробный теоретический разбор указанных определений развития, остановимся лишь на центральном положении концепций развития как мирового круговорота (круговоротов) и необратимых качественных изменений. В основе этих концепций лежит постулат о равносильности, равнозначности прогресса, регресса и «одноплоскостного изменения» по отношению к материальному миру в целом. С этих позиций отмеченные виды изменений являются тремя равноправными формами развития, и, следовательно, «общим признаком» развития оказываются либо круговорот, либо необратимые качественные изменения, либо «изменение

¹ См. об этом: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Развитие материи как закономерный процесс. Пермь, 1978.

вообще» (в последнем случае развитие рассматривается как одна из форм движения).

По нашему мнению, постулат равносильности «трех форм развития» не имеет под собой достаточных эмпирических и теоретических оснований. В известной нам части мира («космологической Вселенной»), которая стала объектом непосредственного эмпирического исследования, безусловно преобладает прогресс, движение от низшего к высшему. Современная космология, физика, химия, биология, социальные науки показывают, что вся доступная нам Вселенная является результатом развития от низшего к высшему — от гипотетического «сингулярного» состояния, или, точнее, от эмпирически известного нам уровня элементарных частиц, до человеческого общества¹. Утверждение авторов «постулата равносильности» о том, что «в других частях» Вселенной должен (!) преобладать регресс, не имеет под собой никаких фактических оснований, так как эмпирически мы даже не знаем, существуют ли «другие части» Вселенной. Постулат о равноправности прогресса и регресса не имеет также и серьезных теоретических оснований, так как он невыводим из каких-либо более общих теоретических положений диалектического материализма. Более того, на наш взгляд, он содержит в себе логическую ситуацию буриданова осла: если тенденции прогресса и регресса в материальном

¹ См.: Шкловский И. С. Проблема внеземных цивилизаций и ее философские аспекты.— Вопросы философии, 1973, № 2; Коблов А. Н. Проблема направленности космической эволюции и ее философские аспекты.— В сб.: Развитие материи как закономерный процесс. Пермь, 1978.

мире уравновешены, равносильны, то какие-либо изменения и развитие становятся невозможными. Материя, несущая в себе полное равенство тенденций прогресса и регресса, представляла бы собой абсолютно неизменную субстанцию. Теоретическая сущность указанного постулата заключается в идее равновесия противоположных тенденций, хотя, как известно, диалектика, в противоположность своей теоретической альтернативе, исходит из признания абсолютности неравенства, несоответствия, борьбы противоположностей и относительности их равенства, равновесия, единства.

Единственно приемлемой, на наш взгляд, является концепция развития как бесконечного движения от низшего к высшему. Развитие — это процесс «бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹. По словам Ф. Энгельса, «обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие» есть «причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему... Великая основная мысль, — что мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причем поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 276.

общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде»¹.

Основными понятиями теории развития являются поэтому понятия низшего и высшего, или, в более общем виде, понятие сложности. Сложность — это универсальный признак всех вещей, явлений, процессов, как и мира в целом. Все является сложным. Сложность есть многообразие содержания (т. е. всех «признаков» вещей), образующее в то же время определенное единство, т. е. единство и многообразие. Понятие сложности выступает универсальной основой всех остальных категорий диалектики, благодаря чему понятие развития, т. е. изменения сложности, оказывается основой всей совокупности понятий диалектики.

Прогресс и регресс — это противоположности, производные от исходных противоположностей — низшего и высшего. Для диалектики противоположности вообще, низшее и высшее, прогресс и регресс в частности не уравновешены и не равнозначны; одна из противоположностей является главенствующей, ведущей, доминирующей. Применительно к развивающейся материи в целом это означает признание доминирующим одного направления: либо от высшего к низшему, либо от низшего к высшему. По известным причинам (эмпирическим и теоретическим) следует признать доминирующим последнее. Развитие есть поэтому интегральный прогресс, т. е. движение от низшего к высшему, включающее в себя подчиненные ему регресс, круговороты, «одноплоскостное изменение». Развитие — это прогресс, опосредствованный регрессом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 301, 302.

Изложенная концепция развития позволяет, на наш взгляд, выяснить природу закона отрицания отрицания, его всеобщий характер. Всеобщность закона отрицания отрицания является необходимым следствием всеобщности закона единства и борьбы противоположностей. Закон отрицания отрицания выступает в качестве своего рода продолжения и дополнения закона единства и борьбы противоположностей. Сущность закона отрицания отрицания заключается прежде всего в том, что это есть закон развития через противоречие, которое разворачивается на основных типических ступенях всякого развития. Раскрывая наиболее общую природу этого закона, Ф. Энгельс определил его как «развитие путем противоречия, или отрицание отрицания...»¹.

Поскольку предмет обладает противоречивой сущностью, его развитие должно быть выражением внутреннего противоречия сущности, разворачиванием этого противоречия в процессе. Первая ступень разворачивания противоречивой сущности предмета оказывается воплощением наиболее универсальной и потенциально богатой противоположности, выражающей природу предмета в первоначальной, простейшей форме. Так, первой ступенью развития общества является первобытнообщинная формация, основанная на общественном производстве и общественной собственности, в то время как «частное» (в общем, диалектическом смысле), т. е. вторая противоположность, выступает в качестве подчиненной общественному личной деятельности и личной собственности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.

Поскольку развитие вещи закономерно приводит к исчерпанию непосредственных возможностей, заложенных в первой из противоположностей как таковой, оно с необходимостью должно перейти «в свою противоположность», т. е. на ступень, основанную на второй противоположности и включающую первую в зависимом, подчиненном виде. В обществе такой второй диалектической ступенью развития оказываются общественно-экономические формации, основанные на частной собственности. Развитие предмета на второй диалектической ступени его эволюции связано с реализацией непосредственных возможностей, заложенных во второй, менее универсальной и менее богатой противоположности. Первая противоположность при этом не исчезает. Так, в антагонистических общественно-экономических формациях «общественное» сохраняется в качестве общественного характера производства в широком смысле слова (поскольку производство материальных благ всегда есть общественное производство), однако этот общественный характер опосредствуется частным способом присвоения.

Поскольку диалектическая природа противоречивой сущности вещей исключает существование «третьего», выходящего за пределы двух противоположных сторон сущности (сама сущность — это не «третье», а универсальная противоположность, включающая в себя другую, «свою противоположность»), основой третьей ступени развития может стать только первая противоположность, включающая в себя в снятом виде возможности и результаты, связанные со второй противоположностью, второй ступенью развития. С третьей ступенью развития

исчерпываются основные возможности, заложенные в данной сущности, и поэтому дальнейшее развитие может происходить только на базе новой сущности. Диалектическое развитие, таким образом, возможно только в форме трех основных ступеней.

Закон отрицания отрицания в известной мере выводим из закона единства и борьбы противоположностей, однако он не является просто частным случаем основного закона диалектики, а вносит в нее принципиально новое содержание — развертывание противоречивой сущности на трех основных ступенях поступательного развития от относительно простой, но универсальной ступени к более сложным и богатым содержанием ступеням, к наивысшей ступени, универсальность которой оказывается всесторонне реализованной. Основные элементы закона отрицания отрицания — отрицание, преемственность, поступательность, спиралевидность развития, троичность, возврат якобы к старому — выводимы из ядра диалектики, но лишь с учетом этого нового содержания. Закон отрицания отрицания в концентрированном виде выражает сущность развития как бесконечного движения от низшего к высшему.

Необходимость процесса развития сущности, развертывающейся в форме трех ступеней, заключена во внутренней природе противоречия, отраженной в принципе абсолютности борьбы и относительности единства противоположностей. Заложенные в сущности противоположности не являются равноценными и уравновешенными. Их абсолютное (безусловное, неустранимое) неравновесие и является в конечном счете источником развития сущности. Неравноцен-

ность и неравновесность противоположностей заключается в том, что одна из них универсальна, выражает общую природу предмета, а вторая имеет подчиненный характер. Так, общественная собственность выражает сущность общества как целого, а частная собственность — исторически определенную форму включенного в общество «частного» — индивидов с их индивидуальными потребностями, интересами, деятельностью.

Весьма важно для понимания сущности закона отрицания отрицания и его связи с ядром диалектики иметь в виду, что лежащее в основе отрицания отрицания противоречие есть отношение предмета с самим собой, противоречие его с самим собой, а развитие предмета представляет собой развертывание сущности тремя последовательными ступенями, в результате чего предмет достигает наибольшей полноты своего содержания.

Всеобщность закона отрицания отрицания следует понимать в двух смыслах: как действие его в едином закономерном мировом процессе и как действие в каждом частном процессе развития. Наибольшие трудности связаны с первым аспектом, поскольку, во-первых, само понятие единого мирового процесса признается далеко не всеми философами и, во-вторых, весьма затруднительно обнаружить троичное структурирование этого процесса.

Признание единого мирового процесса, проходящего бесконечную закономерную последовательность ступеней развития, по нашему мнению, с необходимостью вытекает из концепции материального единства мира. Атомистическое и плюралистическое представление о мире как

бесконечном множестве разнонаправленных процессов невозможно согласовать с идеей материального единства мира. Именно в этом смысле, нам представляется, В. И. Ленин использовал понятия «единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса»¹. Субстанциальное единство мира предполагает и процессуальное его единство — единый закономерный мировой процесс (включающий в себя и множество разнонаправленных частных процессов).

Рассматривая бесконечный мировой процесс предельно абстрактно, мы обнаруживаем, что он разворачивается на основе закона отрицания отрицания, связанного с основным противоречием бесконечности — бесконечного (∞) и конечного (К). Конечные вещи, явления или процессы в цепи мирового процесса возникают на основе предшествующего бесконечного развития и являются его отрицанием. В то же время конечное, опосредствующее предшествующую бесконечную (по отношению к прошлому) ветвь развития, дает начало новой ветви бесконечного развития в будущем. Таким образом, основная абстрактная схема единого мирового процесса основана на логике отрицания отрицания: $\infty \rightarrow \text{К} \rightarrow \infty'$.

Изложенный абстрактный подход к развитию, или, условно, абстрактная теория развития, является недостаточным, поскольку максимально отвлекается от содержания реальных ступеней развития материи. «Конкретная теория развития», по нашему мнению, должна основываться не на абстрактной идее «развития вообще»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 135.

безотносительно к конкретному содержанию того, что развивается, а на идее закономерной последовательности основных форм материи, из бесконечного числа которых нам известны в настоящее время четыре (физическая, химическая, биологическая и социальная).

Рассматривая развитие в этом «конкретном» плане, мы можем обнаружить действие закона отрицания отрицания в последовательности: $\infty \rightarrow$ человек (общество) $\rightarrow \infty'$ Человек (рассматриваемый как совокупность мыслящих существ вообще) является высшей формой материи, «высшим цветом» материи и возникает с «железной необходимостью» в силу самой ее природы¹. В человеке в обобщенном и сокращенном виде воплощается все многообразие содержания результатов предшествующего бесконечного развития материи. Вместе с тем человек представляет собой особенную, специфическую форму материи, которая является отрицанием всего предшествующего развития материи. Обладая потенциально бесконечным содержанием, человек способен к бесконечному развитию, бесконечному познанию и практическому преобразованию мира. Поэтому с человеком начинается новая ветвь бесконечного развития материи в форме социума (человека) и преобразованной, «второй природы». С появлением человека коренным образом меняется тип, способ развития материи: оно осуществляется теперь через универсальную форму активности — человеческую практическую деятельность и опосредствуется всей предшествующей бесконечной историей развития материи.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 363, 524.

Рассматривая развитие на уровне частных процессов, мы обнаруживаем, что трехступенчатое их структурирование является чрезвычайно редким случаем. Так, история человеческого общества делится на пять крупных периодов, связанных с общественно-экономическими формациями, и на неопределенно большое число более мелких периодов. В гипотетической периодизации этапов развития космологической Вселенной принципа троичности также нельзя обнаружить. Это обстоятельство приводит ряд авторов к заключению о том, что всеобщим законом развития является не отрицание отрицания, а отрицание, повторяющееся неопределенное число раз в зависимости от конкретной природы процессов. В основе такого заключения лежит, на наш взгляд, смешение всеобщего (диалектического) и особенного (конкретно-научного). То, что в конкретной периодизации процессов лишь случайно могут оказаться три ступени, не является удивительным. Закон отрицания отрицания как всеобщее обнаруживается в глубокой внутренней диалектической основе частных процессов развития и непосредственно выражается в периодизации развития этой основы, в то время как особенная сторона развития, изучаемая частными науками, определяется конкретной природой процессов. Так, в основе всего процесса развития человеческого общества лежат три ступени, связанные с наиболее глубокими сторонами общества — характером производства, собственностью. Коренной ошибкой Гегеля являлась подмена конкретной, специфической периодизации процессов их всеобщей периодизацией, попытка полного сведения всего многообразия единичного и особенно-

го ко всеобщему. Примечательно, что с такой же, в сущности, подмены особенного всеобщим начинают те авторы, которые, не обнаружив тройной периодизации частных процессов, приходят к отрицанию всеобщности рассматриваемого закона. На самом деле всеобщее, пронизывая единичное и особенное, в глубокой мере подчиняя их себе, не исключает относительной самостоятельности, специфичности единичного и особенного. Эта специфика проявляется в том, что единичное и особенное обладают своей специфической периодизацией, не совпадающей с периодизацией их всеобщей диалектической основы и выражающей ее лишь в конечном счете, в укрупненных периодах.

Всеобщее проявляется с достаточной полнотой не в любых частных явлениях и процессах, а лишь в достаточно широких. Так, закон отрицания отрицания имеет свою сферу действия и обнаруживается только в достаточно широких процессах. Поэтому вопрос о характере действия этого закона не может быть решен безотносительно к «масштабу» реальных процессов. Мысленное разделение мирового процесса на частные процессы не может быть произвольным и должно определяться на основе учета природы всеобщего. Различаемые процессы должны обладать достаточной широтой и самостоятельностью существования. Такому требованию отвечает, например, исторический процесс развития общества в целом. Разумеется, закону отрицания отрицания подчинены и все мелкие частные процессы, однако лишь как составные части более широких процессов. Таким образом, этот закон действует не в «отдельных» и не во «многих» частных процессах развития, а во всех, если раз-

личение частных процессов производить не произвольно, а на основе диалектических критериев.

Рассмотренные особенности действия всеобщих законов подводят нас к мысли, что общая теория развития должна опираться на определенный объективный масштаб реальных процессов, основу которого, по нашему мнению, составляет последовательность основных форм материи. Законы диалектики наиболее полно выражены не на «периферии» развития, а на его магистральной линии.

ВСЕОБЩ ЛИ ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ?

Г. И. Бондарев

Положения классиков марксизма-ленинизма в отношении сущности закона отрицания отрицания являются достаточно четкими. Так, Ф. Энгельс, выявляя ее на примере с ячменным зерном, показывает, что о законе отрицания отрицания можно говорить не в случае простого количественного увеличения этих зерен в цикле прорастания зерна и появления новых после отмирания растения, а при получении в ряде поколений колоса с качественно улучшенными семенами, причем «каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания усиливает эти качественные улучшения»¹. Еще определеннее высказывается о сущности данного закона В. И. Ленин: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...»² В другом месте, характеризуя элементы диалектики, он указывает среди них: «повторение в высшей стадии известных черт, свойств... низшей и... возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 140.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

³ Там же, т. 29, с. 203.

Между тем в нашей литературе существует несколько иное понимание сущности данного закона. Во-первых, утверждается, что закон отрицания отрицания выражает преемственность развития, и отсюда выводится понимание развития как цепи взаимосвязанных отрицаний. Так, в «Философской энциклопедии» мы читаем о том, что в раскрытии содержания закона отрицания отрицания главную роль играет понятие диалектического отрицания, учитывающее момент связи нового со старым, существование преемственности¹. Во-вторых, поскольку цепь взаимосвязанных отрицаний состоит из циклов двойного отрицания, то спиралевидная форма развития рассматривается как проявление закона отрицания отрицания. В-третьих, утверждается, что данный закон устанавливает направленность развития, а именно его поступательный, прогрессивный характер. В «Философской энциклопедии» говорится, например, что этот закон охватывает развитие в его направлении, форме и результате².

На наш взгляд, преемственность в процессе развития, то, что развитие представляет собой цепь последовательных отрицаний, выражается первично и в полной мере не законом отрицания отрицания, а законом единства и борьбы противоположностей, ибо сама категория отрицания неразрывно связана с этим законом, входит в его содержание. Ведь раздвоение единого на противоположности означает, что между ними существует отношение их отрицания друг другом. В ходе этого взаимоотрицания изменяются и са-

¹ См.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 188.

² См. там же.

ми противоположности, и их соотношение в рамках целого. Эти количественные изменения целого переходят в качественные, когда взаимотрицание противоположностей приводит к появлению другого, нового единства противоположностей. Отрицание старого единства и смена его новым как момент развития есть не что иное, как часть процесса отрицания противоположностей в старом единстве. Этим и обусловлена преемственная связь в процессе развития как процессе смены старого новым.

Далее, отнюдь не закон отрицания отрицания обуславливает спиралевидную форму развития. Он сам является частным случаем этой спиралевидности, представляющей собой всеобщий закон развития. Основание же ее коренится в том, что элементарной формой всякого развития, его внутренней основой служит круговорот. Это показано в ряде работ, появившихся в течение последних лет¹.

Существование любой системы есть ее постоянное воспроизведение. «Любому явлению,— пишет В. И. Свидерский,— свойственно не только сохранение его состояния, но и изменение внутри данного состояния. Отсюда следует, что любое состояние невозможно, если в качестве его внутреннего содержания не признается изменение. Иначе говоря, всякое состояние есть процесс, нет неподвижных состояний вещей и т. п., есть лишь процессы»². Процесс же воспроизведения вещи, системы, функционирование

¹ См., в частности: *Лойфман И. Я.* Круговорот как форма саморазвития материи.— *Философские науки*, 1969, № 5.

² *Свидерский В. И.* Диалектический материализм об общих свойствах движения. Л., 1967, с. 19.

ее суть не что иное, как движение системы в рамках круговорота. Так, функционирование живых систем — это круговой процесс обмена веществ. Точно так же любой общественный организм функционирует через круговой процесс воспроизводства материальных условий его существования. Круговое движение имеет своим источником противоречия функционирования. Именно через них реализуются, действуют противоречия развития системы. Например, в процессе развития живой природы противоречие изменчивости и наследственности проявляется через противоречия функционирования биосистемы молекулярно-генетического, популяционного и биогеоценотического уровней организации; в процессе общественного развития противоречие потребностей и производства действует через противоречия функционирования кругового процесса воспроизводства материальных и духовных условий существования общества.

Таким образом, процесс развития неотрывен от круговорота и поэтому всегда имеет спиралевидный характер. К тому же в любом круговороте, состоящем из огромного количества звеньев, поскольку он каждый раз протекает в новых, изменившихся внешних условиях, ибо эти условия в рамках бесконечного мира не могут оставаться постоянными, соединение тех или иных звеньев во всяком новом цикле неизбежно совершается иначе, чем в предыдущих. Тем самым возникают необратимые изменения, круговой процесс не замыкается, а в ряде циклов та или иная направленность этих изменений образует спираль. В процессе развития спираль имеет место всегда, независимо от того, какую направленность приобретают необрати-

мые качественные изменения в том или ином случае, т. е. независимо от того, носит ли развитие прогрессивный или регрессивный характер или же является развитием в одной плоскости. Конечно, сами эти спирали весьма разнообразны, да и само понятие спиралевидности развития весьма условно, однако любой процесс развития идет через круговые циклы, которые никогда не становятся завершенными круговоротами, а оказываются связанными между собой витками.

И наконец, неправомерно утверждать, что закон отрицания отрицания схватывает, характеризует направление развития. Такое утверждение, на наш взгляд, тавтологично. В самом деле, направленность развития не выводится из содержания этого закона, не обосновывается этим содержанием, а просто постулируется, ибо суть закона отрицания отрицания — в повторяемости предшествующих стадий в том или ином виде на высшем уровне, т. е. в этой сути уже заключена неотрывность его от прогрессивного развития. А раз так, то либо вопрос о всеобщности закона отрицания отрицания должен постулироваться, и в этом случае прогрессивное развитие следует признать всеобщим, либо, напротив, должна быть доказана всеобщность прогрессивного развития, и отсюда как следствие будет вытекать всеобщность закона отрицания отрицания.

Утверждение, что закон отрицания отрицания схватывает направленность развития, означает, таким образом, по сути, постулирование его всеобщности. Допустимо ли такое постулирование? В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике», говоря о необходимости доказательства

всеобщности законов диалектики, указывает, что путь этого доказательства по отношению к закону единства и борьбы противоположностей должен состоять не в приведении суммы примеров, а в установлении основных типов противоречий каждой из сфер действительности, таких противоречий, которые свойственны всем предметам, явлениям, процессам этой сферы. Для закона отрицания отрицания установление его всеобщности должно соответственно состоять в установлении его действия во всех процессах действительности, т. е. в неживой и живой природе и в обществе, а поскольку этот закон неотрывен от прогрессивного развития, то, следовательно, и в установлении всеобщности прогресса.

Авторы, постулирующие всеобщность закона отрицания отрицания, постулируют и всеобщность прогресса. Между тем если безусловно можно утверждать, что общество в целом развивается прогрессивно, то о живой, а тем более о неживой природе этого сказать нельзя. И это признается сейчас все большим числом авторов. Прогрессивные процессы развития в природе не являются преобладающими даже количественно, развитие там носит многонаправленный характер. Если в живой природе прогресс является по крайней мере базовым направлением развития, то в неживой природе и об этом говорить не приходится. Утверждать же наличие для мира в целом прогрессивной направленности развития¹ означает, по нашему мнению, признавать начало мира, а тем самым и его сотворимость. Но если прогрессивное развитие не

¹ См.: Философская энциклопедия, т. 4, с. 454.

является всеобщим, то оказывается не всеобщим и закон отрицания отрицания, ибо он действует лишь в процессах прогрессивного развития и выступает как форма проявления всеобщего закона спиралевидности в прогрессивном развитии.

С другой стороны, именно в силу всеобщности закона спиралевидности развития неправомерно утверждать, что могут иметь место такие процессы прогрессивного развития, в которых не обнаруживается действие закона отрицания отрицания, или что его действие прекратится, например, в коммунистическом обществе, где развитие пойдет по прямой линии. Безусловно, виток спирали, начавшийся с первобытного общества и идущий через антагонистические формации к коммунизму, означает определенную завершенность в развитии общества, как и всякий виток спирали, но завершенность лишь в рамках предыстории человечества. Завершение развития общества как смены способов производства означает, что данная спираль действительно продолжения иметь не будет. Однако, без сомнения, и с наступлением подлинной истории человечества развитие общества будет носить спиралевидный характер, но спираль эта будет разворачиваться на новой основе. Пока трудно представить, какими будут ступени развития будущего коммунистического общества. Какова же та новая основа, на которой станет происходить его развитие, было указано К. Марксом. Качественный перелом в общественном прогрессе, отмечал К. Маркс, будет состоять в том, что его содержанием станет именно такое наращивание средств производства, которое определяется потребностями все-

стороннего развития человека; общественный прогресс в будущем явится не развитием материального производства для накопления мертвого труда, а будет представлять собой «производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ОТРИЦАНИИ И ОТРИЦАНИИ ОТРИЦАНИЯ

В. Д. Морозов

Закон отрицания отрицания — это главным образом закон развития, тогда как другие основные законы диалектики действуют не только в развитии, но и в различных видах движения. Закон перехода количества в качество может действовать во многих процессах взаимоперехода, где развития не происходит, а закон единства и борьбы противоположностей — даже в простом перемещении. Закон отрицания отрицания, если исходить из тех его определений, которые применяли основоположники марксизма-ленинизма, выступает только как закон развития. В настоящее время нет единого мнения по вопросу о широте действия этого закона. На наш взгляд, все основные его категории связаны с характеристикой процессов поступательного прогрессивного движения системных объектов, их качественного преобразования в результате перехода на новые, более высокие по своей структурно-функциональной организации ступени. Восходящее поступательное движение — основное и ведущее направление в развитии. Оно связано с нисходящим и одноплоскостным движением, но выступает как преобладающая тенденция.

В законе отрицания отрицания содержится в концентрированном виде общее представление о

развитии. В содержании его категорий мы находим и мысль о переходе от старого качества к новому, и идею взаимоперехода противоположностей, и еще то, что не выражается в двух других законах. Это хорошо видно при анализе категории диалектического отрицания — исходной и основной категории закона отрицания отрицания, в которой уже заключены в неразвернутом виде все его главные черты.

Содержание категории «диалектическое отрицание» может быть выражено рядом существенных черт, каждая из которых сама по себе недостаточна для характеристики этого понятия. При этом следует иметь в виду только такие признаки, которые являются необходимыми моментами процесса развития системного объекта. Мы не согласны с мнением некоторых авторов, которые пытаются представить любое отрицание как диалектическое на том основании, что в объективном мире все процессы диалектичны. Имеется ряд простых внешних отрицаний, которые не могут считаться необходимыми моментами развития какого-то конкретного системного объекта. Конечно, если рассматривать развитие материального мира как системы бесчисленного множества систем, то любые процессы, и простые и сложные, будут выступать как его моменты. Однако такой подход ничего не дает для практики.

Более плодотворным является отнесение понятия развития к системам с ограниченным количеством элементов и подсистем (по крайней мере на уровне непосредственной структуры), а также с обозримым количеством структурных уровней и их элементов. В отношении таких систем вполне определенным является отрицание

как момент развития не вообще, а развития конечной системы, выделенной из своей среды. Применительно к такой системе не каждое отрицание выступает как момент ее развития.

Мы выделяем пять особых моментов, или черт, отрицания, которое называем диалектическим: 1) отрицание старого качества новым как переход в иное, противоположное старому, качество; 2) самоотрицание вследствие внутренних противоречий; 3) преемственная связь нового со старым вследствие сохранения положительного содержания старого; 4) преобразование элементов старого качества применительно к особенностям новой по своему качеству структуры; 5) возможность последующего, нового отрицания с переходом на более высокую ступень развития. Следует подчеркнуть, что отмеченные черты диалектического отрицания должны браться в их единстве.

В отличие от такого отрицания мы не называем диалектическими другие отрицания не потому, что в них не действуют законы диалектики, а потому, что здесь ее законы не выступают как законы развития. Ф. Энгельс и В. И. Ленин пользовались понятиями «диалектическое развитие», «диалектическое движение». В их понимании это такое движение и такое развитие, которые представляют собой самодвижение и саморазвитие вследствие наличия внутренних противоречий. Применительно к таким видам движения и развития и используется понятие «диалектическое отрицание».

Отрицание как переход системы в новое качественное состояние еще не характеризует специфику диалектического отрицания, ибо такой переход может быть совершен и в результате

внешнего воздействия. Переход тела из одного агрегатного состояния в другое при изменении температуры и давления хотя и является диалектическим, но не выступает как следствие внутренних противоречий. Здесь имеют место и скачкообразный перерыв количественных изменений с превращением их в качественные, и взаимопереходы противоположностей, но этого недостаточно для того, чтобы отрицание было диалектическим в принятом нами смысле. Необходимо еще самоотрицание как результат внутренних противоречий, а также переход на более высокую ступень, создающий возможность для нового этапа развития.

В действительности мы наблюдаем много случаев, когда в результате внутренних противоречий система разрушается, не создавая основы для возникновения новой, имеющей более высокую структурно-функциональную организацию (гибель того или иного организма вследствие старения, исчезновение биологического вида, распадение молекулы или атома, выветривание горных пород и т. п.). Элементы разрушившейся системы могут при этом включаться в процессы функционирования и развития других систем, но не являются базой для повышения уровня их организации. Для того чтобы развитие продолжалось, необходимо сохранение таких структур отрицаемой системы, которые бы выступали как положительный результат их развития в качестве основы дальнейшего прогресса систем такого рода. Это возможно лишь в том случае, если новая система не просто заимствует элементы старой, а ассимилирует их, преобразуя в соответствии с функциями новой структуры. Поэтому преобразование элементов и под-

систем в новой по своему качеству системе является обязательным моментом диалектического отрицания. Только в этом случае мы имеем новую систему, более высокую по структурно-функциональной организации.

Некоторые авторы не учитывают того, что категория диалектического отрицания является основой для диалектического закона отрицания отрицания, который по самой своей сути есть закон восходящего поступательного развития. Чтобы такое развитие оказалось возможным, каждое диалектическое отрицание должно поднимать систему на новый, более высокий по своим качественным и количественным характеристикам уровень. Только в этом случае в результате последовательной смены отрицаний могут происходить возвраты к некоторым чертам пройденных уже ступеней «на более высокой базе»¹. Указанные черты диалектического отрицания, рассматриваемые в их системной связи, дают возможность отличать именно такое отрицание от других его видов, что важно для правильного решения ряда вопросов, касающихся развития системных объектов.

В связи с этим представляется возможным избежать как расширительного толкования процесса отрицания, когда он сводится ко всем этапам возникновения, развертывания и разрешения противоречия системного объекта, так и слишком узкого его рассмотрения, когда он отождествляется с моментом скачка. Отрицание — это весь процесс перехода системы в иное качественное состояние и его результат, т. е. отрицание охватывает процесс разрешения проти-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

воречий и диалектический скачок. В то же время оно шире этих процессов, ибо включает в себя не только завершение функционирования прежней системы, но и процесс функционирования системы в новом качественном состоянии в его отношении к прежнему. Это соответствует представлениям основоположников марксизма-ленинизма, которые рассматривали развитие и как процесс перехода от одной его ступени к другой, и «как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой»¹.

Связывая понятие «отрицание» с отрицательностью, т. е. с внутренней противоречивостью вещи, следует отметить, что отрицание есть не потенциальный, а актуальный процесс превращения системы в нечто иное, в свою противоположность. Являясь результатом внутренней противоречивости системы, отрицание имманентно вещи, выступает как ее самоотрицание². Становясь реальным процессом на определенной фазе развития противоречия, отрицание как особый момент заканчивается фазой полного разрешения соответствующего противоречия. Поэтому период отрицания является более длительным, чем период скачка, заканчивающегося установлением новой меры.

Однако не следует смешивать любой процесс перехода в новое качество с тем его процессом, который связан с действием закона отрицания отрицания. Необходимо различать категорию отрицания вообще как применяемую в диалектике (и в этом смысле диалектическую) и как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 296.

² См.: Гегель. Наука логики, т. 1, с. 110.

основную категорию закона отрицания отрицания, которая включает в себя отмеченные нами пять черт диалектического отрицания.

Если признать эти черты обязательными для диалектического отрицания как категории рассматриваемого закона, то следует исключить из отрицаний этого рода те, которые свойственны процессам разрушения под воздействием внешних или внутренних причин, если такие процессы не сопровождают непосредственно переход от низшего к высшему и не являются его условием. Важно отметить, что переход любой системы от старого качества к новому в процессе восходящего развития, представляющий собой диалектическое отрицание, включает в себя как необходимый момент деструкцию, разрушение системы в целом или же каких-то ее подсистем, элементов, сторон. Диалектическое отрицание есть единство разрушения и созидания, деструктивности и конструктивности. Столь же необходимо оно включает в себя и момент преемственности. Разрушение не может быть абсолютным и не означает распада всех структур и элементов системы. Те из них, которые способствуют повышению уровня организации системы, сохраняются и преобразуются, включаясь в качестве элементов, подсистем и структур в новую систему. Иным путем и не может совершаться поступательное развитие от низшего к высшему. Поэтому не следует отрывать друг от друга три обязательных момента диалектического отрицания: деструктивный, конструктивный и момент удержания с преобразованием удержанного. Вместе с тем нужно учитывать, что в реальных процессах отрицания имеют место и такие, в которых один из отмеченных моментов преобла-

дает над другими. Поэтому даже в этапах развития одной и той же системы могут выделяться различные виды (типы) отрицания.

Перейдем теперь от характеристики одного диалектического отрицания к анализу процессов, происходящих в ряду таких отрицаний, следующих одно за другим. Механизм перехода от первого отрицания ко второму, третьему и т. д. в общем один и тот же. Внутренние противоречия не прекращают своего действия после одного отрицания и неизбежно приводят к новому отрицанию. Первым и основным результатом последовательной смены диалектических отрицаний является поступательный характер развития, т. е. переход развивающегося явления с каждым новым отрицанием на новый уровень, на более высокую ступень в смысле повышения структурно-функциональной организации данной системы.

Почему развитие происходит именно таким образом? Это вытекает из самого содержания каждого диалектического отрицания. Необходимыми его моментами, как отмечалось, являются замена старого качества новым и вместе с тем удержание положительных свойств старого качества. Это значит, что с каждым новым отрицанием удерживается положительное содержание предшествующей ступени, к которому добавляется нечто качественно новое. В результате повторения диалектических отрицаний неизбежно происходит обогащение содержания развивающегося явления новыми качествами.

Вновь возникшие свойства как бы наслаиваются на оставшиеся, сохранившиеся и соединяются с ними, но это, конечно, не простое суммирование положительных свойств старого и

нового. Еще одна важная особенность диалектического отрицания — преобразование положительных черт старого применительно к новому качеству. Таким образом, в процессе повторения диалектических отрицаний старые положительные качества не просто сохраняются в явлении, как говорится, в снятом виде. Развивающееся явление поднимается с каждым новым отрицанием на более высокую ступень. В этом и заключается суть первой особенности отрицания отрицания.

Другим результатом последовательной смены диалектических отрицаний является движение с «возвратами якобы к старому», или воспроизведение на новой, более высокой ступени некоторых черт, утраченных на промежуточных ступенях, что выражается в образе восходящей спирали и позволяет говорить о спиралеобразности, спиралевидности развития.

Почему же неизбежен «возврат якобы к старому» при двойном диалектическом отрицании? В свое время Г. В. Плеханов следующим образом отвечал на этот вопрос: «Всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою противоположность; но так как новое, противоположное первому явление также в свою очередь превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет *формальное сходство с первой*»¹. Говоря о *формальном сходстве*, он имел в виду именно возвращение к некоторым чертам, но на более высокой базе. В законе отрицания отрицания мы имеем дело с повторением отрицаний диалектических, а это значит,

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1, с. 572.

что не может быть простого возврата к старому, к первоначальному исходному положению. Ведь каждое такое отрицание, как уже отмечалось, означает подъем на новую, более высокую ступень в процессе развития. Высшая форма может воспроизвести лишь некоторые черты исходной, может иметь лишь внешнее сходство с ней. По своему основному содержанию эти формы существенно различаются. Поэтому В. И. Ленин говорил не просто о возврате к старому, а о возврате якобы к старому, о повторении в высшей стадии не всех, а лишь некоторых черт, свойств низшей¹.

Будучи триадичным по своей внутренней структуре, прогрессивное развитие является в то же время спиралевидным. Именно спираль оказывается наиболее адекватной наглядной моделью прогрессивного развития, наиболее очевидным выражением единства цикличности и поступательности. Подлинное развитие не является движением по замкнутому кругу или по прямой линии; оно объединяет в себе черты поступательности и цикличности и в этом смысле спиралевидно. Однако простого ряда отрицаний еще недостаточно для спиралеобразного развития. Необходимо, чтобы в данном ряду ступеней, каждая из которых есть отрицание прежней, происходил двойной переход в противоположность свойств исходной ступени. Сколько для этого потребуется пройти ступеней, зависит от особой природы каждого отдельного процесса, но закономерна именно такая тенденция.

Следовательно, говоря о законе отрицания отрицания, еще недостаточно сформулировать его

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

как выражение единства поступательности и цикличности в развитии, ибо самое существенное в нем именно отрицание отрицания как двойной, повторный переход отрицаемого явления в свою противоположность. Только в этом случае поступательное развитие, непосредственно вытекающее из повторения диалектических отрицаний, становится движением с повторением на высших ступенях некоторых свойств низших и возвратами якобы к старому, т. е. спиралеобразным движением.

Отмечая идеалистический и схематический характер гегелевской триады, следует вместе с тем признать положительный смысл троичности в развитии. Хотя в развитии той или иной вещи может содержаться не три, а больше стадий, однако этапов развития, которые заканчиваются коренным изменением качества, существует обычно три, если вещь развивается до конца. В зависимости от природы вещи и конкретно-исторических условий отрицание отрицания может выражаться в различном количестве стадий в пределах какого-то цикла, но каждый из них обязательно включает в себя три момента: исходный пункт, отрицание его и отрицание отрицания с возвратом к некоторым чертам исходного пункта. Причем такого рода цикличность обязательно должна сочетаться с поступательностью в смысле повышения структурно-функциональной организации системного объекта. Только в этом случае мы имеем дело с отрицанием отрицания в развитии и можем отличить его от процессов функционирования и взаимоперехода качественно различных состояний, не являющихся развитием.

В триадичном цикле развития процесс отри-

цания может содержать много стадий. Это обстоятельство иногда не учитывают, когда каждая стадия рассматривается как отрицание предыдущей безотносительно к определенному циклу и его исходному пункту. В качестве исходного пункта берется любая стадия развития, и зачастую при этом не обнаруживается перехода в противоположность и взаимоперехода противоположностей. Ряд стадий (отрицаний) в таком аспекте оказываются лишенными свойства переходить в свою противоположность, а следовательно, не наблюдается и отрицания отрицания с возвратом якобы к старому.

Конечно, если рассматривать новую по качеству ступень безотносительно к исходной ступени цикла, то по сравнению с предыдущей она может отличаться в сторону усиления или ослабления некоторых существенных признаков предыдущей, а не их отрицания. Но если сравнивать ее с исходной ступенью, то по отношению к последней мы обнаружим продолжение отрицания ее свойств в ряду нескольких ступеней. Следующие друг за другом стадии развития ослабляют качество исходной ступени и усиливают качество, противоположное исходному. Переход в свою противоположность может совершаться через много ступеней.

В ряду химических элементов в рамках каждого периода (цикла) металлические свойства, наиболее сильно выраженные в начале цикла, постепенно ослабевают, отрицаясь металлоидными, что означает постепенное превращение исходного явления в свою противоположность. Отрицание с переходом в свою противоположность рассматривается в данном случае в отношении исходного пункта.

Таким образом, сводить закон отрицания отрицания к простой последовательности ряда отрицаний было бы ошибкой. Цикличность и возвраты якобы к старому выявляются в последовательном ряду диалектических отрицаний лишь в том случае, если имеют место повторные переходы явлений в свою противоположность. Тогда в этом ряду возникает то новое, что отсутствует в отдельном отрицании: «возвраты», «троичность», «спираль». Это новое потенциально содержится в каждом диалектическом отрицании, но реализуется лишь в определенной системе отрицаний. Как и в любой другой системе, свойства элементов, суммируясь, вносят свой вклад в качество системы, состоящей из этих элементов, но качество системы отнюдь не сводится к ним: в ней имеются и особые свойства, отличающиеся от свойств каждого элемента в отдельности. Это же относится и к системе диалектических отрицаний, выраженной в законе отрицания отрицания.

Нет такой области в развитии действительности, где бы не действовал закон отрицания отрицания во всех своих проявлениях, в том числе и в виде движения с возвратами к исходным пунктам на новой основе. Так же как и другие законы диалектики, закон отрицания отрицания проявляется не в каких-то отдельных случаях, а в важнейших законах развития всех без исключения областей материального мира и его отражения в сознании людей. Этим и доказывается всеобщность данного закона диалектики.

В неживой природе его действие наиболее наглядно обнаруживается в периодическом законе химических элементов и системе Д. И. Менделеева; в развитии живых организмов — в их

онтогенезе и филогенезе; биогенетический закон также является выражением отрицания отрицания. В общественной жизни действие закона отрицания отрицания наблюдается, в частности, тогда, когда после известного несоответствия опять наступает соответствие производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, но более развитых, или же когда надстроечные явления периодически приводятся в соответствие с развитием экономического базиса.

Процесс познания во многих отношениях совершается как отрицание отрицания в движении от чувственного, конкретного к абстрактному и опять к конкретному, но на более высокой основе — конкретному в мысли. Моменты отрицания и отрицания отрицания мы обнаруживаем и в действии других законов диалектики. Новое качество приводит к новым количественным изменениям, что выражается во взаимном переходе количественных и качественных изменений. Развертывание внутренних противоречий имеет результатом их разрешение каждый раз на новой, более высокой основе.

Закон отрицания отрицания есть выражение противоречивого характера любого процесса развития, которому присущи тройственный ритм, цикличность и элементы диалектического синтеза.

ОТ КАТЕГОРИИ К ЗАКОНУ

Ю. А. Харин

С общетеоретической точки зрения идущую в нашей печати дискуссию о содержании и всеобщности закона отрицания отрицания во многом можно объяснить весьма резким порой противопоставлением таких существенных элементов диалектики, как отрицание и отрицание отрицания. Нередко в качестве главных черт названного закона выделяются «преемственность и относительная повторяемость», «единство тенденций поступательности и преемственности», «поступательность и повторяемость», «якобы возвраты и спиралевидность», «цикличность и необратимость» и т. п. Все это важные характеристики развития. Но выражают ли они исчерпывающим образом существо фиксируемого в выражении «отрицание отрицания» момента объективной диалектики? Ведь в данном случае речь идет прежде всего об отрицании, к тому же о продолжающемся и воспроизводящемся отрицании. Поэтому трактовка содержания (и сущности) рассматриваемого закона без указания на диалектическое отрицание как одну из необходимых его черт оказывается явно ограниченной.

Уместно здесь заметить, что в истолковании терминов «диалектическое отрицание» и «отри-

цание отрицания» не всегда учитывается все разнообразие их возможных значений. Применительно к «диалектическому отрицанию» эти значения таковы: а) существенный момент объективной и субъективной диалектики развития в отличие от формально-логической операции отрицания; б) целостная совокупность известных признаков отрицания (всеобщность, имманентность, определенность и т. д.) в отличие от конкретных модификаций реального отрицания (физическое, биологическое, социальное, психологическое, гносеологическое и др.); в) конкретно реализующийся процесс превращения вещи в нечто существенно иное вследствие присущих ей внутренних и (или) внешних противоречий в противоположность чисто субъективному и абстрактному отрицанию, т. е. недиалектическому (метафизическому).

Не менее многогранно по своему смыслу и выражение «отрицание отрицания». Анализ применения этого термина Гегелем показывает, что он употреблялся им в следующих смыслах: а) всеобщая форма развития идеи (триада); б) завершающий момент (синтез) в конкретном цикле развития: положение — отрицание — отрицание отрицания; в) «конкретная, абсолютная отрицательность» в отличие от первого отрицания, которое есть «лишь абстрактная отрицательность»¹; г) содержательность и определенность диалектического отрицания: «нечто есть *первое отрицание отрицания...*»²; д) тождественный диалектике метод движения познания. В трудах классиков марк-

¹ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 177.

² Там же, с. 176.

сизма-ленинизма отрицание отрицания также характеризуется в различных смыслах и отношениях. Ф. Энгельс рассматривает его как «важный закон развития природы, истории и мышления...»¹. В. И. Ленин называет отрицание отрицания среди «некоторых черт диалектики»², включает его вместе с «одним» отрицанием в число элементов диалектики³.

Отмеченная многозначность выражений «отрицание» и «отрицание отрицания» дает повод противникам материалистической диалектики упрекать ее в «недостатке убедительных примеров»⁴; истолковывать известные положения марксизма об отрицании и отрицании отрицания как «теоретически ни к чему не обязывающие афоризмы»⁵; объявлять, что «отрицание отрицания безусловно не является универсальным законом»⁶; отождествлять отрицание отрицания (а вместе с тем и всю диалектику марксизма вообще) с триадами⁷ и т. п.

Критика подобных фальсификаций марксистской диалектики необходима, но существенно и то обстоятельство, что имеющиеся различные оттенки в значениях обсуждаемых «диалектических оборотов»⁸ должны непременно прини-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

³ См. там же, т. 29, с. 203, 207.

⁴ Wenzl A. Bedeutung und Vildentigkeit der Dialektik. München, 1959, S. 6.

⁵ Historische Wörterbuch der Philosophie. Bd. 2. Basel — Stuttgart, 1972, S. 199.

⁶ Der Mensch — Subjekt und Objekt. Wien, 1973, S. 172.

⁷ Walderdorf Ch. Unlogik der Dialektik.—In: Dimension des Rechts. В., 1974, S. 379.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 144.

маться во внимание в теоретическом анализе проблемы отрицания отрицания. Это касается прежде всего вопроса о том, всякий ли объективно реальный процесс отрицания является диалектическим и, следовательно, предстает органическим компонентом закона отрицания отрицания.

Вопрос этот возник в связи с широко комментируемым высказыванием Ф. Энгельса о том, что «существует и плохое, бесплодное отрицание», и «истинное — естественное, историческое и диалектическое — отрицание...»¹. Опираясь на это совершенно правильное положение, но не учитывая в должной мере всю совокупность замечаний классиков марксистско-ленинской философии по проблеме отрицания отрицания, некоторые авторы утвердились в мысли, что в объективной действительности наряду с отрицаниями диалектическими имеют место и отрицания «недиалектические» («внешние», «механические» и т. д.), которые должны быть исключены из сферы функционирования закона отрицания отрицания. Тем самым последняя существенно ограничивается.

Такая позиция вызывает возражения. Дело в том, что применительно к материальному миру решение вопроса о всеобщности приписываемых диалектическому отрицанию атрибутивных характеристик (момент связи и развития, содержательность, имманентность и др.) прямо связано с трактовкой феномена развития вообще. Ныне, видимо, можно считать преодоленным узкое его понимание лишь в аспекте поступательно-прогрессивного движения. Если же исхо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 640.

дить из признания развития как самодвижения материи со всем многообразием конкретных типов ее изменений¹, то фиксирование того или иного отрицания в качестве «диалектического» или «недиалектического» лишается смысла. Ведь «в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически»². Поэтому правильнее не исключать из диалектики «внешние» отрицания (по этой логике следовало бы объявить «недиалектическими» также случайность, покой, равновесие и многие другие объективные реалии), а выявлять их место и роль в целостном процессе самодвижения (развития) материи.

Правомерной представляется в этой связи постановка вопроса о существовании различных типов диалектического отрицания. Классификация процессов отрицания возможна по разным критериям. При этом следует выделить определяющую объективную основу типологизации. Такой основой вычленения различных видов диалектического отрицания, с нашей точки зрения, является само содержание отрицания. Оно выражается в конкретном соотношении моментов упразднения и сохранения положительного («положительного» не в оценочном, а в логическом смысле исходного пункта процесса отрицания) в новом качестве, т. е. в соотношении «бытия» и «небытия» (истолковываемого в диалектике как «инобытие»). Момент «небытия» в

¹ См.: Миклин А. М. Проблема развития в современной марксистской философии.— Вопросы философии, 1980, № 1, с. 85.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 22; см. также: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 54.

отрицании предстает как мера качественного отличия объективных процессов превращения вещей в нечто существенно иное (в предельном случае — в свою противоположность). Данный критерий позволяет выделить во всей совокупности объективных процессов три типа диалектического отрицания: деструкцию, снятие и трансформацию.

Для *деструкции* характерно, что такой момент отрицания, как «удержание положительного», практически отсутствует или проявляется в крайне незначительной степени и тем самым определяющим оказывается момент перехода явления в «небытие». Конкретно это может выражаться в смене более высокого типа целостности низшим, в ликвидации всякой целостности, в возникновении тупиковых путей развития. Такого рода отрицания зафиксированы в языке терминами «разрушение», «распад», «взрыв», «уничтожение», «гибель», «исчезновение», «дезинтеграция», «отмирание» и т. п. Деструктивное отрицание представляет собой закономерный момент и необходимое условие развития материи (чем и выполняется главное требование диалектики). Так, согласно современным научным представлениям об эволюции Вселенной, закономерную фазу в космических процессах образуют дезинтеграция, распад и взрывы разного рода нестационарных объектов. Существенна роль деструкции (в форме отношений растений и фитофагов, хищников и их добычи, смертности организмов) в жизненных процессах. Разного рода деструктивные процессы и действия являются также важным условием изменения и совершенствования социальных отношений.

В отличие от деструкции *снятие* как специфический тип отрицания представляет собой качественное изменение системы с удержанием, сохранением и преобразованием каких-либо ее структурных элементов в новом явлении. В данном случае упраздняемое предстает как необходимая предпосылка существования и развития возникающей в результате отрицания формы. В таком процессе вещь не просто устраняется, но преодолевается своим превращением в нечто более совершенное в каком-либо отношении. Форма, возникшая в результате удержания положительного, содержавшегося в старом, необходимо оказывается более высокой и богатой степенью развития. Включение понятия «снятие» в категориальный аппарат философии позволяет теоретически интерпретировать развитие как поступательное движение от низшего к высшему.

Своеобразной модификацией снятия может считаться тип отрицания, называемый *трансформацией*. Для нее характерно сохранение не только тех или иных элементов отрицаемой структуры («удержание положительного») в процессе качественного преобразования вещи, но и самой ее основы. Такое отрицание имеет место в переходах от одной стадии развития системы к другой (проращение зерна, превращение домонополистического капитализма в империализм и т. п.).

Установление различных типов отрицания (границ между которыми, разумеется, условны) дает возможность глубже понять его роль как необходимого элемента диалектики. Значимость его в самом общем выражении определяется тем, что, как писал К. Маркс, «ни в одной области не

может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹. Конечно, в полной мере значение категории отрицания в марксистской философии может быть понято лишь в контексте целостной диалектической концепции развития, одним из важнейших фрагментов которой является учение об отрицании отрицания.

Имея в виду отмеченную выше неоднозначность выражения «отрицание отрицания», можно высказать мнение, что закон отрицания отрицания в своих существенных чертах не сводится к «отрицанию отрицания» в узком смысле «возврата якобы к старому», но раскрывается и через другие элементы диалектики. Каждый закон диалектики, выражая всеобщую и необходимую определенность движущейся и саморазвивающейся материи, как бы «стягивает» в единое целое некоторую совокупность элементов. В теоретической констатации эта тотальность моментов закона интегрируется в конечном счете соответствующей определяющей категорией: противоречие (закон единства и борьбы противоположностей), качество (закон перехода количественных изменений в качественные и обратно), отрицание (закон отрицания отрицания). Выявление субординации названных философских понятий — неперемutable условие научного рассмотрения вопроса о «внутренней связи»² между главными законами диалектики.

Что касается закона отрицания отрицания, то его содержание может быть правильно раскрыто

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 297.

² См. там же, т. 20, с. 385.

лишь при учете соотношения таких моментов развития, как снятие, деструкция, поступательность, возврат якобы к старому, трансформация и др. Не все из этих моментов закона одинаково существенны, и не всегда они выступают в явном виде. Данное обстоятельство послужило основанием для формулирования Б. М. Кедровым идеи «интегральности» закона отрицания отрицания. Точнее, видимо, речь должна идти не столько о своеобразии функционирования данного закона диалектики в сравнении с двумя другими, сколько об условиях реального проявления некоторых его специфических характеристик (спираль, возвраты, троичность). Кстати говоря, и в структуре законов единства и борьбы противоположностей и перехода количественных изменений в качественные и обратно отдельные их существенные элементы (переход в противоположность, скачок) обнаруживаются лишь в строго определенных ситуациях.

Сказанное не должно восприниматься как отказ от рассмотрения того или иного закона диалектики в единстве его черт и требований. Иначе этот закон «рассыпался» бы на ряд самостоятельных, внутренне не связанных элементов диалектики. Между тем каждому главному диалектическому закону присуща собственная логика интеграции образующих его моментов. В полной мере это относится и к закону отрицания отрицания. Исходным в развертывании логики данного закона выступает понятие отрицания. Трактующее конкретно-диалектически, это понятие позволяет выявить в общем нелинейный характер развития явлений объективного мира. На основе «удержания положи-

тельного» в отрицании реализуется тенденция поступательного движения от низшего к высшему.

Разумеется, о поступательно-прогрессивном развитии применительно к материальному миру в целом говорить было бы неверно ввиду известных следствий из данной идеи. Но это ни в коей мере не усиливает позицию авторов, сомневающих во всеобщем характере рассматриваемого закона. Закон отрицания отрицания вовсе не требует уводить формирующуюся в «снятии» поступательность в бесконечность. Нельзя признать правильным утверждение, что закон этот действует будто бы только там, где совершается развитие к высшему, а круговорот и регрессивные процессы он якобы не объясняет. Такое мнение возникает в том случае, когда деструкция «выводится» за пределы диалектики вообще и отрицания отрицания в частности. Однако подобная трактовка феномена деструкции неправомерна. Включение же деструктивного отрицания в диалектический инструментарий требует учитывать всю сложность и противоречивость самодвижения материи, развертывающегося в сочетании и взаимодополнении прогресса и регресса; осуществляющегося в форме круговоротов и направленных изменений; реализующегося через поступательность, ее перерывы и воспроизведение.

Немалые трудности при обсуждении проблемы отрицания отрицания вызывает теоретическое обоснование необходимости в процессах развития момента «возврата якобы к старому». Обычно этот момент объясняется с помощью приводившегося в свое время Г. В. Плехановым суждения о превращении явлений в свою про-

тивоположность¹. В природе и обществе конечно же не редкость подобного рода взаимопереходы противоположностей друг в друга, а тем самым и определяемые ими возвраты якобы к старому. Но вряд ли верно в трактовке причин обнаружения данного элемента диалектики ограничиваться приведенным аргументом. Конкретные формы проявления относительной повторяемости и возвратов многообразны. Это и воспроизведение на высшей ступени развития отдельных свойств низших этапов, и попятные движения регрессивного характера, «скачки назад», и замедление темпа изменений и др. Подобного рода моменты объективной диалектики с необходимостью вытекают из сочетания в процессах развития деструкции и снятия, из различного воздействия отрицаний на эти процессы.

Что касается проблемы троичности в диалектике отрицания отрицания, то, не вдаваясь в историю и анализ существующих точек зрения, отметим лишь, что представляется односторонним как игнорирование момента троичности в материалистической диалектике, так и в особенности преувеличение его значимости. В. И. Ленин замечал, что «троичность» диалектики есть ее внешняя, поверхностная сторона². Так трактовал троичность (триаду) и Гегель, хотя его идеалистическая мистификация диалектики не позволяла ему быть последовательным в этом вопросе. Но то, что у Гегеля было «крайне таинственным»³, получает вполне ра-

¹ См.: *Плеханов Г. В. Избранные философские произведения*, т. 1, с. 572.

² См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 29, с. 210.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 384.

циональную интерпретацию в философии марксизма.

Троичность фиксирует в каком-то отношении количественную сторону процесса развития. Для самого содержания отрицания отрицания в единстве его различных компонентов «счет» предстает как нечто внешнее. В качестве единиц счета могут браться разные определенности изменяющейся системы. Этим и объясняется, почему во многих процессах развития с отчетливо обнаруживающейся повторяемостью (возвраты якобы к старому в ряду химических элементов, биогенетический закон, смена общественно-экономических формаций и др.) для выявления троичности приходится прибегать к оговоркам: «считать» можно и с ориентацией на цифру 3, а можно и иначе. Поиски триады как существующих раздельно трех ступеней развития во многих случаях ведут к грубой схематизации реальных процессов. Правильнее поэтому смысл троичности видеть лишь в обнаружении ее в самой общей форме процесса развертывания противоречий. Еще К. Фишер при характеристике гегелевской диалектики заметил, что «противоречие есть первое отрицание, а разрешение его (отрицание) есть второе отрицание»¹. Здесь налицо три момента: исходное состояние тождества, слитности противоположностей; стадия развитого противоречия (отрицательность); разрешение противоречия (отрицание отрицания) как «третье» по отношению к исходному единству противоположностей.

В рассматриваемом аспекте отрицание отрицания выступает как форма движения и разре-

¹ *Фишер К.* История новой философии. Том 8. Гегель. Первый полутом. М.—Л., 1933, с. 336.

шения противоречий развития. Вывод о том, что подобная трактовка отрицания отрицания (а вместе с тем и троичности как внешней стороны диалектики) возможна, следует из определения Ф. Энгельсом отрицания отрицания как «ядра всего»¹, как «развития путем противоречия»². Приведенная мысль Энгельса имеет и более общее значение, которое состоит в понимании связи закона отрицания отрицания с двумя другими основными законами диалектики, поскольку здесь подчеркивается своего рода синтетическая функция отрицания отрицания. Применение этого закона диалектики в конкретном анализе (как, например, в «Капитале») позволяет охватить и понять процесс развития в его тотальности. В таком понимании закон отрицания отрицания существенным образом совпадает с диалектическим методом в целом.

Все изложенное резюмируется в следующих положениях: а) качественные изменения вещей и явлений объективного мира реализуются путем различных типов диалектического отрицания, выступающего неотъемлемым условием и моментом развития; б) в процессах снятия удерживается и синтезируется положительное из отрицаемого, в результате чего в качественных изменениях возникает направленность: поступательное движение от старого к новому, происходит обогащение развития, переход к более высшим формам; в) повторное и продолжающееся отрицание, сочетание деструкции и снятия, трансформации, взаимопереходы противоположностей друг в друга определяют необходимое существование в развитии моментов

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 144.

² См. там же, с. 343.

«возврата якобы к старому», воспроизведения на высшей основе некоторых черт низших стадий; г) единство преемственности и деструкции, прогрессивных и регрессивных изменений, поступательности и повторяемости в развитии придает всему процессу сложный и противоречивый вид, с известной мерой условности выражаемый образом спирали; д) конкретные циклы отрицания отрицания, раскрывающие движение и развертывание противоречий изменяющейся системы, могут быть со стороны внешней формы процесса эволюции этих противоречий зафиксированы в аспекте количественных отношений троичности.

Таким образом, необходимым условием дальнейшей плодотворной разработки проблемы отрицания отрицания в материалистической диалектике является восхождение теоретического анализа от категории отрицания к закону отрицания отрицания.

ТИПЫ ОТРИЦАНИЯ

А. Ф. Лосев

Отрицание отрицания является одним из самых главных и наиболее популярных законов диалектики. Понимается и излагается он у нас достаточно правильно. Однако обсуждение этого закона движется скорее в горизонтальном направлении, чем в вертикальном, т. е. обычно говорится больше о соотношении этого закона с другими законами диалектики, чем о вхождении в глубину анализа самой категории отрицания. Нижеследующие замечания имеют в виду именно глубину категории отрицания, а уже потом мы будем говорить о самом законе отрицания отрицания. Для этого нужно вникнуть в то, как функционирует отрицание в мышлении и в бытии, всегда ли оно одинаково и однородно, или же оно функционирует весьма различно. Попробуем вникнуть в разнообразные типы категории отрицания.

Дискретное отрицание. Оно является только отталкиванием, без всякого притяжения к чему бы то ни было, внеположным, абстрактно-метафизическим отрицанием. Начнем с той формы отрицания, когда оно берется в самой начальной, пустой и бессодержательной форме. Такое отрицание возвещает только о том, что чего-нибудь нет. Все числа натурального ряда связаны

между собой путем прибавления или отнятия единицы или многих единиц. Но каждое число натурального ряда может быть взято само по себе только с единственным признаком, что оно не есть нечто другое. Двойка, тройка, четверка, десятка, сотня, тысяча, миллион — все эти числа, конечно, состоят из определенного числа единиц, получены из предыдущего числа путем прибавления единицы и создают новое число путем нового прибавления единицы. И тем не менее каждое такое число может братья само по себе, т. е. с тем единственным отличием, что оно не есть другое число. В суждении «кислород не есть водород» слово «кислород» ничего не говорит ни о содержании этого понятия, ни о соотношении его с «водородом». Такую чистую внеположность, когда неизвестно, что именно подвергается отрицанию и ради каких целей, мы и называем дискретным отрицанием.

Могут сказать, что такого отрицания в чистом виде вообще не существует и нечего о нем и заговаривать. Это не совсем так. Действительность, конечно, не содержит в себе такого отрицания. Природа и общество состоят из определенных вещей или событий, которые друг друга отрицают или утверждают — дискретное отрицание ничего определенного не отрицает и тем более ничего определенного не утверждает. Природа и общество меняются и развиваются — дискретное отрицание никогда не меняется и ни в каком смысле не развивается. Но тогда всякий спросит, зачем же нужно говорить о таком отрицании.

Говорить о дискретном отрицании необходимо в том же смысле, в каком мы говорим, например, о семенах или зернах растений. Ведь эти семе-

за и зерна еще не есть растения. Чтобы превратиться в растение, они должны начать разбухать в определенной среде, т. е. начать отрицать самих себя. Конечно, рост растения есть отрицание в более глубоком смысле слова, поскольку с таким отрицанием всякий раз связано и какое-нибудь утверждение. Но тогда ничего не стоит отбросить эти более сложные формы отрицания и говорить о них только в самых общих, еще никак не «окачественных» формах. Поэтому если такого дискретного отрицания и нет в действительности, оно есть или может быть в мышлении; а задача научно-философского мышления, с одной стороны, — все расчленять до неделимых единичностей, а с другой — все обобщать до получения закона возникновения подчиненных ему единичностей.

Итак, дискретное, или сплошь разрывное, отрицание существует; но это только первый этап в изучении логической картины отрицания вообще. Это — наиболее пустое, наиболее бессодержательное, но зато максимально абстрактное отрицание.

Аналитическое отрицание. Это — отрицание непрерывно-становящееся, сплошь текучее и лишенное в себе всякой отдельности. Изучив природу дискретного отрицания, мы замечаем, что признавать всю эту сплошную внеположность и сплошную взаимную изолированность можно только в том случае, если мы тут же мыслим и нечто противоположное этому, как светлое нельзя ни видеть, ни мыслить без представления о темном.

Возьмем какую-нибудь точку на отрезке прямой и станем наблюдать, как она достигает какой-нибудь другой точки на этом отрезке. Оче-

видно, говорить об одной дискретности точек здесь мало. Надо не фиксировать их в их раздельности и взаимной изоляции, в виде дискретности, а совершить совсем другой мысленный акт: наблюдать самый сдвиг первой точки. Но этот сдвиг точки уже не есть просто точка, неподвижная и в отношении ко всему изолированная. Затем, чтобы из одной точки прийти в другую точку на отрезке прямой, надо еще пройти некоторое расстояние между двумя точками, а это расстояние тем более не есть неподвижная и ото всего изолированная точка.

Что же это за отрицание, которое дает нам возможность продвинуться от одного места до какого-нибудь другого места? Ясно, что такого рода движение от одной точки к другой уже нельзя представить себе в виде все тех же взаимно изолированных точек. Отрезок прямой не есть сумма какого-нибудь числа точек, хотя бы это число было бесконечно. Ведь между двумя рядом стоящими точками, как бы они ни были близки одна к другой, всегда можно поместить еще третью точку, а между этой средней точкой и концами данного отрезка можно еще помещать все новые и новые точки. Так мы никогда и не дойдем до такой длины данного отрезка, которая была бы дальше неделима. Правда, это деление отрезка прямой можно продолжать бесконечно далеко; и в бесконечном пределе деления мы найдем нечто такое, что дальше уже не подлежит делению. Но, во-первых, для этого нужно продолжить деление отрезка прямой именно до бесконечности, а во-вторых, в этой бесконечности, поскольку благодаря ей мы получим нечто неделимое, наш отрезок прямой тоже превратится в точку. Это и значит, что отрезок

прямой не состоит из суммы отдельных точек: при конечных длинах деление возможно и дальше, а при уходе деления в бесконечность мы и совсем потеряем те две точки, расстояние между которыми мы подвергали делению, и в результате получим точку, в которой конечные точки нашего отрезка слились неразличимо. Итак, составить отрезок прямой из взаимно изолированных точек невозможно.

Но отсюда ясно и то, что расстояние между двумя точками на прямой есть сплошное становление, настолько текучее и непрерывное, что в нем невозможно зафиксировать ни одной устойчивой точки. Всякая новая точка, появившаяся в результате такого непрерывного становления, исчезает и уходит в прошлое в самый момент своего возникновения. Это сплошное становление, диаметрально противоположное дискретному отрицанию, представляет собой такое отрицание, которое не довольствуется фактом отличия одного момента от другого, но является сплошным и неразличимым потоком в моменты перехода от одной точки к другой. Очевиднейшими примерами такого становления являются время или пространство, в которых нельзя зафиксировать такую точку, которая тут же не переходила бы в другую точку.

Говорить о белом можно только в том случае, если у нас есть представление о черном или хотя бы вообще о не-белом. Говорить о тяжелом можно только в том случае, если у нас есть представление о легком. Точно так же говорить о дискретном и прерывном можно только тогда, когда у нас есть представление о нераздельном и непрерывном. Поэтому переход от одной дискретной точки к другой предполагает, что

возможен безраздельный переход от одной точки к другой, т. е. непрерывно становящийся переход между ними. Поэтому аналитическое отрицание есть прямое требование дискретного и прерывного отрицания и без него немислимо.

Заметим, что термин «аналитический» и некоторые другие употребляемые далее термины обыкновенно имеют место в математике. Однако мы употребляем эти термины отнюдь не в обыкновенном математическом смысле, а только для фиксации наших категорий.

Дифференциальное отрицание. Это — отрицание с функцией приращения. Из предыдущего ясно, что аналитическое отрицание уже не есть просто отрицание в абсолютном смысле слова, как это говорилось об отрицании дискретном. Сущность аналитического отрицания заключается в том, что оно нечто прибавляет к неподвижной дискретности. Прибавление это, правда, очень мало: на первых порах оно близко к нулю. Но оно ни в коем случае не есть нуль. Если бы оно не создавало никакого приращения к нашей постоянной и дискретной величине, то эта величина так и оставалась бы неподвижной и, следовательно, дискретной. Вся новизна аналитического отрицания заключается в том, что оно указывает на некоторого рода сдвиг, как бы он ни был мал и близок к нулю. Но если аналитическое отрицание, будучи непрерывным становлением, все же указывает на какой-то сдвиг постоянно устойчивой величины, то оно свидетельствует и о некоторого рода приращении к этой величине. Об этом сдвиге, или об этом приращении, можно и нужно говорить отдельно. Пусть это приращение бесконечно мало, и пусть это отрицание постоянной величины произошло

только на величину, весьма близкую к нулю. Все равно этот сдвиг есть нечто; и это приращение есть какая-то новизна, без фиксации которой мы продолжали бы оставаться на почве только дискретного отрицания и никакого аналитического сдвига у нас не получилось бы. Назовем это бесконечно малое отрицание, этот близкий к нулю сдвиг и это едва заметное приращение *отрицанием дифференциальным*. Оно не есть ни мертвое дискретное отрицание, ни то аналитическое отрицание, которое его выдвигает и без него невозможно, но отнюдь не есть оно само.

Двигаться можно только с какой-нибудь скоростью, так что без той или иной скорости невозможно и само движение. Однако само движение только еще обладает скоростью, но не есть сама скорость; и сама скорость движения только еще принадлежит движению, но, взятая сама по себе, не есть движение. Пусть человек проходит в час 5 километров, это и есть скорость его движения. Но 5 километров, взятые сами по себе, еще не есть скорость и не есть время, а всего лишь неподвижное пространство или, вернее, определенный отрезок пространства. Поэтому и то приращение, которое создается аналитическим отрицанием, не есть само это отрицание, а только принадлежит ему, отличает его, свойственно ему, но еще не есть оно само.

Аналитическое отрицание повсюду несет с собою возникновение все новых и новых моментов, т. е. все новых и новых отличий. Это и заставляет нас всякое новое отличие, которое создается аналитическим отрицанием в сравнении с дискретной неподвижностью, называть именно дифференциальным отрицанием (*differentia* латыни значит «отличие»). Это есть тот момент

новизны, который каждое мгновение создается аналитическим отрицанием, но который сам по себе еще не есть какое бы то ни было отрицание.

Интегральное отрицание. Концепция дифференциального отрицания, взятого само по себе, является, конечно, нашей мысленной абстракцией. Это видно уже из того, что отрицание в его цельном виде мы мыслим как живое движение, а дифференциальное отрицание не есть движение. Ведь всякая абстракция, изъятая из живого и подвижного целого, всегда будет абстракцией, т. е. неподвижной односторонностью. Но все искусство философского анализа состоит вовсе не в том, чтобы обязательно избегать неподвижных абстракций, а в том, чтобы эти неподвижные абстракции уметь объединять в одно живое и подвижное целое. Цель философского анализа в том и заключается, чтобы сумбурную глобальную действительность представить в виде раздельного, разумного или по крайней мере осмысленного целого. Поэтому никакая абстрактная односторонность не будет для нас страшна, если мы в результате анализа сумеем представить ее себе как органическую необходимость.

Следует сказать, что дифференциальное отрицание есть только момент в аналитическом отрицании, оно органически связано с ним и фактически неотделимо от него. В самом деле, что такое неподвижная или постоянная величина, мы знаем. И что такое отрицание такой величины, создающее ее сдвиг и ее приращение, это мы только что сформулировали. Но ведь ясно, что в цельном движении не существует ни отдельных неподвижных точек, ни отдельных неподвижных сдвигов. Реально существует только такая точ-

которая, оставаясь сама по себе постоянной, в то же самое время может испытывать и сдвиги, и разного рода приращения.

Возьмем на отрезке прямой какую-нибудь точку, которая и остается сама собой, и проходит некоторого рода путь, но путь непрерывный, не делимый на более мелкие отрезки. Ясно, что такого рода точка будет отличаться и от непрерывно-дискретной точки, и от той аналитической и непрерывно-подвижной точки, которая несовместима ни с какой прерывностью, и просто от своего сдвига, который, будучи взятым сам по себе, тоже оказывается величиной вполне неподвижной. Наша новая точка на отрезке прямой, хотя и остается сама собой, все же мыслится вместе со своим движением. Не будем брать это движение сразу в больших размерах. Логическая последовательность заставляет нас брать эту постоянную точку вместе с тем ее малейшим сдвигом, который близок к нулю.

В античной философии была теория так называемых неделимых линий. Атомисты утверждали, что вся действительность разбивается на такие мельчайшие точки, которые уже не подлежат дальнейшему дроблению. Но другие философы говорили не о неделимых точках, а о неделимых линиях. Атомы они считали слишком дискретными точками, неспособными ни к какому изменению. Неделимые же линии они представляли себе хотя и неделимыми и неизменными, но все же таящими в себе возможность каких угодно изменений. Мы не будем сейчас говорить, верна такая теория или нет и целесообразна ли такая терминология. Важно то, что уже в древности была потребность мыслить себе мельчайшие элементы бытия вместе с зало-

женным в них сдвигом, вместе с возможностью построить из этих элементов действительность любого вида и любой формы.

Это же самое заставляет и нас говорить не только об аналитическом отрицании, но и об интегральном отрицании, которое не просто отрицает постоянную величину и не просто создает нечто новое, но, так сказать, обновляет эту постоянную величину, берется вместе с ней и потому является принципом ее роста и развития. Ведь это же естественно — говорить не просто о сдвиге как таковом, но о сдвиге какой-нибудь определенной и постоянной величины.

Если воспользоваться более элементарным и более грубым способом выражения, то можно сказать, что *интегральное отрицание есть аналитическое отрицание плюс отрицание дифференциальное*. При таком подходе меняется и вся картина отрицания, которое уже перестает быть неподвижным постоянством, но пребывает в сплошном и непрерывном становлении, включая исходную точку этого становления и весь проходимый ею путь.

В трех рассмотренных типах отрицания сразу бросается в глаза: здесь мы все время имели дело не с каким-нибудь реальным, фактическим или материальным отрицанием, но вскрывали только теоретическую структуру отрицания, совершенно не касаясь ее метрического функционирования. В самом деле, бесконечно малое приращение, возникавшее в результате аналитического отрицания, было, собственно говоря, везде одним и тем же. Мы могли брать любой отрезок прямой, и везде эти процессы становления были совершенно одинаковыми. Заключенный между двумя рядом лежащими точками отрезок

Прямой можно было делить пополам, а эти половины — еще раз пополам и так до бесконечности без получения какого-либо определенного и твердо ограниченного отрезка. Но ведь этот процесс бесконечного дробления мы могли бы совершать и между любыми другими двумя точками той же прямой, и аналитическое отрицание везде давало бы один и тот же результат: бесконечное дробление и невозможность дойти до нуля. Это относится, конечно, и к двум другим рассмотренным типам отрицания — дифференциальному и интегральному. Такие бесконечно становящиеся функции отрицания везде были у нас одинаковыми.

Можно сказать еще и то, что эти три типа отрицания слишком далеки от процесса материальных изменений и, собственно говоря, ничего не измеряют, а являются только смысловой структурой всякого разделения и всякого измерения. Иначе говоря, они являются как бы анатомией отрицания. Но ведь никакая анатомия ничего не говорит нам о цельной жизни организма. Любые органы живого тела и любые его части, конечно, представляют собой некоторого рода реальность. Но чтобы изучить их жизненный смысл, необходимо представить их себе в составе целостно действующего организма. Конечно, и анатомия отрицания оказывается предметом пока еще слишком идеальным и слишком далеким от реального функционирования разнообразных типов отрицания в материальной действительности. Поэтому необходимо, чтобы проанализированные нами выше формы отрицания рассматривались на каком-нибудь материальном субстрате. При рассечении отрезка прямой нам надо получить ее твердые, устойчивые и прост-

ранственно вполне определенные части, а не только это вечное расплывание и вечное непрерывное становление, в котором нельзя даже ухватиться за какую-нибудь точку или за какое-нибудь расстояние между двумя точками — ведь эти три типа отрицания непрерывно плывут и непрерывно возникают и уходят в прошлое. Поэтому возникает необходимость перехода к четвертому типу отрицания.

Метрическое отрицание. Оно является не просто структурно-смысловым, но материально-жизненным, фактическим. Такое отрицание возникает не только в виде мысленного процесса, но и в виде материального субстрата, его метрической изменчивости, т. е. того условия, без которого отрезок прямой нельзя подвергать какому-нибудь реальному дроблению. Этот процесс дробления должен происходить не просто логически, в виде структурно-смысловой операции. Разделив отрезок прямой пополам, мы действительно получаем два материальных куска, которые могут соответствовать один другому, в какой-нибудь мере продолжать друг друга, но могут и противоречить один другому, могут быть разделены реальным жизненным скачком без ухода в бесконечное дробление и в становление аналитического, дифференциального или интегрального типа.

Только при таком подходе к отрезку прямой можно говорить о его метрической структуре, т. е. его эволюционном или скачкообразном развитии.

При аналитическом, дифференциальном и интегральном типах отрицания не могло быть и речи ни об эволюции становящейся прямой, ни о «скачках», которые в ней совершаются. Эти три

типа отрицания слишком плывут и совсем не задерживаются на отдельных точках или отрезках прямой, возникающих в результате их функционирования. Здесь невозможно говорить о реальном измерении отрезка и об его реальных, материально ощутимых моментах. И совсем другое дело, если эти аналитические процессы осуществляются на материальном субстрате, в отношении которого можно говорить и о сложении и вычитании отдельных реально ощутимых моментов, и об их умножении и делении. Если предыдущие три типа отрицания можно было назвать структурно-смысловыми, то четвертый его тип следует назвать отрицанием метрическим.

Метрическое отрицание есть совершенно новая категория, которая переносит смысловую структуру первых трех отрицаний в материальную, предметную, реально исчисляемую область. Однако это не значит, что мы здесь навсегда расстались с первыми тремя типами отрицания. Дело в том, что отдельные отрезки прямой, полученные в результате метрического рассечения, остаются никак не связанными между собою. Каждый такой метрический отрезок имеет значение сам по себе. Конечно, при рассечении отрезка прямой на отдельные отрезки мы не можем не представлять себе, что именно из этих отрезков был составлен основной отрезок, подвергнутый рассечению. Тем не менее он для того и рассекался, чтобы можно было мыслить каждый рассеченный отрезок в отдельности.

Такие куски целого в результате фактического рассечения данного отрезка прямой могут быть употребляемы и понимаемы в самых разных смыслах. Они то равны один другому, то

не равны. То они совпадают и их можно наложить один на другой, а то они совсем не совпадают и могут друг другу противоречить — в зависимости от тех условий и целей, в силу и ради которых производилось метрическое рассечение. Вот почему эти метрические отрезки в одних случаях эволюционируют один в другой, а в иных случаях переходят один в другой только в результате резкого скачка. И все это возможно только потому, что рассеченные отрезки прямой используются нами материально, фактически, или, вообще говоря, метрически.

Ничего подобного не происходит в первых трех типах отрицания. Когда мы формулировали эти три типа, имелся в виду только смысл отрицания, а не отрицание как факт. Мы говорили о структуре становления, а оно только потому и было возможно, что возникающая точка тут же, в самый момент своего возникновения, исчезала. Вот почему континуум, будь то временной или пространственный, нельзя составить из отдельных точек. В континууме все отдельные точки как бы слились в одну нераздельную точку, хотя в то же самое время, применив метрические методы, можно в любом континууме найти какие угодно точки, обладающие достаточно большой устойчивостью, что позволяет фиксировать их постоянство и постоянное взаимоотношение.

Таким образом, если первые три типа отрицания вполне мыслимы сами по себе, то метрическое отрицание совершенно невысказимо без принципа аналитической слитности. Конечно, при метрическом рассечении прямой мы можем и не мыслить того, что рассеченные отрезки аналитически вливаются один в другой, по-

сколько нас интересуют только отдельные рас-сеченные куски. Теоретически, однако, ясно, что первые три типа отрицания предшествуют четвертому типу, подобно тому как можно мыслить отдельные расколотые куски камня без всякой мысли о том, что кто-то (или что-то) расколол большой камень на малые куски, уже никак между собой не связанные.

Итак, метрическое отрицание невозможно понять без анализа структурно-смыслового отрицания.

Типы метрического отрицания. Метрическое отрицание не есть такое отрицание, которое все время становится, но есть отрицание устойчивое, субстратно осязаемое и потому всегда имеющее определенное начало, середину и конец. Бесконечные элементы, связанные с тремя первыми отрицаниями, здесь, конечно, присутствуют, но речь идет не о них самих, а об их материальной осуществленности.

Допустим, что мы проходим известный путь по отрезку прямой. Всякая точка на этом пути имеет свое определенное прошлое, которое мы прошли, определенное настоящее, на котором мы остановились, и свое будущее, т. е. тот путь, который нам еще предстоит пройти. При этом везде мы имеем дело с тем, что следует назвать *границей*. Если мы шли до какой-нибудь определенной точки, это значит, что мы дошли и до какой-нибудь определенной границы, так что пройденный путь был еще внутри данной границы и не переступал ее. Если же мы будем двигаться дальше, то это значит, что мы уже перейдем данную границу и будем находиться в пределах того, что является в отношении границы ее будущим. Отрицание действует здесь везде.

Ведь когда мы шли к нашей границе и переходили с одной точки на другую, мы находились еще внутри того пути, который предшествовал пограничной точке. Там мы тоже пользовались отрицанием, когда покидали одну точку и переходили к другой. Но, во-первых, это было метрическое отрицание, а во-вторых, поскольку мы еще не дошли до границы, то это отрицание было еще внутриграницным. По-латыни «граница» обозначается термином *limes*, а *intra* значит «внутри». Итак, первый тип метрического отрицания есть отрицание *интралимитное*.

Если интралимитное отрицание говорит о движении внутри определенной границы, то *инселIMITное* отрицание («*in se*» по-латыни «в себе») полагает саму границу. Это — границеполагающее отрицание.

Уже первые три типа отрицания, в которых возникновение и уничтожение представляли собой одно и то же и совершались в один и тот же момент, логически были мыслимы только при условии точного применения метода диалектики. Но диалектика границы является отрицанием еще более сгущенным, еще более ярким, и на этом придется остановиться несколько подробнее.

Рассмотрим начерченную на бумаге окружность круга. Относится ли окружность круга к тому бумажному фону, на котором она начерчена, или же она относится к самому кругу? Если окружность круга относится к тому фону, на котором начерчен круг, и не относится к самому кругу, тогда получается, что на листе бумаги нет никакого круга, что мы вообще ничего там не начертили. Как же тогда говорить об окружности круга? Возьмем другую возмож-

есть. Допустим, что окружность круга относится только к самому кругу, но не относится к тому фону, на котором мы ее начертили. Тогда опять получается, что мы ровно ничего не начертили.

Единственный выход из этой противоречивой ситуации заключается в том, чтобы одновременно мыслить и отнесенность окружности к кругу, и отнесенность ее к тому фону, на котором начерчен круг. Можно сказать также и иначе: окружность круга не относится ни к кругу, ни к фону, на котором он начерчен. Здесь перед нами впервые раскрывается загадка инселимитного отрицания: граница есть и часть ограниченного, и часть ограничивающего, или, что то же самое, граница не есть ни часть ограниченного, ни часть ограничивающего. Такова диалектическая разгадка тайны инселимитного отрицания. Ясно, что эта метрическая диалектика есть только пространственное, или, вообще говоря, метрическое, осуществление структурно-смыслового отрицания.

Поскольку речь идет о метрическом отрицании, то на первый план выступают проблемы измерения того, что возникает в результате отрицания. И пока мы говорим о конечных измерениях, можно не вдаваться в напряженную диалектику. Но главный интерес данной области исследования заключается именно в случае бесконечных величин, в случае измерения метрической бесконечности.

В самом деле, рассмотрим тело, которое движется с какой-нибудь конечной скоростью. Пока мы имеем дело с конечными скоростями, сама категория скорости остается везде одной и той же и меняется только ее величина. Но

допустим, что тело движется с бесконечной скоростью. Что это значит? Это значит, что оно сразу прошло все расстояние, которое предстояло ему пройти. Однако если тело сразу занимает все возможные места, которые оно могло бы пройти, то это значит, что больше уже нет никакого другого места, которое оно могло бы занять: все места заняты и двигаться уже некуда. Но тогда получается, что тело уже не движется, а покоится. Покой есть не что иное, как движение с бесконечной скоростью. Следовательно, интралимитное отрицание только тогда остается самим собою, когда оно в метрическом смысле конечно. Если же оно исчерпало себя, дошло до своей границы, это значит, что оно уже перестало быть самим собой и из интралимитного стало сначала инселимитным, а потом и супралимитным отрицанием, т. е. перешло в новое качество. Таким образом, супралимитное отрицание есть отрицание самого отрицания.

От структурно-смысловых типов отрицания мы перешли к отрицанию метрическому, поскольку структурно-смысловое отрицание всегда есть отрицание чего-нибудь и необходим тот субстрат, на котором могла бы разыгрываться его роль. Кроме того, структурно-смысловое отрицание, взятое само по себе, есть только мысленная абстракция, лишенная материальной воплощенности и фактической силы и не способная ни к какому реальному и материальному творчеству. Метрическое отрицание несет с собой фактическую силу предмета и возможность породить новое в мысли и в жизни. Диалектический закон отрицания отрицания как раз и формулирует эту силу и эту возможность.

Примат действительности. В заключение хотелось бы только указать на ту область, без которой вся изложенная теория повисает в воздухе и превращается в рассудочную игру абстрактными понятиями. Она получает свой реальный смысл только в том случае, если мы сумеем ответить на вопрос о *причинности*. В самом деле, относительно каждого нашего предыдущего утверждения можно было бы поставить вопрос «почему», без ответа на который никакая логика не получает для себя достаточного основания.

Пусть на вопрос «почему» в отношении данной вещи мы указали на какую-нибудь другую вещь, которая и является причиной данной вещи. Но ведь относительно этой другой вещи мы можем поставить тот же самый вопрос «почему». Это относится и к третьей, и к любой последующей вещи. Ясно, что, ссылаясь каждый раз на все новую и новую вещь, мы уходим в дурную бесконечность и, собственно говоря, ничего не объясняем. Мы только откладываем объяснение до следующего раза, а для настоящего случая получаем такое объяснение, которое нужно еще само объяснить.

Имеется единственный выход из этой причинности, основанной на дурной бесконечности. Нужно найти такую вещь, которая для своего объяснения уже не нуждается ни в какой другой вещи, но объясняет себя сама. Итак, или существует вещь, которая объясняет сама все прочее, или мы вообще отказываемся от всякого причинного объяснения, сводя его на ничего не говорящую дурную бесконечность. Другими словами, мы упираемся здесь в ту область, которую можно назвать *самодвижной материальной дей-*

ствительностью. Ведь только действительность сама себя объясняет. Приведение для объяснения действительности чего-нибудь другого все равно не выводит нас за пределы действительности вообще; самое большее, что мы можем, — это только переходить от одного типа действительности к другому ее типу, но мы не можем выходить за ее пределы.

Но что значит объяснение действительности? Ведь всякое объяснение действительности исходит из нее же самой и упирается в нее же. Такое объяснение есть не что иное, как *отражение* самой же действительности, хотя бы это отражение и было в каком-нибудь смысле специфичным.

В самом деле, три рассмотренных нами типа лимитного отрицания действуют только благодаря тому, что они являются отражением действительности. Укажем кратко на специфику каждого.

Интралимитное отрицание основано на охвате бесконечного числа разнообразных мыслительных актов отрицания. Чтобы подойти от интралимитного отрицания к инселимитному, необходимо охватить целую бесконечность интралимитных отрицаний. Когда мы говорим, что покой есть движение с бесконечной скоростью, это значит, что бесконечную скорость мы каким-то образом охватили и отличили от любой конечной скорости. Но каким же образом мышление при переходе от интралимитного к инселимитному отрицанию охватило целую бесконечность всех скоростей? На этот вопрос можно ответить, что если действительность бесконечна, а мышление есть отражение действительности, то и оно бесконечно. Как же интра-

лимитное отрицание, создавшее целую бесконечность отрицаний, вдруг превратилось в конечную величину, вроде той окружности круга, которую мы приводили как пример инселимитного отрицания? Это оказалось возможно только потому, что в самой действительности необходимым образом совпадают конечное и бесконечное, поскольку кроме материальной действительности и ее свойств вообще ничего не существует; и если существуют бесконечное само по себе и конечное само по себе, то они должны совпадать, поскольку вся действительность едина и есть всеобщее совпадение. Ведь вся действительность присутствует решительно везде и потому является организмом, в котором отдельные органы тождественны с цельным организмом, в который они входят.

Но самое интересное — это творческая функция супралимитного отрицания. Что заставляет нас двигаться внутри круга и доходить до границ этого круга, т. е. до окружности? И что заставляет нас двигаться по окружности круга, наблюдая то, как совпадают в одном тождестве ограничиваемое — то, что внутри круга, и ограничивающее — то, что вне круга? И что заставляет нас двигаться еще дальше, уже за пределы окружности круга, и создавать новые категории, которых не было у нас раньше? Мы не знали, что такое покой, а знали только разного рода движение с бесконечно разнообразной скоростью. А теперь вдруг совершилось чудо: движение превратилось в покой. И все это стало возможно потому, что мышление есть отражение действительности, а действительность всегда творчество все нового и нового. Следовательно, и мышление, раз оно является отражением дей-

ствительности, тоже всегда есть творчество все нового и нового.

Утверждение так же динамично, как и отрицание. Но если динамику утверждения невозможно отрицать, то динамику отрицания не все видят. Подлинная же научная диалектика не знает ни только утверждения, ни только отрицания. Если говорить здесь о «только», то не существует ни утверждения, ни отрицания, а только действительность. Утверждение же и отрицание являются лишь специфическими типами отражения действительности. Надо уметь найти их место и квалифицировать их в связи с их отражательной функцией.

Часть вторая
**ПОВТОРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ
«КРУГЛОГО СТОЛА»**

**КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
И ОТВЕТЫ НА НИХ**

ЧТО СОСТАВЛЯЕТ ОСНОВУ ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ?

Ю. А. Харин

Вопроса о том, что лежит в основе функционирования закона отрицания отрицания, касаются многие участники настоящей дискуссии. Это вполне объяснимо, поскольку ответ на него определяет в конечном счете позицию автора в трактовке содержания и сферы действия обсуждаемого закона диалектики. В этом легко убедиться, обратившись к некоторым примерам.

В выступлении *В. Д. Морозова* у меня вызывает недоумение мысль, что нужно различать категорию отрицания вообще как применяемую в диалектике (и в этом смысле диалектическую) от той категории, которая является основной для закона отрицания отрицания (с. 126—127)¹. Получается так, что здесь речь идет о двух, причем разных, понятиях диалектического отрицания. Но если это так, то закономерен вопрос: в чем отличие понимания в диалектике «категорий отрицания вообще» от категории диалектического отрицания как основы отрицания отрицания? Кроме того, хотелось бы спросить: что дает с теоретической и практической точек зрения проводимое удвоение смысла понятия «диалектическое отрицание»? По мнению *В. Д. Мо-*

¹Здесь и дальше в скобках указаны страницы настоящего издания.

розова, лишь отрицание с переходом системы на более высокую ступень функционирования можно рассматривать как необходимый компонент диалектического закона отрицания отрицания, «который по самой своей сути есть закон восходящего поступательного развития» (с. 125). Правильное акцентирование роли отрицания в категориальном осмыслении одного из основных законов диалектики здесь сочетается с неправомерно узким пониманием его содержания. Закон отрицания отрицания оказывается «главным образом законом развития» (с. 121), тогда как другие основные законы диалектики «действуют не только в развитии, но и в различных видах движения» (с. 121). Уязвимость подобного рода суждений очевидна. Не говоря уже о сомнительности разделения законов диалектики на законы «развития» и «движения вообще», следует указать на несостоятельность как резкого противопоставления категорий «движение» и «развитие» (поскольку применительно к материи движение должно пониматься как ее саморазвитие), так и раздвоения диалектических отрицаний на отрицание «вообще» и отрицание, являющееся «основой» для закона отрицания отрицания. Основой, т. е. исходным интегрирующим компонентом рассматриваемого закона, выступает единая в своей сущности категория диалектического отрицания, фиксирующая все многообразие совершающихся в объективной реальности процессов превращения явления в нечто существенно иное (в редком случае — в свою противоположность) вследствие внутренних и (или) внешних противоречий.

Подчеркнем еще раз неправомерность исключения деструктивного отрицания из диалектики

ЗВЕТЯ. Так, *В. Д. Морозов* не склонен считать «диалектическим» отрицанием «гибель то- или иного организма вследствие старения» (124). Между тем в истории жизни смерть появилась как эволюционное приспособление. Известно, что размножение и смерть в своих истоках — у низших организмов — еще совпадают друг с другом. В ходе эволюции у многоклеточных организмов они разделились и превратились в процессы, противоположные друг другу. Важно и то, что генетическая эволюция невозможна без смены поколений.

Диалектическое отрицание должно пониматься, по *Ф. Энгельсу*, как действие «соответственно обстоятельствам дела»¹. Когда же акт отрицания является субъективным, привнесенным извне, тогда это действие может быть квалифицировано как недиалектическое.

В отличие от *В. Д. Морозова*, который, как и некоторые другие участники «круглого стола», верно подчеркивает решающую роль в понимании закона отрицания отрицания понятия диалектического отрицания, *Г. И. Бондарев* и *В. И. Свидерский* видят основу данного закона в существовании более общих диалектических закономерностей. *Г. И. Бондарев* полагает, что при анализе закона отрицания отрицания можно в общем-то обойтись без категории отрицания, так как она неразрывно связана с законом единства и борьбы противоположностей, «входит в его содержание» (с. 114). К тому же, по его мнению, закон отрицания отрицания является частным случаем спиралевидности как всеобщего закона развития. Основание же этой

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 141.

спиралевидности «коренится в том, что элементарной формой всякого развития, его внутренней основой служит круговорот» (с. 115). Полностью согласиться с приведенными суждениями нельзя. Во-первых, хотя категория отрицания, как и все иные понятия диалектики, самым тесным образом связана с диалектическим противоречием, все же в ней выражается существенно иное содержание, чем в формуле «единство и борьба противоположностей». Во-вторых, даже если признать круговорот внутренней основой всякого развития, встает вопрос: что лежит в основе самого круговорота? Известно, что круговороты обусловлены разнонаправленностью качественных изменений, взаимопроникновением прогресса и регресса, сочетанием деструкции и снятия, — короче говоря, мы опять приходим к проблеме отрицания.

В. И. Свидерского, хотя он и формулирует в качестве одной из основных черт обсуждаемого закона «развитие через отрицание» (с. 60), сближает с *Г. И. Бондаревым* общая ориентация на поиски более универсальных закономерностей. По утверждению *В. И. Свидерского*, «в основе закона отрицания отрицания лежит более общий диалектический закон единства тенденций неравномерного, одностороннего и равномерного, всестороннего развития явления при определяющем характере тенденции равномерного, всестороннего развития» (с. 69). Допустим, что этот закон единства противоположных тенденций развития существует. Но опять-таки он не может обнаруживаться иначе, как посредством отрицания явлением прежних форм своего бытия. Значит, по-прежнему в понимании «основы» закона отрицания отрицания не

может игнорироваться содержание категории диалектического отрицания. Кроме того, здесь возникает далеко не однозначно решаемый вопрос о субординации диалектических законов. На уровне абстрактно-всеобщего вряд ли плодотворной будет попытка разделить законы диалектики на «более» и «менее» общие. Значительно более эвристическим представляется раскрытие содержания выявленных универсальных законов в многогранных взаимосвязях их существенных компонентов.

В этой связи заметим, что у нас слишком много сил тратится на обсуждение вопроса о всеобщности закона отрицания отрицания, о сферах его действия. Не правильнее ли фиксировать внимание на характере проявления отдельных элементов данного закона диалектики? Классики марксистско-ленинской философии, затрагивая проблему отрицания отрицания, констатировали различную степень общности структурных компонентов данного диалектического феномена. Так, В. И. Ленин писал, что диалектика «содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент...»¹. Здесь устанавливается высший уровень универсальности применительно к имманентным моментам закона отрицания отрицания. Отрицание как основа данного закона диалектики однопорядково с точки зрения сферы своего функционирования со всеобщими характеристиками развития, выражаемыми понятиями: «разрешение противоречия», «качественное изменение», «скачок» и т. п.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

Что же касается таких элементов закона отрицания отрицания, как «возврат якобы к старому», «поступательность», «спираль», «троичность», то вопрос об их всеобщности должен ставиться по-иному. В. И. Ленин отмечал, что развитие по гегелевской схеме «положение — отрицание — отрицание отрицания» в природе «вообще не редкость»¹. Этому известному суждению можно, видимо, придать более широкое значение. Оно ориентирует не на поиски «триад», «спирали» и т. п. всегда и всюду, а на анализ конкретных условий отрицания, создающих возможность прогресса и относительной повторяемости.

Здесь уместно обратиться к интересному примеру анализа Ф. Энгельсом проявления повторяемости, «возврата якобы к старому» в развитии. Первая большая победа человека над природой выразилась, как отмечает Ф. Энгельс, в том, что люди научились добывать огонь с помощью трения. Другими словами, начало человеческой истории можно вести от практического открытия превращения механического движения в теплоту. Однако процесс, совершающийся при добывании огня трением, при интерпретации его в категориях закона отрицания отрицания носит еще односторонний характер. Этот процесс есть переход (механического движения) в противоположность (в теплоту), т. е. здесь налицо диалектическое отрицание. Но данным отрицанием исторический процесс овладения человечеством неорганическими силами природы в их конкретном соотношении не исчерпывается. Следующий шаг — превращение

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 163.

теплоты в механическое движение. «Только тогда диалектика процесса получает надлежащее разрешение, — пишет Ф. Энгельс, — и процесс исчерпывается в круговороте — по крайней мере для начала. Но история имеет свой собственный ход, и сколь бы диалектически этот ход ни совершался в конечном счете, все же диалектике нередко приходится довольно долго дожидаться истории»¹. Со времени открытия добывания огня трением прошли многие тысячелетия, пока не была построена первая паровая машина, первое приспособление для превращения теплоты в действительно полезное механическое движение. И только тогда реализуется требование закона отрицания отрицания о возврате якобы к старому в развитии.

Значит, и «возвраты» оказываются необходимыми, а следовательно, и всеобщими моментами развития. Но эта всеобщность иная («не редкость»), чем всеобщий характер отрицания (без которого «ни в одной области не может происходить развитие»).

Настаивая на тезисе об отрицании как интегрирующем ядре всей совокупности структурных элементов закона отрицания отрицания, важно в то же время учитывать своеобразие проявления данного закона диалектики в различных сферах действительности. В этой связи следует поддержать мысль *В. В. Орлова* о том, что «с появлением человека коренным образом меняется тип, способ развития материи: оно осуществляется теперь через универсальную форму активности — человеческую практическую деятельность и опосредствуется всей пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 430.

шествующей бесконечной историей развития материи» (с. 109).

При обсуждении проблемы всеобщности диалектических моментов мы не всегда, к сожалению, учитываем, что сущность диалектических закономерностей, как и всякое конкретное тождество, содержит в себе внутренние различия и претерпевает изменения. Это же обуславливает не только своеобразие формы, но и специфичность содержания диалектики различных сфер реальности.

Действительно, с возникновением общества образуется качественно новый тип объективной диалектики материальных процессов. В механизме функционирования социальных законов появляется принципиально иной по сравнению с законами природы компонент — социальный субъект. Не только собственно социальные законы, но и общие законы диалектики проявляются в истории через общественные отношения и социальные действия людей. Эти действия оказываются необходимым условием реализации общедиалектических моментов. Данное обстоятельство имеет существенное значение для анализа специфики функционирования закона отрицания отрицания в обществе.

Таким образом, универсальность функционирования закона отрицания отрицания требует при установлении особенностей реализации его различных элементов исходить из категории диалектического отрицания как интегрирующего ядра и необходимой основы данного закона диалектики.

Некоторые участники «круглого стола» связывают представление о диалектическом отрицании исключительно с внутренними противво-

речиями. Особенно четко это выразили *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунов* в тезисе: «Диалектическое отрицание всегда является результатом развития внутренних противоречий» (с. 35). Столь категорическое заявление заставляет задуматься над рядом вопросов. Так, если различать применительно к конкретным материальным системам их внутренние и внешние противоречия, то следует ли эти внешние противоречия рассматривать как диалектические? Далее, если в общем случае отрицание есть результат развития противоречий, то может ли разрешение внешнего противоречия выступать как момент развития (и даже более конкретно: прогрессивного развития)? Наконец, положение о том, что диалектическое отрицание всегда является результатом развития внутренних противоречий, вполне логично ведет к выводу о недиалектическом характере всех отрицаний в ходе разрешения внешних противоречий; но как быть тогда с известной относительностью различения внутреннего и внешнего?

Одно замечание по поводу выступления *Б. М. Кедрова*. Эвристически ценна и плодотворна развиваемая им мысль о различиях в функционировании основных законов диалектики (с. 10—12). Вместе с тем, если исходить из внутренней связи этих законов, не будет ли излишне категоричным утверждение, что закон отрицания отрицания обнаруживает свое действие «в самом конце» процесса развития (с. 12)? *Б. М. Кедров* совершенно прав, подчеркивая, что все законы диалектики функционируют в ходе всего процесса развития. И все-таки, с его точки зрения, существует различие, скажем, между «дифференциальностью» закона единст-

ва и борьбы противоположностей и «интегральностью» закона отрицания отрицания. Это, по его словам, обусловлено тем, что первый из названных законов «действует и проявляет себя в любой точке развития» (с. 11). Что же касается закона отрицания отрицания, то он проявляется иначе. Но ведь и применительно к закону единства и борьбы противоположностей можно показать, что некоторые его черты (переход в свою противоположность, разрешение противоречия) обнаруживаются вовсе не «в любой точке развития». Поэтому не точнее ли будет, обращаясь к характеристике закона отрицания отрицания, также фиксировать своеобразие в проявлении таких его элементов, как отрицание, возврат якобы к старому и др.?

КУДА РАЗВИВАЕТСЯ МИР?

Г. И. Бондарев

Вопрос о сфере действия закона отрицания отрицания неизбежно упирается в вопрос о том, что такое развитие. И в этом, безусловно, можно согласиться с *В. В. Орловым*. Однако его понимание развития вызывает возражение. Указав на существование в советской философской литературе разных трактовок развития и необходимость выработки единого понимания развития, он предлагает трактовку развития как прогресса, как бесконечного движения от низшего к высшему, включающего в себя — в подчиненном виде — круговорот, регресс, «одноплоскостное изменение» (с. 103). При этом он утверждает, что в основе понимания развития как процесса необратимых качественных изменений «лежит постулат о равносильности, равнозначности прогресса, регресса и «одноплоскостного изменения» по отношению к материальному миру в целом» (с. 100). Но мир в целом не может развиваться одновременно в разных направлениях, не имеет места и смена им направлений развития.

Определение развития как процесса направленных необратимых качественных изменений основано на анализе данных естественных наук, свидетельствующих о многонаправленности про-

цессов развития различных природных систем. В известном смысле оно исходит и из недопустимости отождествления развития с прогрессом, ибо такое отождествление, а соответственно и понимание развития мира в целом как прогрессивного, неизбежно предполагает его начало. Отождествив развитие с прогрессом, *В. В. Орлов* логично основными понятиями развития считает понятия низшего, высшего, сложности (с. 103). Хотя понятие сложности, т. е. уровня организации системы, является важнейшим понятием теории развития, оно характеризует не развитие как таковое, а его направленность. Основным же для характеристики развития является понятие нового. *В. И. Ленин*, указывая на отличие метафизической концепции развития от диалектической, замечает, в частности, что метафизическая концепция рассматривает «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение», т. е. не признает появления нового; диалектическая же «дает ключ... к уничтожению старого и возникновению нового»¹. Без появления нового ни о каком развитии не может быть и речи. Новое же может иметь разный уровень организации: и более сложный, и менее сложный, и сохранять имеющийся.

В подтверждение своего представления о тождественности прогресса и развития *В. В. Орлов* ссылается на высказывания *Ф. Энгельса*, причем, с нашей точки зрения, он представляет взгляды *Ф. Энгельса* неточно, вырывая отдельные места из контекста работы «*Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*». Поэтому мы вынуждены привести здесь

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

высказывания Ф. Энгельса о мировом развитии в их полном объеме.

Из характеристики Ф. Энгельсом гегелевского диалектического метода *В. В. Орлов* вырывает слова о том, что перед диалектической философией ничто не может устоять, «кроме... бесконечного восхождения от низшего к высшему». Но немного далее Ф. Энгельс пишет: «Нам нет надобности вдаваться здесь в рассмотрение вопроса о том, вполне ли этот способ понимания согласуется с нынешним состоянием естественных наук, которые самой Земле предсказывают возможный, а ее обитаемости довольно достоверный конец и тем самым говорят, что и у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь. Мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным в порядок дня современным ей естествознанием»¹. Что же касается двух идентичных высказываний Энгельса, где он говорит о том, что поступательное развитие от низшего к высшему «сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги», «при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь»², то для понимания их прежде всего не следует забывать приведенное выше положение Энгельса о нисходящей ветви в развитии человечества, а главное, нужно обратиться к развернутой трактовке

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21, с. 276.

² Там же, с. 301, 302.

мирового развития, данной им во введении к «Диалектике природы». Там он пишет о вечном круговороте, «в котором движется материя», о том, «что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен»¹ и что так или иначе в ходе этого вечного круговорота постоянно создаются условия для прогрессивного развития в той или иной части Вселенной, что в ней вновь и вновь возникают органические миры и общества разумных существ, чтобы затем уйти в небытие и смениться новыми органическими мирами, новой разумной жизнью.

Итак, действительно, прогрессивное развитие постоянно через все зигзаги и временные отливывы пробивает себе дорогу, но это — восходящее движение тех или иных частей материи. Материальный же мир в целом совершает «вечный круговорот», который, конечно, не понимается Ф. Энгельсом как простое повторение, а представляет собой развитие: «Природа... движется не в вечно однородном, постоянно снова повторяющемся круге, а переживает действительную историю»². Энгельс понимает мировое развитие как такое, в процессе которого уровень организации остается постоянным. А как же иначе? Изменение организации системы связано либо с увеличением многообразия связей (прогресс), либо с уменьшением этого многообразия (регресс), либо с их перестройкой без увеличения и уменьшения многообразия (одноплоскостное развитие). Материальный мир бесконечен в сво-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 362, 363.

² Там же, т. 19, с. 205.

их проявлениях, а бесконечное не может иметь большее или меньшее разнообразие, оно всегда бесконечно многообразно.

В. В. Орлов, как и *В. К. Бакушов*, стремясь доказать, что известная нам Вселенная может развиваться только прогрессивно, выдвигает тезис о том, что если признать прогресс и регресс равноправными направлениями, то они уравновесят друг друга и мир окажется в положении буриданова осла, выбирающего между прогрессом и регрессом, и потому лишенным развития (с. 80, 101). Образ буриданова осла появляется у обоих авторов только потому, что им неведомо развитие в одной плоскости. *В. В. Орлов* предлагает также обратиться только к «известной нам части мира («космологической Вселенной»)» (с. 101) и утверждает, что все науки, как естественные, так и общественные, «показывают, что вся доступная нам Вселенная является результатом развития от низшего к высшему — от гипотетического «сингулярного» состояния, или, точнее, от эмпирически известного нам уровня элементарных частиц, до человеческого общества» (с. 101). Такая организация присуща, как пока нам известно, только Земле, где создались условия для преобладания прогресса в течение длительного времени. Что же касается развития других звездных систем, то оно идет по-разному: и путем усложнения, и путем упрощения; обнаружить «братьев по разуму» тоже пока не удалось.

Стремясь утвердить положение о том, что закон отрицания отрицания действует во всех частных процессах, а следовательно, все они так или иначе либо являются прогрессивными, либо оказываются моментами других прогрессивных

процессов более широкого плана, *В. В. Орлов* предлагает «различение частных процессов производить не произвольно, а на основе диалектических критериев» (с. 111—112). Но, во-первых, эти диалектические критерии следует сформулировать, а во-вторых, необходимо на их основе выделить соответствующие процессы, хотя бы в неживой природе. Поскольку это не сделано, положение о прогрессивном характере всех частных процессов доказательной силы иметь не может.

Но если *В. В. Орлов* обращение к рассмотрению развития той части Вселенной, «которая стала объектом непосредственного эмпирического исследования» (с. 101) мотивирует тем, что «эмпирически мы даже не знаем, существуют ли «другие части» Вселенной» (с. 101), то *В. К. Бакшутев* призыв говорить о развитии только той части Вселенной, которая известна человеку, обосновывает несколько иначе. Он считает, что лишь такое рассмотрение соответствует требованиям диалектической логики, ибо оно представляет собой содержательный анализ. Рассуждение же, показывающее, что утверждение о прогрессивной направленности развития материи приводит к неизбежности признания начала мира, он объявляет формально-логическим (с. 79). После этого следовало ожидать, что автор займется анализом реальных процессов развития, однако далее идет цепь формально-логических рассуждений по схеме: современная наука установила два направления развития (почему не три?), а именно прогресс и регресс; признать их равноправие нельзя, ибо в этом случае они бы уравнивали друг друга и мир оказался бы в состоянии мертвого оцепе-

В-В-В-В: значит, прогресс превалирует, и только он должен быть понят в качестве развития. Затем автор доказывает широко известное положение о всеобщности развития. Диалектический материализм тем, в частности, и отличается от метафизического, что рассматривает материю не как неизменную первооснову, обладающую ограниченным рядом свойств, а как субстанцию, неисчерпаемую в своих превращениях. Поэтому вызывает удивление утверждение *В. К. Бакуштова*, что «человеческое мышление до сих пор еще не усвоило идею *качественной* бесконечности Вселенной...» (с. 80). Нельзя согласиться и с его заявлением о том, что человеческий ум якобы рожден и вышкочен в течение многих тысячелетий «в лоне формально-логического мышления» (с. 80). Человеческое сознание есть отражение мира, который является не только устойчивым, но и изменчивым, развивающегося по законам диалектики, а потому оно не может не носить диалектического характера.

В. К. Бакуштов, так и не последовав, по существу, своему же призыву говорить о развитии известной нам вселенной, повел речь о развитии материи, мира в целом. Иначе и быть не могло, так как всеобщность законов диалектики состоит в их атрибутивности материи; отказавшись рассматривать мир в целом, нельзя утверждать и всеобщность закона отрицания отрицания. И тут, словно забыв о своем прежнем тезисе относительно прогрессивного развития Вселенной, *В. К. Бакуштов* говорит уже о многонаправленности процессов развития в мире. При этом он тут же отстаивает всеобщность закона отрицания отрицания, понимая его «как закон циклического поступательного развития» (с. 86—87).

Чтобы как-то свести концы с концами, ему приходится приписывать закону отрицания отрицания конституирующую роль в объяснении природных процессов. Вместо того чтобы, проанализировав реальные процессы природы, установить либо не установить во всех случаях действие закона отрицания отрицания, он утверждает: «Причины термодинамической, электромагнитной и микроскопической необратимости физически могут быть связаны с гравитацией, но логически они могут быть поняты как звено бесконечного ряда циклов в процессе действия диалектического закона отрицания отрицания. Поэтому закон отрицания отрицания выступает методологической основой развития современного атомизма» (с. 87). Впрочем, подобное положение в общем виде утверждалось автором и в начале его выступления, где говорилось: «Как методологический принцип, необходимый для эффективной деятельности в сфере современного научного познания, закон отрицания отрицания может иметь сколько-нибудь важное значение лишь при условии, если он рассматривается как закон всякого развития, как один из всеобщих законов материалистической диалектики» (с. 73). Здесь все поставлено с ног на голову. Ведь содержание законов определяется отнюдь не тем, как мы желаем их использовать в качестве методологических принципов; это содержание объективно, и из него вытекает методологическое значение законов.

Отступил от своего стремления рассматривать развитие лишь эмпирически данного человеку мира и *В. В. Орлов*. Желая доказать, что бесконечный мировой процесс, если рассматривать его предельно абстрактно, разворачивается на

основе закона отрицания отрицания, он выделяет следующие три ступени этого развития: бесконечное прошлое, конечное настоящее, бесконечное будущее. Но каким образом мир может быть конечным в настоящем, если он является бесконечным в прошлом и будущем? *В. В. Орлов* говорит, естественно, по отношению к настоящему о конечных вещах, а не о конечном мире. Однако, во-первых, вещи всегда конечны — и в прошлом, и в будущем; во-вторых, говорить в одном случае о мире, а в другом о вещах — значит подменять предмет рассуждения.

Особо следует остановиться на утверждении *В. В. Орлова* о бесконечном существовании человечества. Здесь он неадекватно представляет точку зрения *Ф. Энгельса*, произвольно используя его слова, вырванные из контекста (с. 102—103). *Ф. Энгельс* совершенно определенно говорит о бесчисленных обществах разумных существ, которые имелись в прошлом до появления человечества и будут существовать в будущем после его гибели. Человечество рассматривается *Ф. Энгельсом* как одно из таких обществ в бесконечной их череде. Он неоднократно подчеркивал положение о том, что все, что имеет начало, имеет и конец, и наоборот. Стоя на позициях диалектического материализма, нельзя иначе решать этот вопрос. Утверждение о бесконечном существовании человечества подрывает представление о материи как неисчерпаемой в своих превращениях. Ведь появление человека связано с определенными условиями, с определенным состоянием материи. В иных условиях, при ином ее состоянии, когда современного мира элементарных

частиц, из которых состоит человек, не будет, невозможным станет и существование человечества. В соответствующих условиях возникнут другие общества разумных существ (до нас их тоже было бесконечное число). Бесконечность же существования человечества предполагает либо неизменность определенных условий, определенного состояния материи, т. е. исключает исчерпаемость материи, либо полное подчинение человеком материального мира, превращение всей Вселенной во «вторую природу». Однако практическая деятельность человека в каждый момент имеет границы, а мир бесконечен. Мыслить человека способным превратить всю материю во «вторую природу» — значит поставить его над природой, вне природы, стать на путь абсолютизации разума, свойственный идеализму. Человек — порождение материи, и стать над природой вообще, выйти за ее пределы он не может.

Далее, положение *В. В. Орлова* о том, что «в человеке в обобщенном и сокращенном виде воплощается все многообразие содержания результатов предшествующего бесконечного развития материи» (с. 109), неизбежно предполагает начало мирового процесса, так как в явлении, имеющем начало, не может воплотиться бесконечность. Главное же, если позади человечества бесконечность, то почему оно не возникло бесконечно давно? Ведь его возникновение именно тогда, когда развитие материи до этого дозрело, свидетельствует о том, что процесс мирового развития когда-то начался.

Наконец, если исходить из того, что, по словам *В. В. Орлова*, «с третьей ступенью развития исчерпываются основные возможности, заложен-

быть в данной сущности, и поэтому дальнейшее развитие может происходить только на базе этой сущности» (с. 105—106), то сущность мирового процесса, раз он трехступенчат, тоже должна меняться, а это может означать только что на смену материальной сущности придет идеальная. А раз есть конец материального мира, значит, было и его начало.

Так удалось ли *В. В. Орлову* и *В. К. Бакшугову* опровергнуть тезис о том, что признание всеобщности закона отрицания отрицания, а следовательно, и прогрессивной направленности развития мира в целом ведет к неизбежности утверждения о начале мира? Нам кажется, что не удалось. Однако пусть об этом судят читатели.

Остановимся также на взаимосвязи закона отрицания отрицания с законом единства и борьбы противоположностей. Вряд ли можно согласиться с положением *Б. М. Кедрова* о том, что «последовательность изложения основных законов диалектики особого значения не имеет» (с. 10). Когда речь идет не о простом их изложении, а о рассмотрении их взаимосвязи, то в этом случае на первый план выступает закон единства и борьбы противоположностей как ядро диалектики. Впрочем, и сам *Б. М. Кедров*, рассматривая учение о развитии, избирает такой порядок раскрытия его существенных сторон, когда на первое место ставит закон единства и борьбы противоположностей, раскрывающий источник развития, на второе место — закон перехода количества в качество, выясняющий формы развития, и на третье место — закон отрицания отрицания, показывающий результат развития, его «траекторию».

С *Б. М. Кедровым* тут можно было бы полностью согласиться, если вместо закона отрицания отрицания поставить действительно всеобщий закон спиралевидности развития, ибо не спиралевидность вытекает из закона отрицания отрицания, а, напротив, сам этот закон есть частный случай спиралевидности в прогрессивном развитии. Когда *В. И. Ленин* говорит о том, что движение и становление, совершающиеся без повторения, без возврата к исходному пункту, не являются «тождеством противоположностей»¹, не являются диалектическим движением, он не упоминает закон отрицания отрицания. По нашему мнению, есть все основания толковать эти слова *В. И. Ленина* именно как указание на всеобщность спиралевидности, а не ее частного проявления, т. е. закона отрицания отрицания, представляющего собой «возврат якобы к старому», «повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей...»². Поэтому мы не можем принять вывод *Б. М. Кедрова* о том, что «развитие путем противоречия совпадает с отрицанием отрицания», что «можно рассматривать то и другое как синонимы» (с. 15), — ведь не всякий возврат к старому есть отрицание отрицания.

Тем более невозможно согласиться с *В. В. Орловым*, когда он объявляет «всеобщность закона отрицания отрицания... необходимым следствием всеобщности закона единства и борьбы противоположностей» и заявляет, что «закон отрицания отрицания выступает в качестве своего рода продолжения и дополнения закона единства и борьбы противоположностей» (с. 104).

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 308.

² Там же, с. 203.

Сущность закона отрицания отрицания заключается, по мнению *В. В. Орлова*, в том, что он есть закон развития через противоречие. Но это можно сказать о любом законе диалектики. Далее автор рассматривает развертывание противоречия сущности отнюдь не в его общем виде, а как частный случай, ибо «развертывание противоречивой сущности на трех основных ступенях поступательного развития от относительно простой, но универсальной ступени к более сложным и богатым содержанием ступеням, к наивысшей ступени, универсальность которой оказывается всесторонне реализованной» (с. 106), является именно частным случаем, присущим только прогрессивному развитию. Тем самым предпосылкой признания такой формы развертывания противоречия в качестве всеобщей оказывается признание всеобщности прогресса, и, таким образом, всеобщность закона отрицания отрицания вытекает, по сути, не из всеобщности закона единства и борьбы противоположностей, а из утверждения о всеобщности прогресса. Получается, что единственным аргументом в пользу признания всеобщности закона отрицания отрицания выступает отождествление развития с прогрессом.

И последнее. *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунов* утверждают, что обе концепции — и утверждающая всеобщность закона отрицания отрицания, и отрицающая эту всеобщность — «имеют право на существование, по крайней мере, на современном этапе исследования» (с. 29). Так ли это? Вопрос о статусе закона отрицания отрицания, как отмечалось, упирается в понимание развития, а это — кардинальная мировоззренческая проблема, прямо и непосредственно связан-

ная с решением основного вопроса философии. Для того, кто стоит на позициях диалектического материализма, понимание развития материального мира — прямой вывод из трактовки материи как субстанции, неисчерпаемой в своих превращениях. Отождествление развития с прогрессом неизбежно исключает признание неисчерпаемости материи.

Отстаивая всеобщность закона отрицания отрицания, *В. К. Бакшугтов* утверждает, что это «закон всякого реального развития» (с. 304). Нам представляется, что понятие «реальное развитие», если его не толковать произвольно, должно отражать процессы развития в реальной действительности. И поэтому объявлять одноплоскостное развитие, как это делает *В. К. Бакшугтов*, «всецело плодом человеческой мысли» (с. 305) несколько странно, ибо и в неживой, и в живой природе подавляющее большинство процессов развития являются именно одноплоскостными. Например, появление нового вида растений или животных есть процесс развития; при этом когда появляются виды, имеющие тот же уровень организации, что и существовавшие ранее, то такое развитие может быть названо только одноплоскостным. Так, в классе насекомых есть отряды жесткокрылых и чешуекрылых, насчитывающие десятки тысяч видов, принадлежащих к одному и тому же уровню организации.

В. К. Бакшугтов безусловно прав, отрицая развитие по кругу (с. 305), но утверждать, что понимание обмена веществ в живом организме или воспроизводства материальных условий жизни общества в качестве круговых процессов есть очень грубое и неточное отражение

реальных явлений, значит идти против фактов.

Необратимость безусловно является важнейшим моментом развития, без нее нет развития как появления нового. Но сама по себе необратимость не может породить спиралевидность развития. Спираль может вырасти только из круговорота, который постепенно нарушается противостоящей ему необратимостью. Об этом и пишет Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Он отмечает, что, пока зерна ячменя в круговом цикле от посеянных весной до полученных осенью остаются качественно одинаковыми, спирали нет, но как только в ряде поколений получают зерна более совершенные, т. е. происходят необратимые прогрессивные изменения, так возникает спираль закона отрицания отрицания¹.

Отрицание абсолютности круговорота означает отрицание существования вещей, ибо круговорот функционирования вещи есть процесс ее постоянного воспроизведения. В этом постоянном воспроизведении любого материального объекта и состоит атрибутивность движения, его абсолютность. Ведь всякая вещь — это система; система же может существовать лишь как связь элементов, а связь эта рождается взаимодействием, т. е. движением. Но выводить абсолютность необратимости из абсолютности движения, изменения, как это делает *В. К. Бакшуттов*, нельзя, так как движению, напротив, присуща обратимость. Необратимость же абсолютна, как абсолютно развитие. Но из того, что движение неразрывно связано с развитием, вовсе не следует, что движению присуща необ-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 139—140.

ратимость, так как отождествлять движение и развитие недопустимо.

В. В. Орлов утверждает, что «идея начала и конца развития... не следует из концепции развития как бесконечного движения от низшего к высшему, так как по самому определению бесконечного развития ни одна конкретная ступень развития не обладает конечной сложностью» и ступени, следующие одна за другой, различаются как относительно более простые и относительно более сложные (с. 203). Однако вслед за этим он говорит нечто противоположное, заявляя, что «мир всегда бесконечно сложен» (с. 203—204), с чем, разумеется, можно согласиться. Если же мир в любой момент бесконечно сложен, то действительно не может быть предельной сложности, а ступени развития мира не могут различаться по степени сложности. Бесконечное не может быть ни относительно проще, ни относительно сложнее. Следовательно, если *В. В. Орлов* признал бесконечную сложность мира в каждый момент развития, то он, по сути, отказался от своего собственного положения о прогрессивном характере этого развития.

Настаивать на прогрессивной направленности развития мира можно лишь в случае признания разной конечной сложности ступеней. Тогда на вопрос, почему бóльшая, чем нынешняя, относительная сложность в развитии мира еще не достигнута, может быть только один ответ: до этого мир еще не дошел. А раз еще не дошел, то, значит, было начало в его развитии.

В. В. Орлов без всяких оснований приписывает нам и другим авторам представление о равновесии прогресса и регресса в фундаменте

материю. Мир в целом развивается в одной плоскости, в тех или иных его частях может преобладать либо прогресс, либо регресс, либо одноплоскостное развитие. Так, общество в целом развивается только прогрессивно, и регресс здесь возможен лишь как момент этого прогрессивного развития либо временно для отдельных отрядов человечества, либо для отдельных сфер общественной жизни. В живой природе прогресс является базовым направлением развития, ибо появление живого есть результат прогрессивного развития в неживой природе, да и в органическом мире регресс и одноплоскостное развитие возможны лишь на основе того, что появилось в ходе прогрессивного развития. В неживой природе в разных системах в разное время может преобладать либо прогресс, либо регресс, хотя подавляющее большинство процессов развития являются преимущественно одноплоскостными.

ЕЩЕ РАЗ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ОТРИЦАНИИ

В. Д. Морозов

В цитированном *Ю. А. Хариным* утверждении из моего выступления, вероятно, содержится недостаточно точно выраженная мысль. Я хотел сказать, что не всякое отрицание является самоотрицанием и приводит к последующему отрицанию в процессе развития данного предмета или явления. Есть такое, внешнее отрицание, которое прерывает процесс развития данной системы, уничтожает ее таким образом, что это не выводит ее на новый уровень развития. Диалектика не отвлекается от рассмотрения и такого отрицания, однако на этом основании не следует включать его в категорию «диалектическое отрицание», основную для закона отрицания отрицания. Конечно, в процессе диалектического отрицания может происходить уничтожение каких-то элементов, структур, свойств прежней системы, и в этом смысле имеет место деструктивное отрицание как момент, сторона диалектического отрицания. Но его нужно отличать от отрицания как уничтожения внешними силами системы в целом, прерывающего процесс ее дальнейшего развития.

В данном случае смысл категории «диалектическое отрицание» не удваивается — в нее лишь не включается отрицание как уничтожение си-

стемы извне. Содержание категории, которую принято называть «диалектическое отрицание», в отличие от внешнего, «бесплодного» отрицания, определено в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Они рассматривали диалектическое отрицание как «стадию развития самого предмета»¹; как ступень развития в ряду ступеней, отрицающих друг друга²; как самоотрицание, «упразднение предметом самого себя»³; как такое, которое делает возможным последующее отрицание⁴; «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»⁵; как «снятие»⁶.

Отрицание другого вида, которое является внешним и прерывает данный процесс развития, не называется диалектическим отрицанием по той терминологии, которая принята в марксистской философии. Спор о словах — пустое дело; важно установить, какой смысл в них вкладывается. Понятие «отрицание» в широком смысле включает в себя и внешнее отрицание, и самоотрицание. В указанном же выше более узком смысле (как самоотрицание) оно называется диалектическим отрицанием и является основной категорией закона отрицания отрицания.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 641.

² См. там же, т. 4, с. 296—297.

³ Там же, т. 42, с. 164.

⁴ См. там же, т. 20, с. 145.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 142; т. 21, с. 281; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 96.

В ЗАЩИТУ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ КАК ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ НИЗШЕГО К ВЫСШЕМУ

В. В. Орлов

Выдвинутые рядом участников дискуссии (*Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов, В. И. Корюкин, Г. И. Бондарев*) возражения против признания рассматриваемого закона в качестве всеобщего представляются мне неудовлетворительными. Справедливо ставя решение вопроса о широте действия закона отрицания отрицания в зависимость от общей концепции развития, они исходят из представления о двух равноправных и равноценных формах развития — прогрессивной и регрессивной. Они считают, что концепция развития как бесконечного движения от низшего к высшему будто бы отождествляет развитие с прогрессом, игнорируя тем самым регресс, и приводит к выводам, несовместимым с диалектическим материализмом. По мнению *Г. И. Бондарева*, прогрессивное развитие не может рассматриваться как всеобщее (с. 118—119). *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунов* утверждают, что «отрицание отрицания — одна из закономерностей прогрессивного развития» (с. 36). Каковы аргументы, выдвигаемые в пользу такого мнения?

Прежде всего, названные авторы утверждают, что определение развития как движения от низшего к высшему приводит к идее начала и конца

развития и даже, по словам *В. И. Корюкина*, к признанию «заданных внешним образом целей бесконечного однонаправленного развития» (с. 40). *Г. И. Бондарев* полагает, что признавать прогрессивное развитие общим направлением для мира в целом «означает... признавать начало мира, а тем самым и его сотворимость» (с. 118).

Однако никем из участников дискуссии не было доказано, что признание бесконечного движения от низшего к высшему обязательно приводит к признанию начала и конца развития, «цели» и сотворения мира. Более того, утверждение о неизбежности такого вывода основано, как я постараюсь показать, на логических ошибках и упрощениях.

Идея начала и конца развития ни в коей мере не следует из концепции развития как бесконечного движения от низшего к высшему, так как по самому определению бесконечного развития ни одна конкретная ступень развития не обладает конечной сложностью, ей всегда предшествует бесконечный ряд более простых ступеней развития. Не существует ни самого простого (абсолютно простого), ни самого сложного состояния материи; каждая конкретная ступень развития материи обладает относительной (в сопоставлении с последующей) простотой и относительной (в сопоставлении с предшествующей) сложностью.

Утверждение о том, что поскольку время не имело начала (т. е. бесконечно в прошлом), то к настоящему моменту мир должен был бы достичь предельной сложности и дальнейшее его развитие оказалось бы невозможным, неверно в двух отношениях: во-первых, мир всегда бес-

конечно сложен; во-вторых, он всегда способен к дальнейшему бесконечному усложнению. Поскольку временная бесконечность представляет собой бесконечность в прошлом и в будущем (фигурально выражаясь, состоит из двух «полу-бесконечностей»), бесконечный процесс усложнения материи предполагает бесконечное усложнение в прошлом и в будущем.

Вывод о начале и конце развития и, следовательно, о «цели» и сотворении неизбежен только тогда, когда упрощается понятие бесконечности, когда начало развития заранее молчаливо предполагается, т. е. совершается ошибка *petitio principii* (предвосхищение основания). По мнению *В. И. Корюкина*, иначе «невозможно объяснить, как, существуя вечно и развиваясь однонаправленно, мир до сих пор не достиг желанного состояния» (с. 40—41). Если ограничиться логической стороной этого рассуждения, не обсуждая правомочности использования понятия желанного состояния в контексте данной дискуссии, то уместно заметить, что сие состояние потому и недостижимо «до сих пор», что вечное развитие означает бесконечность в прошлом и в будущем. Согласно же *В. И. Корюкину*, получается, что бесконечность может истечь к настоящему моменту времени. В сущности, рассуждения сторонников рассматриваемой точки зрения относятся не к проблеме бесконечного прогресса, а к проблеме бесконечности вообще и основаны на невысказанном представлении о «сосчитанной бесконечности», поскольку бесконечность рассматривается ими как завершенная к настоящему моменту.

Второй аргумент названных авторов заключается в утверждении о равенстве, равновесии

Прогресса и регресса в самом фундаменте материализма по отношению к миру в целом, которое также никем из его авторов не было сколько-нибудь убедительно доказано и является скорее не аргументом, а постулатом, введенным без достаточных эмпирических и теоретических оснований.

Материал современной науки показывает, что во всей эмпирически наблюдаемой части Вселенной преобладает прогресс — движение от относительно простых состояний материи, от уровня элементарных частиц, или, если ввести элемент гипотезы, от уровня «сингулярного состояния», до современного человеческого общества. Поэтому эмпирически постулат о равенстве, равновесии прогресса и регресса ничем не подтверждается. Логически же он сводится к неразрешимой ситуации буриданова осла. Философско-теоретической основой данного постулата оказывается недиалектический принцип равновесия противоположностей, которое рассматривается как абсолютное, в то время как нарушение равновесия — как временное, относительное, преходящее.

Мне представляется, что дискуссия об основном существенном признаке развития, в ходе которой обсуждаются три конкурирующие концепции развития — движения от низшего к высшему, круговорота и необратимых качественных изменений, — в настоящее время не имеет продуктивного характера, поскольку сторонники двух последних определений, основанных на постулате равновесия прогресса и регресса, по существу, игнорируют давно выдвинутые аргументы своих оппонентов: об эмпирической недоказанности этого постулата, о его логической

несостоятельности и совпадении с принципом равновесия противоположностей. Это делает непродуктивной и дискуссию о характере и сфере действия закона отрицания отрицания до тех пор, пока не будет дан конструктивный ответ на аргументы, направленные против постулата равносильности прогресса и регресса.

Проблема развития имеет и ряд других сторон, например вопрос о действительных взглядах Ф. Энгельса на развитие, которые, на мой взгляд, ряд участников дискуссии толкуют слишком однозначно, опуская те принципиальные моменты, которые не укладываются в рамки их представлений. Так, совершенно упускаются из виду определение Ф. Энгельсом диалектики как теории, для которой нет ничего безусловного и святого, кроме «бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹; утверждение Энгельса о бесконечном ряде форм материи, которые она прошла до первичной простейшей кантовской туманности. Заявляя, будто бы Энгельс считал прогресс и регресс равноправными, не замечают, что он никогда не высказывал такой мысли; отстаивая идею взаимосвязи прогресса и регресса, Энгельс утверждал при этом, что прогресс, поступательное движение «сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему», «при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь...»².

Особые трудности в истолковании действительных взглядов Ф. Энгельса на развитие со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 276.

² Там же, с. 301, 302.

здает его идея вечного круговорота, в котором движется материя, создавая и уничтожая свой «высший цвет» — мыслящие существа. Не вдаваясь подробно в обсуждение этой идеи, замечу, что гипотеза круговорота, противоречащая основной идее Энгельса о развитии как бесконечном восхождении от низшего к высшему, была уже рационально истолкована как результат тех трудностей, с которыми сталкивалась материалистическая диалектика в XIX веке¹.

Вызывает возражение и тот способ рассуждения, посредством которого выводится понятие развития в оспариваемой мною точке зрения: в одних случаях оно есть прогресс, в других — регресс, в третьих — ни то ни другое, а в общем случае оно характеризуется тем «общим признаком», который присутствует в равной мере во всех «случаях» развития: либо «изменением вообще», либо «круговоротом», либо «необратимыми качественными изменениями» (в зависимости от позиции авторов). Мышление по способу простой индукции, стремление обнаружить непосредственный «общий признак», непосредственное «сходство» в различных «формах развития», недостаточно для выяснения сущности столь сложного явления, каким является развитие. Логика мышления определяется здесь логикой законов единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Поскольку развитие включает два противоположных процесса — прогресс и регресс, обобщающее их понятие может быть сформулировано

¹ См.: Развитие материи как закономерный процесс. Пермь, 1978.

только через выяснение действительной соотносительной роли этих процессов, их взаимное опосредствование и определение доминирующей противоположности. Развитие — это *интегральный прогресс*, включающий в себя в подчиненном виде регресс и круговороты. Понятие развития формулируется поэтому по логике отрицания отрицания: от первоначально введенного непосредственного понятия прогресса мы переходим к противоположному ему непосредственному понятию регресса, которое затем включается в «снятом» виде в понятие интегрального прогресса, получающего, таким образом, опосредствованный конкретно-всеобщий характер. Противоположные понятия прогресса и регресса не могут быть включены в какое-либо третье понятие, поскольку закон единства и борьбы противоположностей исключает существование чего-либо третьего наряду с двумя противоположностями; точнее, «третьим понятием» становится одна из противоположностей, имеющая доминирующий характер и выражающая общую, интегральную направленность развития. Мышление «чистыми», непосредствованными понятиями прогресса и регресса, рассматриваемыми в качестве самостоятельных «форм развития», имеет, на мой взгляд, недиалектический характер.

Концепция развития как интегрального прогресса, вопреки утверждениям ряда авторов, отнюдь не отождествляет развитие с чистым прогрессом, исключая регрессивные изменения. В советской философской литературе еще в 20—40-х годах развитие рассматривалось как движение от низшего к высшему, включающее подчиненные ему моменты регрессивных

изменений (см., например, работы М. М. Розенталя).

Вторым узловым моментом дискуссии является вопрос о сущности закона отрицания отрицания, его роли в развитии и соотношении с другими законами диалектики. С моей точки зрения, основной смысл и значение данного закона заключается в том, что он выражает необходимый процесс развертывания противоречивой сущности предметов в трех ступенях развития, которые определены самой природой этой сущности. Следует подчеркнуть, что противоречие сущности — это не просто «внутреннее противоречие сущности», а противоречие сущности с самой собой. Сущность вещи представляет собой единство противоположностей, которые неравноправны: одна из них есть сущность в целом, а вторая является ее составным моментом и имеет в этом смысле не всеобщий, а особенный характер. В различии противоположностей, составляющих единую сущность предмета, заложено различие первого и второго отрицаний: первое, согласно Гегелю, имеет особенный, второе — всеобщий характер.

Первая ступень развития является начальным, простейшим целостным выражением сущности предмета как таковой. Так, в обществе это есть первобытнообщинная формация, общественный характер производства и собственности в которой представляет собой непосредственное выражение сущности общества как коллектива людей, т. е. общественной сущности общества. Однако общество несет в себе противоречие с самим собой: являясь коллективом, оно в то же время может существовать только через «частное» — единичных людей и их деятель-

ность. На первой ступени развития это «частное» непосредственно подчинено общественной сущности общества. Исчерпав возможности развития этой ступени, развитие переходит на следующую ступень, которая связана с господством второй противоположности, имеющей особенный характер. В обществе ею оказывается частное производство, связанное с частной собственностью, которое обнаруживает бóльшие возможности прогресса, чем непосредственная коллективность. При этом общественная природа общества не исчезает, а отступает на второй план, опосредствуется частным производством и собственностью. С исчерпанием возможностей, заложенных в этой особенной противоположности, развитие возвращается к первой, всеобщей противоположности, выражающей целостную природу предмета, но опосредствованную теперь всеми накопленными результатами развития, связанными с предшествующей ступенью. На третьей ступени развития целостная природа предмета получает свою всестороннюю реализацию.

Поэтому я не могу согласиться с *Ю. А. Хариным*, рассматривающим тройственность (триадичность) развития в качестве случайного и необязательного выражения закона отрицания отрицания, и тем более с *В. Л. Обуховым*, полагающим, что триадичность вообще чужда объективным процессам и свойственна только субъективной диалектике. Думается, что трехступенчатость заложена в самой глубинной диалектической логике развития, в то время как с особенной, специфической стороны процессы развития обнаруживают свою особую, специфическую периодизацию, где тройственность может

быть в общем плане случайной. Так, развитие общества с его специфически общественной стороны укладывается в пять наиболее крупных периодов, соответствующих пяти общественно-экономическим формациям, но в их диалектической основе лежат три основные ступени развития, вытекающие из самой сущности общества.

Как мне представляется, в основе изложенного Ю. А. Хариным довольно распространенного в литературе подхода лежит некорректное понимание всеобщности: она трактуется, по существу, как исключаящая специфику особенных процессов, от которых фактически требуют, чтобы они полностью совпадали со всеобщим процессом, имели ту же периодизацию, а поскольку этого не обнаруживается, то делается вывод о невсеобщем характере триадичности развития. Между тем трехступенчатый (триадичный) характер развития связан с самой сутью закона отрицания отрицания. Исключение триадичности из необходимых черт данного закона означает, по существу, отрицание самого закона. Трехступенчатость развития зафиксирована даже в названии закона. Искусство диалектического мышления состоит, на мой взгляд, в умении обнаружить под всем многообразием этапов развития различных объективных и субъективных процессов его внутреннюю диалектическую основу, характеризующуюся тремя ступенями диалектического развития, ступенями отрицания отрицания.

Закон отрицания отрицания имеет свою область действия. Он обнаруживается лишь в достаточно широких и полных интервалах развития и в достаточно полной совокупности частных процессов. Поэтому безуспешны попытки вы-

явить его действие в части явлений, выбранных заведомо без учета критериев, выражающих диалектическую природу действия данного закона.

Несколько замечаний в связи с выступлением *Б. М. Кедрова*. Соглашаясь с его общей позицией — признанием всеобщности закона отрицания отрицания, хотел бы отметить некоторые ее слабые моменты.

Прежде всего, представляется спорным различие дифференциального, дифференциально-интегрального и интегрального законов диалектики.

Специфика законов перехода количества в качество и отрицания отрицания заключается в том, что это законы ступеней развития. Поэтому они обнаруживаются лишь в таких интервалах развития, которые включают все детерминированные тем или иным законом ступени. Однако это вовсе не означает, что данные законы не действуют в любой точке развития (с. 12). Оба закона имеют непрерывное действие, пронизывающее «каждую точку» на линии развития, но вся полнота этих законов проявляется лишь в полном интервале их действия. Законы диалектики, таким образом, действуя в каждой точке развития, представляют собой сложный сгусток бытия, включающий потенциальное и актуальное. Потенциальное — это заложенная в каждой точке развития тенденция, которая имеет «императивный» характер и с необходимостью движет развитие к моменту перехода количества в качество, к осуществлению полного цикла отрицания отрицания. Закон — это свернутая пружина, проходящая через каждую точку развития, с тем чтобы в конце концов развернуться на соот-

ветствующих ступенях развития. Потенциальное несет в себе, так сказать, «абстрактный рисунок» процесса. Прекращение действия любого из законов диалектики в какой-либо точке развития (а не только закона единства и борьбы противоположностей, как считает *Б. М. Кедров*) привело бы к прекращению развития.

С другой стороны, представляется неверным утверждение о том, что закон единства и борьбы противоположностей полностью проявляет свое действие «в любой точке развития», т. е. не имеет своего существенного временного интервала, сопоставимого с интервалами действия других законов. Несомненно, что закон единства и борьбы противоположностей действует в каждой точке развития, однако вряд ли можно считать, что он проявляет при этом свои основные сущностные моменты полностью. Противоречия вещей существуют непрерывно, но думается, что отношения противоположностей — противоречие и единство — проявляются в своих основных моментах лишь в течение определенного и достаточно существенного интервала времени, а не «мгновенно». Закон единства и борьбы противоположностей — это общий закон соотношения противоположностей, одним из существенных видов которого является соотношение противоположных ступеней развития. Данный закон включает в себя такой важный момент, как переход «в свою противоположность», без которого нельзя понять сущность взаимодействия противоположностей. Поэтому Ф. Энгельс в наброске общего плана «Диалектики природы» формулирует этот закон следующим образом: «...взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их

друг в друга, когда они доведены до крайности...»¹. Аналогичные определения имеются и в трудах В. И. Ленина. Закон единства и борьбы противоположностей определяет переход количества в качество, в то время как закон перехода количества в качество фиксирует необходимую связь количественных и качественных изменений, не вскрывая детерминирующий ее фактор.

Принцип абсолютности борьбы и относительности единства противоположностей, представляя собой, по существу, «ядро» закона единства и борьбы противоположностей, отражает действие этого закона в каждый момент времени, но отображаемые им абсолютность борьбы и относительность единства проявляются лишь в достаточном интервале времени, ибо относительность единства должна проявиться в его временности. Таким образом, закон единства и борьбы противоположностей, не являясь непосредственно законом ступеней развития, имеет не менее интегральный характер, чем другие законы, и проявляется с достаточной полнотой только в больших интервалах развития.

Представляется недостаточно сильной и позиция *Б. М. Кедрова* по вопросу о том, обязательно ли развитие должно проходить три ступени. Имея в виду общественное развитие с его пятью формациями, *Б. М. Кедров* пишет, что, «несмотря на реальное наличие пяти звеньев, развитие все же можно... свести к триадности» (с. 17). Вопрос о ступенях развития, на мой взгляд, может быть решен достаточно глубоко и последовательно лишь в том случае, если вве-

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.*

сти ясное различие периодизации процессов с их особенной, специфической стороны (например, общества как общества) и со стороны их всеобщей диалектической основы. Только при этом условии операция «сведения» получает строгий научный статус, а применение законов диалектики — корректный характер.

Наконец, вызывает возражение применение закона отрицания отрицания в равной мере к восходящим и нисходящим процессам. По мнению *Б. М. Кедрова*, последовательности: неживая природа — живая природа — неживая природа (после гибели жизни); природа — человек — природа (после гибели общества) — составляют ступени закономерного диалектического отрицания отрицания. Однако с законом отрицания отрицания классики марксизма-ленинизма всегда связывали идею восходящего развития, когда каждая последующая ступень оказывается более сложной, высшей по сравнению с предыдущей. В приведенных же последовательностях третья ступень является простой деградацией по сравнению не только со второй, но и с первой ступенью. Такое «развитие» явственно обнаруживает черты скорее «зряшного», чем диалектического отрицания. Вряд ли оставшаяся после гибели всего живого природа окажется высшей ступенью по сравнению с «молодой» природой, чреватой жизнью. Вряд ли сверхплотная ионизированная плазма или «сингулярное» состояние материи, которое возникнет (если принять модель пульсирующей Вселенной) в результате сжатия видимой Вселенной, сохранит какие-либо следы жизни и человеческого общества — ведь существование последних не оставляет никакого отпечатка уже

на уровне сильных внутрядерных взаимодействий. Не слишком ли прямолинейна подгонка неопосредствованных понятий прогресса и регресса под действие закона отрицания отрицания?

Что касается упомянутой *Б. М. Кедровым* гипотезы круговорота, в котором жизнь и человечество неизбежно должны погибнуть, то ее появление, на мой взгляд, вызвано рядом трудностей в естествознании XIX века. Она вступает в противоречие с более сильными и последовательными определениями развития, данными *Ф. Энгельсом*. В то время диалектика еще не имела полностью адекватной естественнонаучной основы. Выдвинутая *Энгельсом* гипотеза круговорота относится, на мой взгляд, к числу тех сторон его воззрений, которые, по выражению *В. И. Ленина*, необходимо подвергнуть «ревизии»¹, в известном каждому марксисту смысле. Характерно, что в трудах *Ленина* мы не встречаем ни малейшего намека на указанную идею круговорота, на идею неизбежной гибели человечества и конечности социального прогресса, который с позиций концепции круговорота представляет собой в конечном счете движение «вверх по лестнице, ведущей вниз».

Не могу согласиться с утверждением *Б. М. Кедрова* об абсолютизации мною понятия сложности, игнорировании понятия простоты (с. 249—250). То, что сложное предполагает простое, не существует без своей противоположности,— вещь общеизвестная и элементарная. Относительность сложности и простоты в конкретных ступенях развития материи рас-

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 265—266.

смотрена мною в данном выступлении (с. 203). Однако диалектика противоположностей не сводится к идее простой соотносительности понятий, она требует также установить ведущую, доминирующую противоположность. Противоположности типа бесконечного и конечного, целого и части, абсолютного и относительного, движения и покоя таковы, что первая из них несет свою противоположность в себе как свой необходимый момент. Таково же отношение сложного и простого: сложное «состоит» из простого, включает в себя простое. Поэтому логично считать сложность, включающую в себя простое как свой момент, интегральным, обобщающим признаком вещей, явлений, процессов, мира в целом. Простое — это определенная относительная ступень или момент сложности. Антиномия «все сложно — все просто» решается отнюдь не путем уравнивания этих утверждений, а путем диалектического включения второго утверждения (с соответствующим ограничением его смысла) в первое. Все сложно, но состоит из относительно простого. Соответственно все сложное оказывается относительным, является моментом более сложного. Такое предпочтение интегрального признака сложности лежит в основе утверждения о неисчерпаемости любого конечного. Электрон потому неисчерпаем, что бесконечно сложен.

Какой смысл имеет утверждение о том, что развитие — это интегральный процесс, опосредствованный регрессом и круговоротами? Эмпирический и теоретический материал современной науки убедительно говорит о том, что общий процесс развития «космологической Вселенной» — это движение от низшего, простого

к высшему, сложному. Однако это общее направление включает в себя необходимые процессы регресса, круговых, циклических изменений. Так, общий процесс развития видимой части Вселенной включает процессы распада вещества и звезд. Процесс эволюции живого включает линии регрессивных изменений (животные и растения-паразиты). Более того, регресс, деструкция являются в известном смысле необходимым условием прогресса. Так, возникновение и развитие живого имеет своим необходимым условием деструкцию вещества и энергии внешней среды; распад живых структур (диссимилиация) является условием синтеза живых структур (ассимиляции). Поскольку регрессивные изменения являются необходимым условием прогресса, который в целом безусловно преобладает, определяя общую линию развития, на диалектическом языке это может быть выражено как опосредствование прогресса регрессом. От логики и языка «диалектического опосредствования» нельзя отмахнуться одной фразой.

Точно так же нельзя уходить от выяснения того, какая логика, осознаваемая или неосознаваемая, лежит в основе утверждения о существовании будто бы равноправных «форм развития»: прогресса, регресса и «одноплоскостного» изменения. В первом приближении коренным недостатком этого утверждения является непосредственность понятий прогресса, регресса и так называемого одноплоскостного развития. Далее, поскольку существование действительно «нейтрального» по отношению к прогрессу и регрессу «одноплоскостного» изменения никем не было доказано, необходимо выяснить, какая невысказанная «парадигма»

лежит в основе идеи равенства прогресса и регресса. Такой «парадигмой» является постулат равновесия противоположностей, который нельзя совместить с трактовкой диалектики, основанной на принципе абсолютности борьбы, неравновесия и относительности единства, равновесия.

Замечания *Г. И. Бондарева* делают особенно явными исходные позиции одной из обсуждаемых точек зрения на развитие и его законы. Он принимает предложение рассматривать характер закона отрицания отрицания в связи с общей трактовкой развития, без чего этот закон не может быть понят.

Однако *Г. И. Бондарев* значительно упрощает изложенную мною трактовку развития, квалифицируя ее как отождествляющую развитие с прогрессом (с. 183, 184). С моей точки зрения, развитие—это интегральный прогресс, т. е. прогресс, опосредствованный его противоположностью — регрессом, включающий в себя регресс (круговороты и т. д.). А это совсем не то же самое, что прямое отождествление развития с прогрессом. Понятие развития, как и любое другое (достаточно всестороннее, целостное, а не «частичное» понятие), возникает в результате отрицания отрицания, которое в данном случае выражено в последовательности понятий: прогресс — регресс — интегральный прогресс (развитие). Неправомерное отождествление столь различных подходов к понятиям прогресса, регресса и развития является одним из некорректных аргументов, используемых сторонниками концепций развития как круговорота и развития как необратимых (качественных) изменений. Чтобы сдвинуть дискуссию с

мертвой точки, в которой она находится уже ряд лет, необходимо отказаться от такого упрощения и рассматривать концепцию развития как движения от низшего к высшему в ее действительном содержании.

Г. И. Бондарев утверждает, что основными понятиями теории развития являются понятия нового и старого, а не высшего и низшего (с. 184), ссылаясь при этом на характеристику развития в ленинском фрагменте «К вопросу о диалектике». Между тем в других работах или фрагментах В. И. Ленин вслед за Энгельсом определяет развитие через понятия низшего и высшего, рассматривая их как синонимы понятий старого и нового. Развитие, по В. И. Ленину, — это «повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»¹. Понятия нового и старого не могут быть содержательно интерпретированы без понятия сложности, понятий низшего и высшего. Не случайно в работах сторонников концепций круговорота и необратимых качественных изменений отсутствует сколько-нибудь определенная трактовка понятий нового и старого, какое-либо убедительное доказательство независимости этих понятий от понятий сложности, низшего и высшего.

Г. И. Бондарев неожиданно дает толкование «одноплоскостного» развития, которое явно противоречит его истолкованию этой «формы развития» как равноправной с прогрессом и регрессом: по его мнению, такое развитие образует круговорот, составленный из прогрессив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

ной и регрессивной ветвей. Оно оказывается, следовательно, не самостоятельной формой, а сочетанием прогресса и регресса. Более того, «одноплоскостное» развитие теряет здесь всякий смысл, поскольку в подразумеваемом *Г. И. Бондаревым* круговороте развитие происходит не в одной плоскости, а проходит ряд качественно различных ступеней — от физической до социальной.

Г. И. Бондарев полагает, что развитие от низшего к высшему характерно не для космологического процесса в целом, а лишь для Земли (с. 187). Однако это не соответствует современной (признаваемой наиболее вероятной) модели космологического процесса, согласно которой развитие известной нам части Вселенной («Вселенной в космологическом смысле») идет от относительно простого «сингулярного состояния» до современного, характеризующегося большой качественной дифференцированностью и организованностью, т. е. более сложного, чем начальное (для «космологической Вселенной») состояние. Это общее направление развития «космологической Вселенной» от исходного состояния до наших дней было справедливо оценено *И. С. Шкловским* как движение от низшего к высшему. Ссылка *Г. И. Бондарева* на то, что в других звездных системах (какого уровня?) развитие «идет по-разному», ничего не дает, так как в пределах известной нам части Вселенной все циклические и регрессивные процессы имеют частный характер и подчинены общему направлению развития.

Г. И. Бондарев не учитывает, что попытка введения «третьей» формы развития, равноценной прогрессу и регрессу, фактически приводит

к замене закона «раздвоения единого на противоположные стороны» неким законом «расстроения единого», т. е. деления единого на три равноправные взаимодействующие стороны. Введение «троицы» в фундамент диалектики не имеет никаких оснований. Правда, диалектика вводит тройное разделение ступеней развития, но они основываются на законе раздвоения единого, и «третье» представляет собой лишь одну из противоположностей, опосредствованную другой противоположностью и получившую более развитый характер.

Понятие бесконечности — одно из важнейших понятий теории развития, однако его роль в теории развития исследована в философской литературе последних лет явно недостаточно. Между тем понятие бесконечности в свернутом, концентрированном виде заключает в себе диалектическую идею развития, поскольку бесконечное полагается как никогда не завершённое, т. е. как процесс. «Именно *потому*, что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, без конца развертывающийся во времени и пространстве процесс»¹. Различие метафизического и диалектико-материалистического понимания бесконечности состоит прежде всего в том, что для первого (например, у Спинозы) бесконечное (бесконечная субстанция) есть нечто данное сразу, уже завершённое. Поэтому с позиций Спинозы развитие невозможно, ибо появление нового, ранее не существовавшего означало бы, что субстанция не была бесконечной. Такое понимание бесконечности как завершённой, имеющей постоянный

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 51.

уровень организации лежит в основе постулата равносильности, равновесия прогресса и регресса.

С точки зрения *Г. И. Бондарева*, закон отрицания отрицания, по существу, неприменим к бесконечному миру (с. 190—192), развитие которого, считает он, должно трактоваться как переход мира в целом с одной ступени на другую. Отсюда и следует, по его логике, что вторая ступень в предложенной мною схеме: $\infty \xrightarrow{\text{K}} \infty'$ должна быть «миром в целом».

По мнению *Г. И. Бондарева*, бесконечный социальный прогресс предполагает либо неизменность определенных условий, определенного состояния материи, т. е. исключает неисчерпаемость материи, либо полное подчинение человеком материального мира, превращение всей Вселенной во «вторую природу», а это означает поставить человека «над природой, вне природы, стать на путь абсолютизации разума, свойственной идеализму. Человек — порождение материи, и стать над природой вообще, выйти за ее пределы он не может» (с. 192).

Но, во-первых, развитие материи, как уже было показано, есть не простая смена состояний, а построение бесконечного иерархического здания, в котором каждая последующая ступень развития основывается на предшествующей, низшей. Низшие уровни организации материи в процессе развития не исчезают, а сохраняются в основе высших, которые иначе не могли бы существовать. Разумеется, каждый уровень организации материи ввиду его конечности должен иметь свое предельное время существования. Однако логически допустима мысль, что каждый уровень организации материи может

воспроизводиться из нижележащего уровня (биологический — из химического, химический — из физического и т. д.) по объективным законам природы и под влиянием человеческой деятельности, достигшей космических масштабов. В наиболее общей форме мысль о способах переделки космических структур уже получила свою разработку в физике и космологии (классификация цивилизаций по Н. С. Кардашеву, «сферы Дайсона», искусственные взрывы сверхновых звезд и т. д.). Во-вторых, бесконечное преобразование природы по ее объективным законам, производимое материальным существом — человеком, «высшим цветом» материи (Ф. Энгельс), отнюдь не является «выходом человека за пределы природы».

«Если позади человечества бесконечность, то почему оно не возникло бесконечно давно?» (с. 192). В самой постановке этого вопроса опять сквозит некорректное понимание бесконечности: если в прошлом — бесконечность, то все уже должно было быть! Но «бесконечность в прошлом» («полубесконечность») не тождественна с бесконечностью, ибо последняя означает бесконечность в прошлом и будущем. Человечество возникает лишь на определенной ступени развития материи, на определенном уровне сложности, который никогда не является ни только конечным, ни только бесконечным, а представляет собой единство конечного и бесконечного.

Применение закона отрицания отрицания к миру в целом было явственно обусловлено тезисом о неправомерности отождествления развития бесконечного мира с развитием конечных вещей. Процесс развития, складываю-

— из бесконечности в прошлом, конечного в бесконечности в будущем, по определению, является бесконечным, не выходящим за пределы бесконечной природы материального мира.

Несколько заключительных замечаний. Нельзя чрезмерно противопоставлять одно- и многонаправленность развития. В рамках концепции развития как бесконечного движения от низшего к высшему эти понятия выступают в определенном единстве и иерархии. Развитие мира в целом однонаправленное — от низшего к высшему, но в рамках этого магистрального направления на каждой основной ступени развития возникает некоторое конечное множество направлений, большинство которых оказываются тупиковыми. Это множество направлений интегрируется обобщающим, магистральным направлением. Так, имеется множество (не бесконечное) направлений развития живой материи, однако общим направлением эволюции живого оказывается движение от низшего к высшему, основу которого составляет линия «неограниченного прогресса» (Дж. Хаксли, К. М. Завадский, А. В. Яблоков), закономерно приводящая к появлению человека. Наличие обобщающего магистрального направления развития каждой основной формы материи — физической, химической, биологической, социальной — хорошо подтверждается данными современного естествознания (модель «горячей Вселенной», теория химической и биологической эволюции).

Важно отметить, что общее, магистральное направление развития диалектически опирается на множество подчиненных ему тупиковых

направлений, без которых магистраль развития была бы невозможной. Если же многонаправленность развития понимать как существование множества (фактически речь должна идти о бесконечном множестве) равноправных направлений развития, то, во-первых, это противоречит данным современного естествознания, а во-вторых, эта плюралистическая идея не может быть совмещена с признанием материального единства мира. Материальное единство мира должно выражаться в его процессуальном единстве. Следует добавить, что признание основного, интегрального направления развития материи от низшего к высшему не приводит ни к идее начала и конца развития, ни к идее «цели» развития.

Вопрос о характере закона отрицания отрицания разрешим только на основе более общей концепции — концепции развития, относительно которой в современной философской литературе имеются расхождения еще более существенные, чем в связи с законом отрицания отрицания. Поэтому существует острая необходимость проведения результативных дискуссий (в особенности такого же типа, что и настоящая) по проблеме развития.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕМИКИ

В. И. Корюкин

«Судьба» закона отрицания отрицания оказалась довольно сложной, а в определенной мере и драматичной вследствие того, что с проблематикой, так или иначе зафиксированной при формулировании этого закона, связано коренное отличие логики диалектической от логики формальной. Формальная логика оперирует резко очерченными противоположностями, абсолютным различием и абсолютным тождеством. На практике мы в конечном счете имеем дело со степенями сходства и различия. Чтобы успешно оперировать этими противоположностями, нужно выразить их друг через друга, или, другими словами, открыть закон их взаимосвязи. Это обычно (хотя и не всегда сознательно) осуществляется с помощью отрицания отрицания. Так, выделив и противопоставив материю и сознание, мы затем указываем на закон связи между ними: сознание есть свойство особым образом организованной материи. Противопоставив необходимость и случайность, мы далее утверждаем: случайность есть форма проявления необходимости. Локальная необратимость есть форма проявления всеобщей обратимости. Свобода есть осознанная необходимость. Идеальное есть материальное, пересаженное в челове-

скую голову и переработанное в ней. Перечень подобных формул может быть неограниченно продолжен. Следует отметить, что, «устранив» одну из противоположностей, мы сразу теряем соответствующий закон бытия и познания.

Л. Е. Даниленко и *Ф. Н. Рекунова* смущает то обстоятельство, что противоположности (например, цикличность и поступательность в развитии) оказываются «неравноправными». Но это как раз и неизбежно. Более того, мы должны указать некоторую ведущую сторону в противоположностях, выразить одну из них (отрицание первой) через другую; это выражение явится отрицанием отрицания и законом связи противоположностей (движение и покой как момент движения). Фиксирование противоположностей и указание на их связь есть начальная стадия исследования. Если мы этим ограничимся («и то, и то»), то останемся в рамках эклектического подхода. Как отмечал еще Гёте, истина не лежит посередине между противоположными точками зрения — посередине лежит проблема. Многое зависит от того, насколько точно мы зафиксировали противоположности, существенные для понимания сущности явления, насколько верно определили «ведущую сторону» этих противоположностей.

Является ли закон отрицания отрицания только «интегральным», т. е. охватывающим весь путь, пройденный процессом развития (по терминологии *Б. М. Кедрова*)? Или же он «дифференциален», т. е. действует в «каждой точке»? *Б. М. Кедров*, на наш взгляд, прав, утверждая, что непросто обнаружить в любом конкретном процессе действие закона перехода количественных изменений в качественные и закона от-

рицания отрицания. Но из этого, думается, не следует, что эти законы не действуют до их очевидного обнаружения. Любое различие есть в зародыше противоречие, но существуют противоречия разного уровня, разного характера. Действие ряда противоречий обнаруживается не сразу. Любое «количественное» изменение в каком-то масштабе есть изменение качественное. Потеря копейки существенна, если надо звонить по телефону-автомату, потеря последней спички может оказаться для путешественника роковой. В знаменитом примере с нагреванием воды на самом деле не один качественный переход, а бесконечное их число.

Закон отрицания отрицания также, судя по всему, действует на всем интервале любого процесса: какая-то черта процесса отрицается, какая-то возобновляется как отрицание отрицания. К сожалению, мы обычно не умеем расчленять процесс на этапы в соответствии с изменением существенных (для каждого процесса и его фазы) характеристик. Отсюда разговоры о возобновлении в порядке отрицания отрицания обязательно каких-то определенных черт процесса. Непроясненность теоретической ситуации вызывает к жизни интеллектуальный произвол и путаницу. Нам предстоит научиться корректному разделению процессов на этапы и выделению их существенных характеристик. Иначе закон отрицания отрицания применительно к развитию будет чистым описанием, констатацией постфактум, не будет иметь эвристической ценности.

В процессе развития могут повторяться самые разнообразные и неожиданные черты. Знаменитому французскому материалисту XVIII века

Ж. Ламетри, автору книги «Человек — растение», вряд ли могло прийти в голову, что со временем будет установлено более существенное сходство между человеческим обществом и миром растений, чем то, которое виделось ему. Растения способны концентрировать свободную энергию, животные такой способностью не обладают, а человеческое общество такую способность приобретает заново. Это определенным образом опровергает мысль об однонаправленности процессов развития, об абсолютном преобладании процессов рассеяния энергии.

Итак, судя по всему, содержание закона отрицания отрицания оказалось исторически суженным и выражается на сегодняшний день не вполне адекватно. На каких же путях должны осуществляться, на наш взгляд, дальнейшие исследования?

Преобладающее ныне в литературе и в материалах данной дискуссии направление — исследование проблемы соотношения цикличности и поступательности (обратимости и необратимости) в развитии. Идеи бесконечного прогресса и регресса вряд ли уже можно принимать всерьез. Еще Н. Г. Чернышевский отмечал: «Формула, предвещающая конец движению во вселенной, противоречит факту существования движения в наше время. Эта формула фальшивая... Формула предполагает, что это — процесс, не имеющий никаких коррективов, что он всегда шел непрерывно и будет непрерывно идти до полного превращения всего движения в теплоту. Из того факта, что конец еще не настал, очевидно, что ход процесса прерывался бесчисленное множество раз действием процесса, имеющего обратное направление, превращаю-

щего теплоту в движение, так что существование вселенной—ряд бесчисленных периодов...»¹

К сожалению, современное естествознание пока не в состоянии преодолеть тупиковую в методологическом и мировоззренческом смысле ситуацию, хотя предпосылки для этого есть. Частный, но важный случай действия закона отрицания отрицания нуждается в более глубоком и всестороннем рассмотрении. В основе цикличности лежит исчерпание возможностей развития любой системы при данных условиях. Прогресс — это всегда шаг в определенном направлении, поэтому любой прогресс односторонен и обременен регрессивной тенденцией. Противоположности переходят друг в друга. Социальная организация первобытного бесклассового общества не знала государства; классовое общество невозможно без государства; в бесклассовом коммунистическом обществе государство исчерпывает свои функции, становится ненужным и невозможным, его функции вновь переходят к самодеятельной организации населения. Известно, что классовая борьба может заканчиваться не только прорывом к новому, более прогрессивному этапу развития, но и общей гибелью борющихся классов. Учет подобных обстоятельств исключительно важен. Важно иметь в виду и то, что любое несоответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил способно привести к социальному кризису и даже регрессу, если общество своевременно не уловит опасность и не примет надлежащих мер.

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения, М., 1951, т. 3, с. 535.

Другая важная линия исследования, нашедшая отражение в нашей дискуссии, — рассмотрение связи между отрицанием отрицания и методом восхождения от абстрактного к конкретному. В основе познания лежит практика. Акты ее цикличны, но не совпадают друг с другом. Человечество сохраняет и воспроизводит наиболее удачные из них. В итоге практика, а вслед за ней и теория поднимаются на новую ступень. От конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному — таков полный цикл движения теоретического знания. О первой части цикла подчас забывают. Это объяснимо, но вряд ли оправдано, хотя второе отрицание и представляет собой важный и относительно самостоятельный этап познания, имеющий свою структуру. Теоретический возврат к конкретному нередко выявляет несоответствие между системой «исходных» абстракций и реальностью, вследствие чего приходится вновь повторять путь от конкретного к абстрактному, вносить необходимые поправки и формировать новые абстракции, которые всегда представляют собой не исходный пункт вообще, а продукт исторического развития. Ни один из этих этапов нельзя отбросить, ни через один из них нельзя «перескочить».

Наконец, еще одно направление исследований связано с осуществлением такого методологического приема, как теоретический «возврат» в узловые точки развития с новой информацией и новыми проблемами. Подобный возврат может приводить к сознательному возрождению и использованию некоторых идей, не закрепленных или отвергнутых предыдущим развитием. Не зря говорят: нередко новое — хорошо забытое старое.

В рамках нашей дискуссии представляется полезным еще раз возвратиться к причинам разногласий и к системе используемой аргументации. Разногласия, как известно, касаются понимания сущности закона отрицания отрицания, особенностей и сферы его действия. Одним из условий плодотворного обсуждения является точное представление позиций спорящих сторон. В связи с этим хотелось бы возразить *В. В. Орлову*, причислившему меня к отрицающим всеобщность закона отрицания отрицания, вопреки моему ясному заявлению: «...открытие закона отрицания отрицания идеализмом, по сути, как закона познания (т. е. разновидности прогрессивного развития) в последующей материалистической интерпретации привело к сужению сферы его действия», имели место попытки «отделаться от самого закона, определив его как частную закономерность прогрессивного развития (без ясной сферы применения)» (с. 42—43). Суть наших действительно серьезных разногласий в другом: 1) признается «интегральность», всеобщность для развития материального мира, бесконечного восхождения от низшего к высшему (тогда, по *В. В. Орлову*, отрицание отрицания есть закон однонаправленного, но всеохватывающего прогрессивного развития; закон всеобщ, так как мировой процесс есть прогрессивное развитие); 2) признается многонаправленность развития, взаимопревращение противоположностей, включая взаимопереход прогрессивных и регрессивных ветвей развития, преобладание различной направленности процессов в разное время и в разных местах (тогда закон отрицания отрицания выступает как всеобщий закон развития бытия и познания, ос-

нованный на тождестве противоположностей).

Каковы аргументы сторон?

В. В. Орлов выдвигает прежде всего эмпирические аргументы: «в известной нам части мира» безусловно преобладает прогресс, о чем свидетельствуют эмпирические наблюдения, данные наук — от физики до социологии. Однако он вынужден признать «множество направлений, большинство которых оказываются тупиковыми» (с. 225). «Общий процесс развития видимой части Вселенной включает процессы распада вещества и звезд» (с. 218). Напомним, что представление о цикличности процессов, о стабильности природных объектов имеет под собой солидные эмпирические основания, и сама идея прогрессивного развития далеко не сразу и с огромным трудом пробила себе дорогу. Вопреки мнению *В. В. Орлова*, естествознание на сегодняшний день считает преобладающими как раз процессы затухания, деградации, рассеяния. Ни о каком подчинении этих процессов «общему направлению развития» (прямо противоположному) в видимой части Вселенной речи не идет, хотя есть факты, указывающие на то, что был и есть встречный процесс, и мы вынуждены теоретически признать это, если хотим оставаться в рамках объяснения наблюдаемого без привлечения надмировых, сверхъестественных сил. Именно в ответ на эмпирически обоснованную идею «тепловой смерти» Вселенной *Ф. Энгельс* высказал свою знаменитую гипотезу встречного (прогрессивного) развития, философски обосновал возможность существования прогрессивной ветви развития. Философски вполне корректной является и гипотеза флуктуаций *Л. Больцмана*. Данные астрофизики и сравнительной плането-

логии говорят о сравнительной редкости условий, способствующих возникновению жизни. Что же касается фактов, свидетельствующих о бесконечном развитии от простого к сложному, хотя бы от уровней, ближайших к современным элементарным частицам, то таковые на сегодня отсутствуют. Не случайно и *В. В. Орлов* отталкивается от наличия элементарных частиц как от «сингулярного состояния».

Итак, бесконечное усложнение форм материи от $-\infty$ до уровня элементарных частиц и есть эмпирически не подтвержденный постулат, принятый *В. В. Орловым*. Если сохранять верность фактам, мы увидим и в человеческой истории зигзаги и регрессивные изменения, такие, как катастрофа верхнего палеолита, гибель целых цивилизаций, возврат от земледелия к охоте и собирательству и т. п. Обратим внимание и на параллельное существование материальных явлений, достигших различных ступеней развития. Получается, что идею интегрального развития от низшего к высшему нельзя обосновать эмпирически. Сегодня наука ставит более скромную задачу: как объяснить возникновение жизни и разума в видимой части Вселенной в условиях преобладания (по крайней мере кажущегося) деструктивных или четко не направленных процессов. В признании «железной необходимости» возникновения (или восстановления) жизни в условиях, когда действует и противоположная тенденция, и заключалась суть идеи Ф. Энгельса о круговороте, которую *В. В. Орлов* подвергает сомнению и торопится пересмотреть.

Перейдем к аргументам теоретического плана.

1. Признание равноправности прогрессивных и регрессивных тенденций приводит нас к си-

туации буриданова осла: мир замирает, дальнейшее развитие невозможно. Аргумент в известной мере произволен: речь идет о неустранимости многонаправленных тенденций, об относительном преобладании той или другой тенденции в развитии материальных систем и, что особенно важно, о взаимопереходе тенденций — ни одна из них не может развертываться бесконечно. Как раз неравенство, преобладание какой-либо из тенденций в конечном счете приводит их к выравниванию, которое, как правильно утверждает *В. В. Орлов*, не может быть вечным. При этом «поворот» может осуществляться на разных стадиях развития, а вовсе не при исчерпании всех принципиально неограниченных возможностей развития. Если процесс развития однонаправлен и бесконечен, то возникновение жизни на Земле и человеческого разума выглядит мистически и предопределено по месту и времени (2 миллиарда лет и 40 тысяч лет в бесконечном развитии), а не как одна из многих «попыток» материи реализовать свои возможности, дошедшие до определенной стадии.

2. *В. В. Орлов* пишет, что атомистическое и плюралистическое представление о мире как бесконечном множестве разнонаправленных процессов невозможно согласовать с идеей материального единства мира. Этот аргумент бьет мимо цели, так как для утверждения идеи материального единства мира достаточно признания общей основы процессов взаимодействия и взаимоперехода. Более того, закон отрицания отрицания необходим для формирования представления о единстве в многообразии, чем занята современная наука.

3. *В. В. Орлову* представляется, что признание «одноплоскостного развития» приводит к «растроению», подрыву идеи единства противоположностей и «раздвоения единого». Но дело зависит от характера, поэтапности раздвоения. Так, процессы могут идти с сохранением свободной энергии и с несохранением. В свою очередь процессы, идущие с несохранением свободной энергии, могут характеризоваться уменьшением свободной энергии и ее увеличением. Здесь мы и выделяем тенденцию развития, которая исключительно важна для нас, хотя и не является единственной. «Растроения» же не получается, так как последовательные разбиения осуществляются по разным основаниям.

Признавая переход от низшего к высшему, *В. В. Орлов* должен признать и обратный переход — от высшего к низшему со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не следует также прибегать к подмене тезиса оппонентов — сторонники многонаправленности развития говорят о неустранимости и взаимопереходе противоположностей, а не об их равновесии.

Главная причина разногласий состоит, на наш взгляд, в признании или отрицании тождества (взаимоперехода) противоположностей, которое и есть отрицание отрицания, проявляющееся во всех процессах, в том числе в процессах развития, включая прогрессивное.

Позиция, связанная с абсолютизацией прогрессивного развития и даже с забвением закона отрицания отрицания, понятна и даже естественна для эпохи становления эволюционных воззрений и безоглядной веры в прогресс. Однако эта позиция упрощает реальность, утверждает автоматизм развития, принижая тем самым

роль знания и сознательной деятельности («кривая прогресса вывезет...»). К тому же эта позиция, не учитывающая закономерности перехода тенденций друг в друга, не позволяет отчетливо разглядеть ограниченность возможностей любой системы, в том числе системы деятельности (необходимость для сохранения прогрессивной тенденции использования новых ресурсов или «смены правил игры»).

Несколько слов о характере использования в дискуссии работ классиков марксизма-ленинизма. *В. В. Орлов* справедливо выражает неудовольствие по поводу выборочного цитирования, но сам не свободен от этого, а также от повторного, без дополнительной аргументации, цитирования классиков. Так, приведя, казалось бы, «беспроегрышную» цитату о «бесконечном восхождении от низшего к высшему», он не замечает того, что эта цитата «не работает» на его концепцию, ибо в полном виде она звучит так: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹. Как видно из контекста, *Ф. Энгельс* анализирует здесь взгляды *Гегеля* и отмечает его историческую заслугу. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает следующее рассуждение *Энгельса*, находящееся на той же странице: «Нам нет надобности вдаваться здесь в рассмотрение вопроса о том, вполне ли этот способ понимания согласуется

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 276.*

с нынешним состоянием естественных наук, которые самой Земле предсказывают возможный, а ее обитаемости довольно достоверный конец и тем самым говорят, что и у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь. Мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным в порядок дня современным ей естествознанием»¹.

Когда во времена Ф. Энгельса естествознание поставило соответствующий вопрос, тот дал на него ответ, до сих пор служащий нам ориентиром. И то, что Энгельс считал невозможным требовать от философии Гегеля, мы можем и, вероятно, должны требовать от современных исследователей.

Каким бы ни был полемический задор участников дискуссии, мы не вправе забывать: никто не может иметь монополии на истину, мы выступаем в качестве соискателей истины, перед которой все равны.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 276.

*ЕЩЕ РАЗ О НЕДОРАЗУМЕНИЯХ,
ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ НЕПРАВИЛЬНОЙ
ТРАКТОВКЕ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ*

Б. М. Кедров

Начну с анализа оригинального выступления *В. И. Свидерского*, сделавшего попытку подвести под закон отрицания отрицания некоторое более общее и более фундаментальное положение и показать данный закон как частный случай этого положения. Оно строится на основе разработанной *В. И. Свидерским* общей концепции о структуре и элементах, в том числе о противоречивом характере их развития, т. е. развития в их взаимосвязи, когда действуют две противоположные тенденции: одна — неравномерного, одностороннего развития, другая — равномерного, всестороннего.

Тут прежде всего встает вопрос о понятиях, которыми оперирует *В. И. Свидерский*. Ясны ли они? Четко ли раскрывается их содержание? Проверим это. Речь идет о том, «как выглядит закон отрицания отрицания в свете соотношения элементов и структуры в явлениях» (с. 59—60). Подчеркиваю: элементы и структура рассматриваются как нечто существующее в явлениях, т. е. внутри них. Но вслед за этим делается заявление: «Под элементами мы будем понимать, как обычно, любые явления, свойства, связи и отношения...» (с. 60). Так что же? Элементы и структура — это то, что существует в явле-

ниях, или элементы — это сами явления, или же они «любые явления» «в явлениях»?

Далее: «Структура понимается нами как закон, принцип связи элементов, система отношений элементов в рамках данного целого» (с. 60). Но ведь только что перед этим «элементы» были определены не только как любые явления, но и как связи и отношения. Следовательно, понятие структуры, по *В. И. Свидерскому*, следует определить так, что это закон, принцип связи связей, система отношений отношений.

Но дело не только в терминологической нечеткости. Гораздо важнее то, что ни словом не разъяснено, что именно подразумевается под словом «элемент»: явления, связи и т. д. только материального мира или же и духовного мира также? То же самое и структура: относится она только к материальным элементам или же и к психическим (духовным) также? Это уже не терминологическая, а принципиальная, гносеологическая неясность, тем более странная, что уже не раз наши философские противники пытались использовать словечко «элемент» в целях смешения физического и психического.

Я ничего здесь от себя не добавлял, а только попытался сопоставить трактовку *В. И. Свидерским* основных понятий, которыми он оперирует, раскрыть их содержание в соответствии с его же рекомендациями. В итоге выявилась явная нечеткость и расплывчатость в трактовке этих понятий.

Среди пяти основных черт закона отрицания отрицания, выведенных *В. И. Свидерским*, особенно существенной представляется последняя — «завершенность цикла развития» (с. 60). Если бы к рассмотрению этих пяти черт данно-

го закона не была совершенно произвольно присоединена концепция о структуре и элементах, выступление *В. И. Свидерского* могло бы представить больший интерес.

Рассмотрим подробнее, как понимает *В. И. Свидерский* «развитие как отрицание» (первый признак закона) и «завершенность цикла развития», т. е. отрицание отрицания (пятый признак). Развитие путем отрицания отрицания понимается им «в свете соотношения элементов и структуры» (с. 59—60): (1) сначала все элементы и присущая им структура находятся в единстве, это — исходное положение; (2) потом происходит первое отрицание, состоящее в том, что изменению подвергается некоторая часть элементов, которые образуют отвечающую себе структуру; оставшая же часть элементов остается до поры до времени без изменения, не испытывая развития, точно так же как и присущая им структура. Положение (1) именуется «равномерным, всесторонним развитием»; положение (2) — «неравномерным, односторонним»; (3) наконец, оставшиеся до сих пор неизменившимися, «недоразвитыми» элементы также испытывают соответствующие изменения, причем уже не одна их часть, а все элементы претерпевают известное преобразование, и вновь достигается, но только на новом уровне, «равномерное, всестороннее развитие».

Именно так изображает развитие *В. И. Свидерский*: «В «положении» мы имеем единство исходных элементов и присущей им структуры. Далее, на стадии «отрицания», происходит развитие явления за счет части элементов, создающих свою собственную, им соответствующую структуру. Развитие этой части элементов в

рамках присущей им структуры обеспечивает создание условий для развития в конечном счете и остальных элементов и последующее воссоздание структуры, охватывающей уже все основные элементы и соответствующей им» (с. 62).

Очевидно, для того, чтобы не возникло сомнения, что при отрицании, именуемом «диалектическим», изменению (отрицанию) подвергается не вся вещь, явление, система, не вся совокупность элементов как целое, а только часть вещи, явления, элементов, *В. И. Свидерский* много раз подчеркивает эту мысль как главную, основополагающую.

Далее формулируется универсальный «закон соответствия структуры своим элементам», гласящий, что «общая тенденция структуры — соответствовать не только части элементов явления, а именно всем основным его элементам» (с. 66, 67); «тенденция структуры к более полному соответствию наибольшему количеству существенных элементов явления — таков... общий диалектический закон соотношения элементов и структуры в явлениях, закон развития» (с. 67).

Итак, из концепции соотношения элементов и структуры, превращенной в некий «закон развития» (с. 67), вытекают, оказывается, многие общие положения диалектики, например, «закон соответствия формы содержанию и производственных отношений производительным силам» (с. 67), закон отрицания отрицания. Так происходит явная подмена общего (общих положений диалектики) частным (соотношением элементов и структуры, к тому же неясно понимаемых), универсализация этого частного.

А теперь посмотрим по существу на трактовку В. И. Свидерским развития как «отрицания» с завершением его «отрицанием отрицания». В первом случае преобразуется (развивается) только одна часть элементов, остальная же остается недоразвившейся или же неразвившейся вовсе; во втором — преобразование (развитие) захватывает все элементы, т. е. к первой (одной) их части приплюсовываются остальные. Структура же меняется или сохраняется соответственно этому. Процесс идет, по существу, от первоначальной однородности системы к ее неоднородности (к расслоению на неоднородные части: элементы, претерпевшие развитие, и остальные, не претерпевшие его) и далее, при завершении процесса, вновь к однородности. Допустим, что мы имеем ящик, наполненный шариками («элементами»). Все шарики взаимосвязаны. Предположим, что меняется какая-то их часть и между ними устанавливается новая связь, отличная от первоначальной, сохраняющейся у остальных шариков. Происходит, таким образом, расслоение всей системы («отрицание»). Затем такое же преобразование испытывают и остальные шарики и расслоение системы исчезает («отрицание отрицания»).

Можно подобрать конкретные примеры, подтверждающие, что в сугубо частных, элементарных случаях обнаруженная зависимость имеет место. Но разве процессы развития в общем случае совершаются по этому закону? Где и кем это видано, чтобы подлинно диалектическое отрицание вещи или явления в процессе их подлинного развития совершалось в общем случае так, что менялась не вся вещь (или не все явление) как целое, а только часть ее элементов,

а остальные не подвергались отрицанию? Ведь это означало бы, что ее основные элементы находятся в каком-то внешнем отношении между собой, что между ними нет внутренней, органической связи, как нет этой связи, например, у шариков, положенных в общий ящик. Нельзя представлять классово-антагонистическое общество наподобие механической конструкции, где одна часть его «элементов» (судя по всему, имеются в виду прежде всего эксплуататорские классы) развивается под благоприятным воздействием его структуры, а другая часть «элементов» (имеются в виду прежде всего сами производители) жесточайше ограничена в своем развитии. Если *В. И. Свидерский* хотел сказать, что эта другая часть общества подвергается эксплуатации со стороны его первой части, то надо было так прямо и сказать, а не притягивать сюда искусственно концепцию развития только одной части элементов. Ведь общество развивается вовсе не по такой схеме, а как целостное образование, в единстве и взаимосвязи всех своих элементов.

Сошлюсь еще на то, о чем я говорил в своем первом выступлении: переход от лития к бериллию есть несомненное, причем подлинно диалектическое, отрицание, и происходят такие отрицания реально в процессе искусственных бета-превращений легких элементов. При этом «отрицается» не какая-то только одна определенная часть свойств, но вся их совокупность: заряд ядра, атомный вес и т. д.

Пользуясь дополнительно введенной терминологией для обозначения признаков противоречивых тенденций, *В. И. Свидерский* еще раз формулирует свое понимание закона отрицания

отрицания как частного по отношению к открытому им более общему: «...в основе закона отрицания отрицания лежит более общий диалектический закон единства тенденций неравномерного, одностороннего и равномерного, всестороннего развития явления... Отдельные стороны этого закона выражены в законе отрицания отрицания...» (с. 69). Сославшись на обнаружение того, что «в основе закона отрицания отрицания лежит более общая закономерность», *В. И. Свидерский* ставит вопрос, не является ли она «в каком-то смысле всеобщим, универсальным противоречием действительности...» (с. 70). И отвечает, что противоречивое единство взаимоисключающих тенденций односторонности, неравномерности и всесторонности, равномерности является всеобщим противоречием материальной действительности, закономерностью не только развития, но и изменения вообще (с. 70).

Итак, сугубо частное положение неправомерно универсализируется, превращается в некий всеобщий закон и подменяет собой действительно наиболее общие законы всякого развития, составляющие подлинный предмет диалектики. Обращусь к выступлениям некоторых других участников «круглого стола».

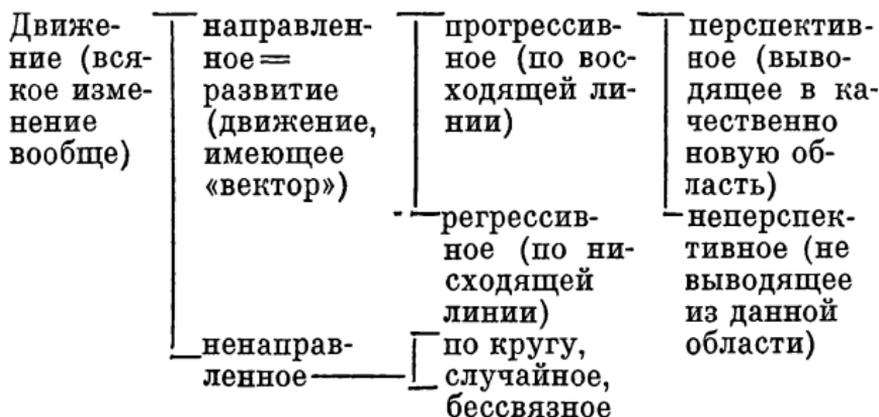
Л. Е. Даниленко и *Ф. Н. Рекунов* объявляют поначалу, что «закон отрицания отрицания... не является всеобщим, а обнаруживает себя лишь в процессах прогрессивного развития» (с. 29) и что он «по степени общности... существенно отличается от закона единства и борьбы противоположностей и от закона перехода количественных изменений в качественные», которые «действуют везде и всюду без исключения»,

будучи «имманентны движению» (с. 31). Так, наличие признака повторения на новой ступени того, что имелось на предшествующих ступенях развития, показывает, что закон отрицания отрицания «не может быть всеобщим» (с. 31).

А далее, противореча самим себе, *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунов* совершенно правильно объявляют спорным отождествление отрицания отрицания лишь с прогрессивным развитием, т. е. с признанием «однонаправленности развития и движения вообще», и считают ошибкой игнорирование «фактов существования в мире процессов... восходящих и нисходящих...» (с. 32, 33). А «поскольку в мире наряду с восходящим существует и нисходящее движение, у нас нет оснований считать закон отрицания отрицания всеобщим (в том случае, если так называемое восходящее развитие рассматривается как главный его атрибут)» (с. 34). Напротив, «если рассматривать регресс как форму развития, хотя и по нисходящей линии, то следует признать закон отрицания отрицания всеобщим» (с. 34—35). Совершенно верно! Ведь этот закон, как и другие основные законы диалектики, является законом всякого развития, всякого движения вообще, а значит, не только по восходящей линии, но и регрессивного, совершающегося по нисходящей линии. Нелогично исключать регресс из числа процессов развития вообще, выносить его «за пределы процесса развития» (с. 34). Капитализм, например, вступив в свою последнюю фазу, фазу империализма, стал двигаться по нисходящей линии, но он не остановился в своем развитии, а продолжает развиваться дальше. На это, как известно, указывал В. И. Ленин. Поэтому нельзя утверждать, будто

регресс уже не есть развитие, и на этом основании объявлять «неправомерным связывать закон отрицания отрицания со всякими изменениями вообще и таким путем обосновывать его всеобщность» (с. 35).

В связи с этим возникает вопрос о соотношении категорий развития, прогресса и регресса. Я немного расширю цепь этих категорий, начав с более общей — с движения.

В последнем столбце стоит развитие таких форм, которые способны породить качественно более высокие формы. Например, биологическое движение приводит в конечном счете к возникновению человека, тогда как геологическое движение остается в пределах неживой природы. Точно так же в первом случае только животная ветвь органической природы приводит к человеку, а растительная ее ветвь в этом смысле, будучи прогрессивной, оказывается неперспективной.

Авторы утверждают, что «отрицание отрицания представляет собой лишь форму развития «путем противоречия» (с. 35), что оно «опирается и на закон перехода количественных из-

менений в качественные» (с. 36). Оба эти закона признаны безусловно всеобщими (с. 31), а тем самым из сказанного логически следует, что столь же безусловно всеобщим должен считаться и закон отрицания отрицания, представляющий собой форму развития «путем противоречия», т. е. первого из этих двух основных законов диалектики, и опирающийся на второй из них.

Г. И. Бондарев сначала молчаливо принимает, что «отрицание отрицания» — это закон прогрессивного развития, а затем доказывает невсеобщность прогрессивного развития и, как следствие, невсеобщность закона отрицания отрицания (с. 118—119). В данном случае невсеобщий характер этого закона придан ему уже заранее в результате отнесения его лишь к такому виду развития, которое лишено характера всеобщности.

В выступлении *В. В. Орлова* вопрос решается в пользу всеобщности закона отрицания отрицания на том основании, что развитие объявляется бесконечным движением от низшего к высшему с включением в него — в подчиненном виде — круговоротов, регресса, «одноплоскостного изменения» (с. 100): «Единственно приемлемой, на наш взгляд, является концепция развития как бесконечного движения от низшего к высшему» (с. 102).

При этом *В. В. Орлов* основным понятием теории развития объявляет изолированно взятое понятие сложности: «Понятие сложности выступает универсальной основой всех остальных категорий диалектики, благодаря чему понятие развития, т. е. изменения сложности, оказывается основой всей совокупности понятий

диалектики» (с. 103). Однако понятие сложности относительно и составляет парную категорию со столь же относительным (и соотносительным с ним) понятием простоты. Одностороннее преувеличение места этой категории диалектики ведет к тому, что само развитие трактуется как «изменение сложности».

Далее *В. В. Орлов* вновь повторяет, что развитие есть «интегральный прогресс, т. е. движение от низшего к высшему, включающее в себя подчиненные ему регресс, круговороты, «одноплоскостное изменение». Развитие — это прогресс, опосредствованный регрессом» (с. 103). Однако конкретно не раскрывается, каким образом движение от высшего к низшему или движение в пределах одного лишь низшего может быть «включено» в доминирующее восходящее движение от низшего к высшему. Когда *Ф. Энгельс* писал: «Жить — значит умирать», он конкретно объяснил, в чем тут заключена диалектика противоположных тенденций биологического процесса.

Каким же образом процессу развития может быть придан односторонне-поступательный характер, присущий только прямолинейному движению, идущему по восходящей линии и направленному от низшего к высшему? Говоря о развитии каждой отдельной (конечной) вещи, формы, системы или вообще чего-то конечного, мы всегда можем выделить две основные ветви этого конечного процесса: восходящую, поднимающуюся вверх и достигающую некоторого кульминационного пункта (расцвета) и нисходящую, направленную вниз и завершающуюся гибелью, исчезновением (концом) данной вещи, формы или системы. Особенностью суммарного

процесса развития является то, что, когда данная вещь, форма или система, постепенно устаревая, движется вниз по нисходящей ветви своего развития, идущая ей на смену новая, зарождающаяся вещь, форма или система начинает свое движение по восходящей ветви своего развития. Обе линии некоторое время сосуществуют, находясь, как правило, в остром конфликте между собой, сталкиваясь друг с другом и вступая в непримиримую борьбу, типичную для борьбы между новым и старым. Новое в конце концов побеждает, старое отмирает, а дальше история повторяется. При этом каждая последующая вещь, форма или система представляет собой более высокую ступень всего процесса развития.

Теперь представим себе, что мы отвлекаемся от прослеживания развития каждой отдельной вещи, формы или системы, особенно в той его части, когда оно идет по нисходящей линии, и ставим задачу сопоставить между собой лишь одни восходящие его ветви. В таком случае в нашей абстракции образуется одна общая прямолинейная черта, направленная от низшего к высшему, т. е. восходящая усредненная линия, точки на которой представляют собой последовательно возникающие и сменяющие одна другую вещи, формы или системы внутри единого процесса развития. Таким образом, когда утверждают, что имеется только движение по прямой восходящей линии от низшего к высшему, это не значит, что вообще нет движения по нисходящей ветви развития; мы просто от этого движения мысленно отвлекаемся, учитывая лишь абстрактно вычлененную тенденцию движения по восходящей линии, которая нас прежде все-

го интересуется. Именно так протекает общий итоговый процесс развития на участке известной нам области Вселенной, с той лишь особенностью, что восходящая линия закручивается и принимает округленную форму спирали.

Но со временем, рано или поздно, восходящая ветвь развития должна будет перейти в нисходящую, и следующие одно за другим отдельные ее звенья будут направлены уже не вверх, как было раньше, а вниз. В итоге при продолжающемся закручивании в спираль общей линии развития какое-либо заключительное звено осуществит собою отрицание отрицания в общем ходе всего процесса данного развития. При этом вместе с данным звеном исчезнет и сам развивавшийся до тех пор объект.

В. В. Орлов, с одной стороны, утверждает, что единственно приемлемой, на его взгляд, «является концепция развития как бесконечного движения от низшего к высшему» (с. 102), а с другой стороны, признает «всеобщность закона отрицания отрицания» (с. 104). Эти положения, как нам кажется, логически несовместимы, что обнаруживается при рассмотрении таких мировых, глобальных процессов, как возникновение живой природы (= отрицание неживой) и возникновение мыслящего человечества (= отрицание неодухотворенной природы). Если принять концепцию развития как бесконечного движения от низшего к высшему, то в обоих случаях нельзя указать, в чем конкретно может состоять отрицание отрицания. Значит, делают вывод противники признания всеобщности этого закона, он не является всеобщим. И они будут правы, если признать концепцию развития от низшего к высшему за единственно истинную.

Итак, одно из двух: либо, если признать эту концепцию, следует отказаться от всеобщности данного закона; либо, если признать его всеобщность, следует отказаться от признания движения от низшего к высшему как единственно приемлемой концепции развития. Ничего третьего не дано.

По мнению *В. В. Орлова*, мировой процесс «развертывается на основе закона отрицания отрицания, связанного с основным противоречием бесконечности — бесконечного (∞) и конечного (K). Конечные вещи, явления или процессы в цепи мирового процесса возникают на основе предшествующего бесконечного развития и являются его отрицанием. В то же время конечное... дает начало новой ветви бесконечного развития в будущем. Таким образом, основная абстрактная схема единого мирового процесса основана на логике отрицания отрицания: $\infty \rightarrow K \rightarrow \infty'$ » (с. 108). Рассматривая развитие в «конкретном» плане, *В. В. Орлов* обнаруживает действие того же закона «в последовательности: $\infty \rightarrow$ человек (общество) $\rightarrow \rightarrow \infty'$ », где человек объявляется «высшей формой материи» и с ним «начинается новая ветвь бесконечного развития материи в форме социума (человека)...» (с. 109).

Однако мировой процесс невозможно изобразить с помощью какой-либо абстрактной схемы так, будто сначала имелась бесконечность в прошлом (∞), потом в порядке ее отрицания появилось конечное (K), а затем в порядке отрицания этого конечного, следовательно отрицания отрицания, наступит бесконечность в будущем (∞'). Конечное (вещи, явления, процессы) в ходе развития, как известно, отрицается

не какой-то совершенно отвлеченной и беспредметной «бесконечностью», а другим возникающим из него конечным (вещами, явлениями, процессами). Более того, все, что *В. В. Орлов* именует бесконечным в прошлом и в будущем, состоит только из конечного (вещей, явлений и процессов).

Известно, что бесконечное по отношению к конечному (вещам, явлениям, процессам) выступает как скрытая в них их внутренняя закономерная связь, как присущий им закон, как всеобщее, и оно неотделимо от конечного и диалектически заключено в нем, как всеобщее заключено в единичном и особенном и находится в единстве с ними. Поэтому внешнее соположение: сначала бесконечное, от него переход (выраженный стрелкой) к конечному, а от него снова (в виде стрелки) к бесконечному — противоречит диалектически понятому отрицанию отрицания.

Если признать, что человек (общество, социум), возникнув как нечто конечное в промежутке между двумя бесконечными, оказывается затем высшей формой или ступенью развития материи вообще, в рамках которой осуществляется в дальнейшем вся новая ветвь бесконечного развития, то в этом случае конечное (человек, общество, социум) превращается в нечто вечное и бесконечное. Ничего иного и не может получиться, если принята в качестве единственно истинной концепция движения от низшего к высшему. Но поскольку самое высшее (в лице человека) уже достигнуто, куда же дальше может совершаться движение? Необходимым становится вывод, что оно может происходить лишь в рамках уже достигнутого высшего; следова-

тельно, человек, общество, социум должны существовать до бесконечности. В противном случае процесс движения от низшего к уже достигнутому высшему неизбежно будет нарушен, что противоречит наперед принятой концепции развития.

Но все же очевидно, что человек (общество, социум), а также сама Земля, на которой он обитает, вполне конечные объекты и как таковые должны иметь начало и конец. Материалистическая диалектика, в противоположность метафизике, не наделяет признаком вечности никакие отдельные объекты, кроме самой материи и ее движения. На всем же остальном лежит, согласно диалектике, печать неизбежного падения.

Из взглядов *В. В. Орлова* вытекает, что за всю свою предшествующую бесконечную историю материя ни разу не могла породить мыслящий дух как свой «высший цвет». Ведь если бы это случилось хоть раз в прошлом, то уже с того момента, согласно концепции, разделяемой *В. В. Орловым*, процесс дальнейшего развития не мог бы вернуться на более низкую ступень (так как это было бы движением от уже достигнутого высшего к низшему), а должен был бы до скончания веков двигаться в рамках уже достигнутой ступени. Но имеются ли какие-либо данные для того, чтобы наложить подобный запрет на всю бесконечную прошлую историю Вселенной? Как не напомнить в связи с этим высказывание Ф. Энгельса: «Говорить, будто материя за все время своего бесконечного существования имела только один-единственный раз — и то на одно лишь мгновение по сравнению с вечностью ее существования — возмож-

ность дифференцировать свое движение и тем самым развернуть все богатство этого движения... значит утверждать, что материя смертна и движение преходяще»¹.

Наконец, обе схемы ($\infty \rightarrow K \rightarrow \infty'$ и $\infty \rightarrow \rightarrow \text{человек} \rightarrow \infty'$), даже если их принять, все равно не достигают желаемой цели. Ведь если человек с момента своего возникновения должен будет существовать вечно, то так и останется до конца одно лишь первое вызванное им отрицание (мыслящий человек, «отрицающий» неодушевленную природу), а второго, т. е. отрицания отрицания, так и не произойдет. То же относится и к «отрицанию» мертвой природы живой природой (ведь вместе с человеком вечной окажется и жизнь).

Считая возможным связывать отрицание отрицания только с идеей восходящего развития, В. В. Орлов объявляет нисходящую («третью») ступень «простой деградацией», которой присущи «черты скорее «зряшного», чем диалектического отрицания» (с. 215). Верно ли это? «Зряшное», т. е. метафизическое, отрицание есть внешнее, случайное, незакономерно прерывающее процесс развития отрицание, подобное растаптыванию зерна или насекомого. Но ведь в данном случае речь идет о закономерной ветви всего процесса развития, органически, необходимым образом включенной в самый процесс. И это не только не исключает, а, напротив, прямо предполагает, что и на нисходящей ветви развития достигаются свои высшие стадии по сравнению с теми, какие были достигнуты уже раньше на его восходящей ветви. Так, В. И. Ленин показал, что империализм есть высшая ста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 360.

дия капитализма и вместе с тем стадия загнивания капитализма, развивающегося уже по нисходящей линии. Это касается и нисходящей ветви всего живого, завершающейся смертью. «...Отрицание жизни по существу содержится в самой жизни,— писал Ф. Энгельс,— так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше,— смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится»¹. Как же можно говорить тут о «зряшном отрицании», о «простой деградации»?

У Ф. Энгельса сказано о диалектической философии: «На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»². Из этой полной формулы никак нельзя сделать такие выводы, какие получились у В. В. Орлова. К тому же в следующем абзаце Энгельс уже прямо говорит о том, что «у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь», и добавляет: «Мы находимся, во всяком случае, еще довольно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии...»³

Нельзя согласиться, на мой взгляд, с заявлением В. В. Орлова о том, будто концепция Ф. Энгельса о мировых круговоротах должна быть подвергнута «ревизии». Цитируя те места из «Анти-Дюринга» и «Людвига Фейербаха...», в связи с которыми Энгельс кратко затрагивает

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 610.

Там же, т. 21, с. 276.

³ Там же.

данный вопрос, Ленин отнюдь не оговаривает своего несогласия с положениями Энгельса, касающимися мирового круговорота и неизбежной конечной гибели человечества¹. Нельзя поэтому утверждать, будто Ленин не принимал соответствующих взглядов Энгельса.

По поводу моего выступления было сделано несколько замечаний, на которые я постараюсь ответить. *Г. И. Бондарев* не согласен с тем, что последовательность изложения основных законов диалектики не играет особой роли. Но ведь разве обязательно при всех условиях сначала давать понятие о ядре диалектики как ее основе, а затем о зависимых от него законах? Вопрос о ядре может быть изложен и не сразу, что мы видим у Энгельса, и от этого его значение отнюдь не умаляется. Далее. Я по-прежнему считаю, что спиралевидность есть лишь образное, фигуральное изображение того факта, что развитие совершается путем отрицания отрицания, так что нельзя противопоставлять, как это делает *Г. И. Бондарев*, «закон спиралевидности развития» как якобы всеобщий закон закону отрицания отрицания как якобы частному, вытекающему из этого «всеобщего» (с. 115, 194). На мой взгляд, это — простое недоразумение. Ни Энгельс, ни Ленин не дают никакого повода к такому противопоставлению. Напротив, у Энгельса есть краткая формула, содержащая исчерпывающий ответ на этот вопрос: среди главных законов диалектики названо «развитие путем противоречия, или отрицание отрицания,— спиральная форма развития»². По сути

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 53—54.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.

дела, такие же формулировки имеются в ленинской статье «Карл Маркс» и в его «Философских тетрадах».

У Ю. А. Харина вызвало сомнение подчеркнутое мною различие: противоречие проявляет себя как движущая сила в любом пункте процесса развития, а отрицание отрицания — лишь в конце каждого витка развития, т. е. только при относительном завершении данного процесса. Но что же тут поделать? Ведь пока не произойдет вторичное отрицание в ходе данного процесса развития, не может проявиться здесь и закон отрицания отрицания. Это ясно. То, что в ходе первого отрицания он еще не может проявиться, ибо тогда идет лишь подготовка к последующему отрицанию отрицания, это тоже ясно. И дело не меняется от того, что на протяжении всего процесса развития сами противоречия как движущие силы развития изменяются: антагонистические — обостряются, неантагонистические — сглаживаются. Важно, что они все время так или иначе действуют и проявляют себя.

В. В. Орлов повторяет возражение Ю. А. Харина, но добавляет при этом, что законы перехода количества в качество и отрицания отрицания управляют «ступенями развития», а потому «обнаруживаются лишь в таких интервалах развития», которые включают в себя соответствующие ступени, причем «вся полнота этих законов проявляется лишь в полном интервале их действия» (с. 212). Но ведь это именно то, что утверждаю и я, говоря о различии «диапазона, в рамках которого проявляет себя в полной мере действие того или иного закона» (с. 11), причем закон перехода количества в

качество действует в пределах отдельных отрезков процесса развития (с. 12). Разница лишь в том, что *В. В. Орлов* использует другие наименования: диапазон называет интервалом, отрезок — ступенью. Это — его дело. Но неверно приписывать мне утверждение, будто названные два закона вообще не действуют в ходе всего процесса развития. Я специально оговариваю, что закон отрицания отрицания, «как и оба предыдущих закона диалектики, действует в ходе всего процесса развития», но «обнаруживает свое действие лишь после повторного отрицания...» (с. 12).

Неверно приписывать мне и утверждение, будто закон единства и борьбы противоположностей *полностью* проявляет свое действие в любой точке развития (с. 11, 213). Дело в том, что слова «полностью» у меня нет. Точно так же я нигде не утверждал, что прекращение действия одного только закона единства и борьбы противоположностей (с. 213) прервало бы процесс развития.

Если *В. В. Орлов* не согласен со мной, что законы перехода количества в качество и отрицания отрицания хотя и действуют, но не проявляют себя на подготовительных стадиях развития, то пусть он объяснит тогда, как может проявиться переход количества в качество до наступления этого перехода, т. е. на стадии накопления одних лишь количественных изменений, или как может проявиться отрицание отрицания до наступления второго отрицания, т. е. на стадии одного лишь первого отрицания.

Что же касается мнения *В. В. Орлова* о том, что нельзя развитие общества представить следующим образом: первобытнообщинный строй

(первобытный коммунизм) — антагонистическое общество (= первое отрицание) — будущее коммунистическое общество (= отрицание отрицания), то непонятно, почему это некорректно и какое тут еще должно быть внесено «различение периодизации процессов с их особенной, специфической стороны (например, общества как общества) и со стороны их всеобщей диалектической основы» (с. 215).

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТИКИ

В. Л. Обухов

В выступлении *В. К. Бакшутова* содержится утверждение, что закон отрицания отрицания «полнее других законов диалектики отражает процесс поступательного развития, характеризует неодолимость нового, прогрессивного» (с. 72). Авторы же, отрицающие всеобщий характер действия закона отрицания отрицания, в развитии теории диалектики, по существу, смотрят назад, а не вперед. На наш взгляд, история и теория отрицания отрицания не дают достаточных оснований для подобных утверждений. Противоречивое отношение к элементам отрицания отрицания в античной и средневековой философии хорошо показано *В. К. Бакшутовым*, остановимся поэтому на отношении к нему в новое время. Кантовская трансцендентальная логика в отличие от дихотомического деления формальной логики, основанного на законе противоречия, утверждает, исходя из синтетической природы знания, триадическое деление. Триадический ритм, по Канту, применим только к чистым рассудочным понятиям, каковыми являются категории. У Шеллинга и его последователей он становится общим диалектическим принципом развития. Однако троичность применялась ими «без понятия», поэтому их по-

строения оказались формалистическими, «пустой схемой», на что обратил внимание еще Гегель, который, солидаризируясь с Кантом, утверждал, что «трихотомия» преобладает в сфере духа¹. Правда, Гегель не был (и как идеалист не мог быть) до конца последовательным, перенося специфическую для познания форму движения на саму реальность.

Отношение русских революционных демократов к диалектике Гегеля и ядру ее — отрицанию отрицания характеризуется большой сложностью. Если в 40-х годах XIX века критически переработанная, «очищенная от односторонности» диалектика Гегеля становится для них «алгеброй революции», служит философским обоснованием социалистического идеала, то в 50—60-х годах былая вера А. И. Герцена и Н. П. Огарева в разумность истории, в подчиненность общественного развития триадической схеме сменяется осознанием того, что история идет не «по плану Гегеля». В книге «С того берега» Герцен отмечал, что законы исторического развития хотя и не противоположны законам логики, но они и не совпадают и что природа не подчиняется гегелевскому принципу триадического движения. Еще более отрицательное отношение к «диалектическому процессу» со стороны Н. А. Добролюбова. Очевидно, сознавая искусственность подведения исторического процесса под гегелевское отрицание отрицания, он относился отрицательно к самому термину «диалектика». Н. Г. Чернышевский был единственным идеологом демократического движения, сохранившим до конца убежденность во всеобщ-

¹ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук, М., 1974, т. 1, с. 414.

ности гегелевской формы движения. И наконец, П. Л. Лавров, вплотную подойдя к марксистскому разделению диалектики на объективную и субъективную, признавал справедливым гегелевское отрицание отрицания по отношению только к процессу мышления, к сфере сознания.

Каково отношение к гегелевскому отрицанию отрицания со стороны классиков марксизма-ленинизма? В «Нищете философии» К. Маркс дал блестящий критический анализ гегелевского абсолютного метода познания, т. е. отрицания отрицания, отметив и безусловно диалектические моменты в нем. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс солидаризируется с Л. Фейербахом, противопоставлявшим гегелевскому отрицанию отрицания развитие через положительное положительного¹. В период работы над «Капиталом» К. Маркс, заявляя, что в методе обработки материала большую услугу ему оказала «Наука логики» Гегеля, в то же время отмечал, что его метод противоположен методу Гегеля. В полемике с Е. Дюрингом, приводя примеры, которые должны были показать действие закона отрицания отрицания в природе, обществе и познании, Ф. Энгельс в то же время воздерживается от утверждения его всеобщности. То, что он два раза подряд характеризует этот закон как «весьма общий», «весьма широко действующий», доказывает, что это не случайная оговорка.

Аналогично определял сферу действия данного закона В. И. Ленин, который писал, что развитие по схеме отрицания отрицания встречается «иногда», что оно «вообще не редкость».

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 154.

Критикуя попытки Н. К. Михайловского дискредитировать учение К. Маркса посредством изображения диалектики как «гегелевской ловушки», В. И. Ленин признавал отрицание отрицания важнейшей характеристикой диалектики. Утверждая, что доказывать что-либо триадами нелепо, что все исторические вопросы разрешаются материалистами лишь на основании соответствующих фактов, В. И. Ленин остановился в этой связи на приводимых Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» примерах: «И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной — вроде того, что-де сначала был первобытный коммунизм, затем — частная собственность и потом — капиталистическое общество, или сначала примитивный материализм, потом — идеализм и, наконец, — научный материализм и т. п. ...Подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений»¹. Таким образом, классики марксизма-ленинизма, не утверждая всеобщего статуса отрицания отрицания, в то же время характеризовали его как важнейший элемент диалектики.

В настоящее время можно выделить следующие трактовки отрицания отрицания: 1) всеобщий закон диалектики; 2) закон диалектики, не обладающий статусом всеобщности; 3) закон диалектики познания. Все эти точки зрения имели место и раньше, что, на наш взгляд, и не дает достаточных оснований для безоговорочного от-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 163—164.

несения какой-то одной концепции к будущему, а других к прошлому.

Нет и жесткой связи между признанием закона отрицания отрицания и признанием прогресса. Французские материалисты XVIII века были не меньше убеждены в существовании прогресса, чем представители немецкого классического идеализма. Добролюбов, отвергавший отрицание отрицания, так же верил в прогресс и служил ему, как и Чернышевский, признававший данный закон всеобщим. И наконец, закономерность прогресса выводится из других законов диалектики не в меньшей степени, чем из закона отрицания отрицания, что убедительно показано в выступлении *Г. И. Бондарева* (с. 114—115).

Наличие в марксистской литературе столь разных мнений о законе отрицания отрицания объясняется не недомыслием отдельных авторов, а особой сложностью самого закона, особым положением его в системе диалектики, недоработанностью некоторых положений теории диалектики. Если в познании этот закон действует в строгом соответствии с гегелевскими признаками (в их материалистической интерпретации), то распространение его на объективную реальность приводит либо ко все большему ограничению сферы его действия вплоть до определения данного закона как частного случая другой закономерности — при сохранении верности классическим характеристикам, либо ко все большему отказу от классических черт закона — при настаивании на его всеобщности. Фактически эти тенденции отмечает и *В. И. Корюкин* (с. 42—43). Сейчас уже почти никто не утверждает, что абстрактное отрицание имеет

место в объективной реальности или что триадическая форма развития является единственно возможной. Все чаще переход в противоположность в ходе отрицания и отрицания отрицания заменяется переходом в новое качество (*Ю. А. Харин*, с. 139, 140). Положение о необходимости возврата к основанию становится все более размытым, необязательным, поскольку предполагается возврат не по существенным, а по второстепенным, «некоторым» признакам (*В. Д. Морозов*, с. 130). Отдельные авторы вообще заменяют возврат сохранением, удержанием черт старого в новом (*В. В. Орлов*, с. 105). Возврат к старому на высшей стадии также уже не считается необходимым, поскольку признается возможным возврат и на примерно одинаковом (в случае круговорота) и даже на низшем (в случае регресса) уровнях (*Ю. А. Харин*, с. 142—145).

Спрашивается, что же это за закон, если из всех его признаков обязательными признаются лишь один-два (обычно поступательность и повторение в высшей стадии черт низшей), да и те оказываются необязательными? Положение Ф. Энгельса о гигантских мировых круговоротах и конечной гибели человечества *Б. М. Кедров* рассматривает как пример проявления закона отрицания отрицания. Но никто не станет утверждать, что остывшая мертвая Земля, падающая на Солнце, есть высшая ступень по отношению к цветущей Земле и мыслящему человеку.

До сих пор ссылки на примеры служат аргументом в доказательстве всеобщности закона отрицания отрицания, между тем как еще *В. И. Ленин* именно по отношению к этому за-

кону показал, что примеры правомерно приводить «для популярности», но ими нельзя доказывать. А поскольку они не аргументы, нет нужды их опровергать.

Таким образом, классические характеристики закона отрицания отрицания не только не проявляются в общих принципах эволюции живой природы, но, наоборот, находятся с ними в противоречии. Если возврат к основанию является необходимой характеристикой отрицания отрицания, то в процессе эволюции возврат к некоторым старым признакам есть частное явление; если отрицание отрицания говорит о возвращении на высшей ступени, то в общем развитии природы возврат к более ранним отношениям наблюдается обычно при регрессе, деградации явления и именно благодаря этому регрессу, этой деградации. И если развитие по формуле отрицания отрицания уподобляется спирали, то эволюционисты либо избегают говорить о конкретной направленности процесса эволюции, либо, утверждая направленность процесса эволюции, никак ее не объясняют, либо направление исторического развития организмов представляют в виде вектора, а дивергентную эволюцию сравнивают с дельтой реки¹. Почему же тогда, несмотря на идущую переоценку сферы действия закона отрицания отрицания, приводящую к заметному ее уменьшению, большинство авторов распространяют его действие на природу? Одной из причин этого, на наш взгляд, является наличие в природе схожей закономер-

¹ См.: *Гиляров М. С.* Некоторые методологические проблемы теории эволюции в биологии.— *Философские науки*, 1981, № 1, с. 116.

ности, которая выявлена С. Т. Мелюхиным и обозначена им как единство цикличности и необратимости. Все более или менее длительно существующее существует благодаря постоянному восстановлению, возобновлению. Цикличность, проявляемая на разных уровнях организации, имеет самый разный характер: и круговороты как элементарная внутренняя форма всякого развития, в том числе круговорот процесса обмена веществ (*Г. И. Бондарев*, с. 116), и циклические нарушения и восстановления соответствия структуры своим элементам (*В. И. Свидерский*, с. 62—66), и единство тенденций обратимости и необратимости (*В. К. Бакшугтов*, с. 85—86) и т. д.

Небезупречна и позиция противников всеобщности закона отрицания отрицания. При интерпретации этого закона как «менее общего» нарушается статус закона диалектики (всеобщность), он приобретает таинственный характер, поскольку оказывается невозможным заранее сказать, будет он действовать в данном явлении, процессе или нет. Показательно, что сами сторонники этой точки зрения — *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунов* — чувствуют ее уязвимость (с. 29). На наш взгляд, указанная антиномия (когда всеобщность закона отрицания отрицания вступает в противоречие с известными законами эволюции, а отрицание всеобщности приводит к конфликту с фундаментальными положениями диалектики) разрешается, если отрицание отрицания характеризовать как закон субъективной диалектики. В этом случае не приходится, с одной стороны, насильственно подгонять развитие природы под схему отрицания отрицания (чему она упорно сопротивля-

ется), а с другой — отказываться от всеобщности закона, но всеобщности на уровне субъективной диалектики.

Предложенное понимание закона отрицания отрицания вносит некоторые коррективы в систему законов диалектики. В решении этого вопроса нельзя обойтись без того нового, что внес в разработку данной проблемы В. И. Ленин. Перечисляя основные элементы диалектики, он, во-первых, говорит о четырех законах диалектики: единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания, борьба содержания с формой и обратно, переход количества в качество и наоборот; во-вторых, он устанавливает субординацию этих законов, характеризуя закон единства и борьбы противоположностей как ядро диалектики, а переход количества в качество и наоборот и борьбу содержания с формой и обратно — как его «примеры»¹. Как видим, в стороне от этой иерархии остается отрицание отрицания. Теперь и его можно включить в систему законов диалектики: закон единства и борьбы противоположностей есть ядро объективной диалектики; закон отрицания отрицания, будучи превращенной формой закона единства и борьбы противоположностей в познании, — ядро субъективной диалектики; все остальные законы диалектики являются их конкретизацией, проявлением («примерами»). Так, закон, устанавливающий отношение между качеством и количеством, является проявлением закона единства и борьбы противоположностей в объективной диалектике, поскольку отношение качества и количества есть отношение про-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202—203.

тиворечия. В субъективной же диалектике он приобретает форму отрицания отрицания: качественная определенность отрицается количественной определенностью, ей на смену приходит мера, являющаяся отрицанием отрицания, единством противоположностей, качественным количеством.

Из сказанного становится ясным, почему классики марксизма-ленинизма называли ядром диалектики не только закон единства и борьбы противоположностей, но и отрицание отрицания, почему оба эти закона они рассматривали как в известном смысле тождественные. Еще в «Нищете философии» К. Маркс писал: «Таким образом, современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей»¹. В наброске плана «Диалектики природы» Ф. Энгельс отмечал: «...развитие путем противоречия, или отрицание отрицания...»² Более подробно та же мысль высказана в «Анти-Дюринге»: «...мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего — отрицание отрицания»³. Органическое единство рассматриваемых законов отмечено и В. И. Лениным в конспекте гегелевской «Науки логики»: «Результат отрицания отрицания, это третье не есть... «покоящееся третье, а именно это един-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 165.

² Там же, т. 20, с. 343.

³ Там же, с. 144.

ство» (противоположностей), «которое есть опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность»...»¹. Ленинское высказывание из фрагмента «К вопросу о диалектике» о сути диалектики относится к диалектике субъективной, поскольку раздвоение единого и познание противоречивых частей его осуществляется в ходе аналитического отрицания, при восхождении от живого созерцания к абстрактному мышлению. В философской литературе обычно исследуется шестнадцать ленинских элементов диалектики, но они лишь детализируют следующие три: 1) объективность рассмотрения вещи в ее отношениях и в ее развитии; 2) противоречивость в самой вещи, противоречивые силы и тенденции во всяком явлении; 3) соединение анализа и синтеза². Первый элемент, определяемый основным вопросом философии, характеризует суть материалистической диалектики как таковой. Второй элемент, фиксирующий диалектическое противоречие, является сутью объективной диалектики. Третий элемент, раскрывающий структуру отрицания отрицания, есть суть субъективной диалектики. Единство этих трех элементов дает наиболее общее определение диалектики.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 211.

² См. там же, с. 202.

ОТВЕТ НАШИМ КРИТИКАМ

Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов

Ответ на критические замечания Ю. А. Харина и Г. И. Бондарева, сделанные ими в связи с нашим выступлением, требует выхода за пределы собственно концепции закона отрицания отрицания и анализа более широкого круга не менее сложных и самостоятельных проблем (о сущности развития вообще, развития прогрессивного в частности, о природе внутренних и внешних противоречий, их соотношении и взаимодействии, о различении внутреннего и внешнего, о цикличности как законе развития и др.). Мы имеем здесь дело с тем случаем, когда постановка и обсуждение теоретической проблемы — речь идет о сущности закона отрицания отрицания — порождают новые вопросы, обнаруживая, таким образом, ее сложность и трудности ее решения. К сожалению, мы не можем здесь подробно останавливаться на указанных проблемах и лишь коснемся их в связи с законом отрицания отрицания.

Прежде всего хотелось бы возразить против приписываемого нам представления о диалектическом отрицании как связанном исключительно с внутренними противоречиями. Мы лишь утверждаем, что диалектическое отрицание всегда является результатом развития внут-

ренных противоречий, а это несколько иной подход. Иначе говоря, мы констатируем важнейшую реальность бытия, а именно: ничто в мире не совершается вне и помимо закона единства и борьбы противоположностей, в том числе и отрицание отрицания; в любом явлении, в том числе и в процессе отрицания, «борьба» внутренних противоречий является источником его развития. Это положение мы рассматриваем как исходное методологическое и в анализе проблемы закона отрицания отрицания.

Но из этого положения, а также из тезиса о неразрывной связи диалектического отрицания с развитием внутренних противоречий не вытекает, на наш взгляд, ни игнорирование определенной обусловленности развития конкретных материальных систем внешними противоречиями, ни отрицание диалектического характера последних. Для иной позиции нет никаких серьезных оснований,— разумеется, при системном подходе к материальному миру как единственно возможном и научно оправданном.

Причины и содержание развития любой материальной системы, любого явления обусловлены прежде всего их внутренними закономерностями и противоречиями, а последние органически связаны с внешними. В конечном счете материальной основой всякого развития является противоречивая природа вещей, явлений, их внутренние особенности. Но поскольку в мире не существует абсолютно автономных вещей и процессов, поскольку любая вещь, любой материальный процесс являются частью, элементом определенной системы или моментом ее функционирования, то развитие необходимо предполагает также взаимодействие внутренних проти-

воречий вещи с внешними условиями ее существования. Явление, взятое вне взаимодействия с внешними условиями, есть бессмыслица с точки зрения современного естествознания. Лишь в результате взаимодействия материальных объектов происходит передача различных видов и количеств движения, энергии, любые изменения и развитие в мире.

Этот принцип верен и плодотворен в теоретическом плане как применительно к микропроцессам, так и применительно к макромиру. Во всех случаях развитие есть не только саморазвитие вещи, процесса, но и их взаимодействие с внешними факторами, и это также является условием развития. Не составляют исключения из этой закономерности и процессы естественного радиоактивного распада, хотя в некоторых работах он рассматривается как «процесс подлинно самопроизвольный, спонтанный»¹. Нам представляется, что он обусловлен и внутренней природой тяжелых элементов (атомов), и отчасти внешними условиями. По крайней мере, так называемое неустойчивое равновесие тяжелых атомов, являющееся причиной их распада, могло возникнуть лишь как результат одного из этапов эволюции материи.

Включая условия и особенности взаимодействия вещей в материальную основу развития, мы тем самым включаем сюда и внешние факторы, в том числе внешние противоречия, ибо взаимодействие — противоречивый двусторонний процесс. При этом внешние противоречия воздействуют на развитие вещи не иначе, как

¹ См.: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972, с. 182.

«преломляясь» через природу, специфику ее внутренних противоречий.

Следовательно, в конкретных материальных системах отрицание выступает как следствие взаимодействия внутренних и внешних противоречий. Однако доминирующее значение для процесса отрицания имеет развитие внутренних противоречий; влияние же противоречий внешних преломляется, опосредствуется через специфику внутренних. Лишь в этой связи разрешение внешнего противоречия может выступать как момент развития, в том числе прогрессивного.

Что касается диалектического характера внешних противоречий, то он не подлежит сомнению, так как понятия «внешнее» и «внутреннее» относительны. Известно, что одно и то же противоречие, рассматриваемое в разных аспектах, соотнесенное с разными системными уровнями его функционирования, выступает в одном случае как внутреннее, в другом — как внешнее. Рассмотрение внешних противоречий в связи с законом отрицания отрицания не меняет их диалектической природы.

В вопросах, заданных нам *Ю. А. Хариным*, неявно просматривается точка зрения, которой он, возможно, придерживается и согласно которой диалектическое отрицание может являться результатом развития либо внутренних, либо внешних противоречий, т. е. не обязательно речь идет о взаимодействии тех и других. Поскольку мы считаем, что диалектическое отрицание всегда является результатом развития внутренних противоречий, то в этой связи характер отрицаний, возникающих в ходе разрешения внешних противоречий, оказывается, по мнению *Ю. А. Ха-*

рина, недиалектическим. Однако, поскольку не существует развития, которое определялось бы либо исключительно внутренними, либо исключительно внешними противоречиями, нет никаких оснований ставить природу отрицания в однозначную зависимость от одного или другого типа противоречий. Реальное отрицание в реальном процессе развития всегда носит диалектический характер. Метафизическое отрицание несовместимо с развитием.

В связи с замечаниями *Г. И. Бондарева* скажем несколько слов о степени общности закона отрицания отрицания. Насколько мы могли понять, он не считает достаточно обоснованной ту часть нашего выступления, где речь идет о регрессе (если считать регресс формой развития, то в этом случае закон отрицания отрицания приобретает значение всеобщего). Мы рассматриваем закон отрицания отрицания как широко действующий, но не как всеобщий. Данный закон проявляется лишь в прогрессивном развитии, а поскольку оно является лишь одним из направлений движения материального мира и тем самым не исчерпывает всего многообразия направлений, постольку и закон отрицания отрицания не обладает признаками всеобщей закономерности.

В. В. Орлов объединил *Л. Е. Даниленко*, *Ф. Н. Рекунова*, *В. И. Корюкина* и *Г. И. Бондарева* в одну группу участников дискуссии, которым будто бы свойственны одинаковый подход к оценке закона отрицания отрицания и одни и те же ошибки в его трактовке. В частности, все мы, по его мнению, считаем прогресс и регресс двумя равноправными и равноценными формами развития, придерживаемся точки зре-

ния, согласно которой концепция развития как бесконечного движения от низшего к высшему отождествляет прогресс с развитием, «игнорируя тем самым регресс», что приводит ее «к выводам, несовместимым с диалектическим материализмом» (с. 202). Однако критика *В. В. Орлова* кажется нам неосновательной. Во-первых, упомянутые выше участники дискуссии как раз по вопросу о соотношении прогресса и регресса весьма значительно расходятся во мнениях, и те «грехи», в которых нас двоих обвиняет *В. В. Орлов*, нам несвойственны. Во-вторых, экстраполируя наши высказывания о законе отрицания отрицания на такие более общие проблемы, как движение и развитие, он рассуждает о некоторых специальных аспектах диалектики и, хотя мы не касались их в нашем первом выступлении, тем не менее утверждает, что мы приходим к ошибочным выводам и в этих областях.

Несколько слов по существу некоторых критических замечаний *В. В. Орлова* и *В. Л. Обухова* в наш адрес.

В. В. Орлов не согласен с нашей позицией по ряду проблем. К сожалению, в его выступлении мы не находим убедительных аргументов в обоснование его собственной точки зрения. Возьмем, к примеру, его упрек, будто мы защищаем идею равенства, равновесия прогресса и регресса по отношению к миру в целом. На его взгляд, это не доказано и является «постулатом, введенным без достаточных эмпирических и теоретических оснований» (с. 205). Здесь он допускает две ошибки. Во-первых, мы (и не только мы) не считаем, что в мире в целом существует состояние равновесия, равенства прогресса и регресса.

Во-вторых, существенной методологической ошибкой является отождествление им процессов принципиально различного порядка: частного (относительного) и общего регресса. Явления частного регресса сопутствуют всякому прогрессу в силу его диалектической относительности и подчиненности закону единства прогрессивных и регрессивных изменений. «...Всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс»¹, — отмечал Ф. Энгельс. Другими словами, прогресс и регресс противостоят друг другу и в рамках собственно прогрессивного, и в рамках регрессивного развития.

Наряду с частными формами регресса имеют место (и это доказано естествознанием) процессы общего регресса, представляющие собой одну из самостоятельных форм развития материальных систем. «...Приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например, приспособление к паразитической жизни *всегда* регресс)»², — писал Ф. Энгельс. Выводы В. В. Орлова о повышении уровня материальной организованности как неперменном и всеобщем итоге развития систем не соответствуют реальной действительности. Повторим то, о чем было сказано в нашем первом выступлении: второе начало термодинамики — основной закон макромира — допускает возможность повышения уровня организации отдельных материальных систем, но исключает такую возможность применительно ко всей их совокупности.

Мы категорически не согласны и с В. Л. Обуховым, который полагает, что отрицание всеобщ-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 68.

² Там же, т. 20, с. 621.

ности закона отрицания отрицания нарушает его статус как закона диалектики и что сам закон приобретает в этом случае мистический характер. Для нас неприемлемо и предложение *В. Л. Обухова* считать закон отрицания отрицания законом только субъективной диалектики.

Задача диалектики как философской теории состоит в том, чтобы представить принцип развития в качестве объяснительного принципа для понимания материи как причины «самой себя», уяснить развитие как механизм порождения новых качественных состояний материи. Дело не просто в степени общности категории, т. е. в широте области ее применения, а в специфике философского подхода к ее содержанию¹.

См.: *Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории*. М., 1980, с. 28—52.

*СКРЫВАЕТСЯ ЛИ ЧТО-ЛИБО
И ЧТО ИМЕННО
ЗА ЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ
ОТРИЦАНИЯ ВООБЩЕ?*

Н. Ф. Овчинников

Выступление *А. Ф. Лосева* вызывает удивительное интеллектуальное переживание. Автор ведет читателя в философскую область и вынуждает либо к решительному неприятию всего сказанного — и со стороны содержания, и со стороны формы, — либо к попытке взять на себя нелегкий труд понимания написанного. Выбираю второе и начинаю видеть глубокое проникновение в предмет нашего разговора, тонкий анализ категории отрицания, неожиданные ходы мысли, которые обнажают или, лучше сказать, как бы высвечивают с неожиданной стороны казавшиеся ранее известными вещи.

Один пример — движение с бесконечной скоростью. В классической механике как бы сама собой разумеется возможность такой скорости. Время не входит во всемирный закон тяготения, и, следовательно, предполагается неявно, что гравитационное взаимодействие передается мгновенно. И вот оказывается, что в этом допущении содержится глубокий парадокс. Движение с бесконечной скоростью предполагает, что оно мгновенно завершается, так как тем самым уже нет никаких мест в пространстве, где могло бы происходить перемещение. А это означает, что движения нет, остается лишь покой. Полу-

чается, что покой — это движение с бесконечной скоростью. Физика XX века преодолевает этот парадокс принципом запрета бесконечной скорости переноса взаимодействий. Теория относительности принимает в качестве принципа утверждение, что скорость света есть верхний предел возможных скоростей. Эти и подобные размышления навеяны глубоким анализом проблемы отрицания *А. Ф. Лосевым*.

Но хотелось бы обратить внимание на неясные и непоследовательные ходы рассуждений *А. Ф. Лосева*. Попытаюсь предельно кратко изложить его основные идеи и по ходу изложения ставить необходимые вопросы.

Категория отрицания функционирует и в мышлении, и в бытии; отметим это существенное положение, четко высказанное *А. Ф. Лосевым* в самом начале. Функционирование категории отрицания весьма различно по своим типам, и это различие проводится им, так сказать, внутри самой категории. Первый тип — это дискретное отрицание, «наиболее пустое, наиболее бессодержательное» (с. 151). Действительность не содержит в себе такого отрицания, но зато оно может быть и даже есть в мышлении.

В этом пункте начинается непонятное. Если дискретное отрицание есть только в мышлении и не относится к бытию, к действительности, то как тогда понять утверждение, что «задача научно-философского мышления, с одной стороны, — все расчленять до неделимых единичностей, а с другой — все обобщать до получения закона возникновения подчиненных ему единичностей» (с. 151)? Только что приведенные слова имеют целью пояснить функционирование дискретного отрицания, и я полагаю, что

А. Ф. Лосев глубоко прав относительно задачи научно-философского мышления. Но почему же тогда отрицание, названное им дискретным, «пусто и бессодержательно»? Разве научно-философское мышление не вскрывает «неделимые единичности»? Ведь он сам в другом месте замечает, что «говорить о дискретном отрицании необходимо в том же смысле, в каком мы говорим, например, о семенах или зернах растений» (с. 150). А разве они не существуют в действительности? Следовательно, дискретное отрицание отнесено самим *А. Ф. Лосевым* к «семенам или зернам растений», а не только к особенностям мышления.

Итак, первый тип отрицания (дискретное) относится только к мышлению, хотя это отношение и не выдерживается достаточно последовательно. Второй же тип отрицания (аналитическое), казалось бы, должен быть отнесен к бытию. Но попытаемся сначала понять, что такое аналитическое отрицание.

В качестве общей модели для рассмотрения различных типов отрицания берется отрезок прямой. Аналитическое отрицание, поясняет *А. Ф. Лосев*, — это «такое отрицание, которое не довольствуется фактом отличия одного момента от другого, но является сплошным и неразличимым потоком в моменты перехода от одной точки к другой» (с. 153). Вместе с тем аналитическое отрицание оказывается, по *А. Ф. Лосеву*, также и аналитическим становлением. Время и пространство, замечает он, являются наглядными примерами такого «аналитического становления». Очевидно, он имеет в виду непрерывность движения. И заметим, что, описывая непрерывность движения с помощью

модели отрезка прямой, он, подобно элеатам, стремится обратиться к анализу самого мышления. Он так и пишет: точки на прямой не следует фиксировать в их раздельности, дискретности, но следует «совершить совсем другой мысленный акт» (с. 152).

А. Ф. Лосев, следовательно, обращается к мысленному акту при изучении движения точки на отрезке прямой. Он призывает при этом «наблюдать самый сдвиг первой точки» (с. 152). В отличие от элеатов, он не усматривает здесь никаких апорий. Точнее говоря, он полагает, по-видимому, что предложенная им система понятий не порождает апорий. Однако, на мой взгляд, апории здесь не возникают потому, что все рассмотрение ведется на уровне «наблюдения»: «Возьмем какую-нибудь точку на отрезке прямой и станем наблюдать...» (с. 151). *А. Ф. Лосев*, по существу, остается при рассмотрении вопроса на уровне чувственного созерцания движения, на уровне описания движущейся точки. Отсюда возникает вопрос: что дает термин «аналитическое отрицание», которым обозначено простое чувственное наблюдение движения, представленного моделью движущейся точки?

Далее, оказывается, что аналитическое отрицание, рассматриваемое все на той же модели движущейся точки, можно описать более детально. И это более детальное описание приводит к необходимости усмотреть еще и дифференциальное отрицание: «...если аналитическое отрицание,— поясняет *А. Ф. Лосев*,— будучи непрерывным становлением, все же указывает на какой-то сдвиг постоянно устойчивой величины, то оно свидетельствует и о некоторого рода приращении к этой величине. Об этом сдвиге, или

об этом приращении, можно и нужно говорить отдельно» (с. 154). И говорится об этом как о дифференциальном отрицании.

Итак, дифференциальное отрицание — это «только момент в аналитическом отрицании» (с. 156). Но пойдем далее в описании движения в соответствии с предложенной А. Ф. Лосевым моделью. Оказывается, точку можно мыслить двояко. С одной стороны, это точка как фиксированный момент, как неподвижная точка. С другой стороны, точка может мыслиться «вместе со своим движением» (с. 157). Как видим, трудности в понимании движения легко снимаются: мы просто приписали точке движение, хотя и чрезвычайно малое (чтобы не сказать — бесконечно малое), близкое к нулю. И если теперь мы как-то соединим аналитическое отрицание с дифференциальным, то получим особый тип отрицания, названный интегральным: «...интегральное отрицание есть аналитическое отрицание плюс отрицание дифференциальное» (с. 158).

Первый шаг в изучении логической картины отрицания — дискретное отрицание, по-видимому, полагается неким нулевым отрицанием. Я говорю «по-видимому», так как после рассмотрения вслед за дискретным аналитического, дифференциального и интегрального отрицаний А. Ф. Лосев обсуждает общий характер трех рассмотренных типов отрицания и делает вывод о необходимости перехода к четвертому типу отрицания (с. 160). Таким образом, дискретное отрицание, с которого начался анализ, выпало из счета и из дальнейшего рассмотрения и, надо думать, отнесено к некоему нулевому типу как «наиболее пустое, наиболее бессодержательное,

но зато максимально абстрактное отрицание» (с. 151).

Три типа отрицания — аналитическое, дифференциальное и интегральное — являются, поясняет А. Ф. Лосев, как бы анатомией отрицания. Далее формулируется задача перехода от анатомии к «цельной жизни организма» (с. 159). Надо думать, что автор поведет нас к рассмотрению этой органической целостности и покажет действие отрицания в «цельной жизни организма». Но, к сожалению, на этой же странице и далее от «цельной жизни» не остается и следа, ибо автор сводит ее к «материальному субстрату». Четвертое отрицание, названное им метрическим, заключается, оказывается, не в жизненной целостности, как обещано было ранее, а в процессе дробления: «Этот процесс дробления должен происходить не просто логически, в виде структурно-смысловой операции. Разделив отрезок прямой пополам, мы действительно получаем два материальных куска...» (с. 160).

Понятие «метрическое отрицание» оказывается настолько многозначным, что невозможно составить о его содержании сколько-нибудь отчетливое представление. В том, как разъясняется содержание этого понятия, ясно различаются лишь несовместимые его характеристики. Одну из них я уже отметил: с одной стороны, метрическое отрицание должно говорить нам о «цельной жизни организма», а с другой — оно же представляет собою «процесс дробления». «Цельная жизнь» и «дробление» как-то не совмещаются для меня в одном понятии, даже если это понятие о «материальном субстрате». Раздробленный материальный субстрат не может уже обладать жизнью, тем более «цельной».

Но это еще не все. Разделенные куски, поясняет *А. Ф. Лосев*, могут вести себя как угодно: могут, например, продолжать один другого, что, замечу, было бы естественно, ведь речь идет об отрезке прямой линии. Однако эти куски «могут и противоречить один другому, могут быть разделены реальным жизненным скачком» (с. 160). В каком смысле куски отрезка прямой могут «противоречить друг другу», остается совершенно неясным. Можно было бы понять противоречие кусков отрезков, если бы они оказались еще и векторами, направленными в противоположные стороны, но об этом нигде не говорится. Дальнейшие пояснения не разъясняют ситуацию, но скорее затрудняют понимание. «...При таком подходе к отрезку прямой,— пишет *А. Ф. Лосев*,— можно говорить о его метрической структуре, т. е. о его эволюционном или скачкообразном развитии» (с. 160). Вполне понятно, что можно говорить о метрической структуре отрезка прямой.

Но в какой связи структура, в данном случае метрическая, находится с метрическим отрицанием? Структура—это понятие, выражающее устойчивые, инвариантные аспекты бытия, а отрицание так или иначе относится к процессам движения. Каким же образом «метрическую структуру», т. е. нечто вполне фиксированное для отрезка прямой, можно называть еще и «эволюционным или скачкообразным развитием»? На это можно было бы ответить, что структура, в том числе и метрическая, может развиваться—эволюционно или скачкообразно. Допустим, что это так. Но ведь здесь речь идет о тождестве понятия структуры и понятия развития. По *А. Ф. Лосеву* получается: сказать, что отрезок

прямой имеет «метрическую структуру», или сказать, что отрезок подвержен эволюционному или скачкообразному развитию,— это одно и то же. Именно такое отождествление понятий вызывает недоумение.

Далее, *А. Ф. Лосев* подчеркивает неустранимую значимость «первых трех типов отрицания», т. е. аналитического, дифференциального и интегрального. Эти три типа отрицания вскрывают смысл категории, и потому он называет эти типы структурно-смысловым отрицанием. Оно предшествует метрическому. Но в каком же смысле структурно-смысловое отрицание предшествует метрическому? Как говорит *А. Ф. Лосев*, предшествование указывает на невозможность метрического отрицания, если перед этим не проведено структурно-смысловое. Тогда возникает вопрос: как же понимать это метрическое отрицание? Ведь ранее было разъяснено, что метрическое отрицание «возникает не только в виде мысленного процесса, но и в виде материального субстрата...» (с. 160).

Обратимся к различным характеристикам метрического отрицания. Может быть, в них мы найдем ответ на наш вопрос. Метрическое отрицание — это не только мыслительный процесс, отмечает *А. Ф. Лосев*. Значит, в том числе и мыслительный процесс. В таком случае понятно, что, вскрывая вначале самый смысл отрицания, мы можем затем перейти, продолжая мыслительный процесс, и к новому, более глубокому смыслу отрицания. *А. Ф. Лосеву* было удобно назвать этот более глубокий смысл «метрическим отрицанием». И то и другое здесь мыслительный процесс. Но вместе с тем он настаивает, что этот мыслительный процесс, т. е. метриче-

ское отрицание, возникает «в виде материального субстрата» (с. 160). Более того, метрическое отрицание оказывается не только мыслительным процессом и не только материальным субстратом, но и процессом переноса смысловой структуры первых трех отрицаний «в материальную, предметную... область» (с. 161). Процесс переноса смысловой структуры в материальную область — это в общепринятой терминологии процесс практической реализации теоретического знания.

Таким образом, понятие метрического отрицания непомерно расширяется: это и мыслительный процесс, и материальный субстрат, и процесс практики. Такое непомерное расширение значения и смысла понятия делает его крайне неопределенным, чтобы не сказать малосодержательным.

Но не будем спешить с выводами. Далее само метрическое отрицание расчленяется на особые типы. Рассматривая эти типы, *А. Ф. Лосев* оперирует понятием границы. Если у Гегеля «граница есть простое или *первое* отрицание»¹, то у *А. Ф. Лосева* понятие границы приобретает смысл основания закона отрицания отрицания. И снова перед нами модель движения точки по отрезку прямой. Если мы каким-либо образом зафиксировали точку на прямой, сделали ее определенной точкой, то она может быть названа границей. Все точки до этой граничной не фиксированы и после также не фиксированы. Для определенности скажем, что мы движемся по отрезку прямой слева направо. До границы мы

¹ *Гегель*. Наука логики, т. 1, с. 189.

движемся, непрерывно покидая одну точку и переходя к другой. Это будет внутриграничное, или интралимитное, отрицание. Наибольший интерес представляет отрицание при переходе через границу. *А. Ф. Лосев* называет его инселимитным отрицанием. Загадка или парадокс инселимитного отрицания заключается в том, что сама граница принадлежит, скажем, левой части отрезка и вместе с тем не принадлежит этой части. «...Граница не есть ни часть ограниченного, ни часть ограничивающего» (с. 165). Это положение, по мнению *А. Ф. Лосева*, «диалектическая разгадка тайны инселимитного отрицания» (с. 165). Разгадку он видит в том, чтобы «одновременно мыслить» (с. 165) отнесенность границы и к той, и к другой области.

Однако мне как-то трудно представить себе одновременное мышление двух различных суждений: граница есть часть ограниченного и граница не есть часть ограниченного. Если один процесс (движение точки через границу) я подменю другим процессом — мышлением, которое ведь тоже, как и любое движение, совершается во времени, то едва ли я путем такой подмены разрешу указанную задачу. Но здесь я должен отдать должное *А. Ф. Лосеву*, который с неожиданной для меня стороны подошел к понятию одновременности, явившемуся в свое время отправным пунктом в построении теории относительности. Хотя этим и не снимается поставленный мною вопрос, ибо *А. Ф. Лосев*, в отличие от Эйнштейна, по-видимому, считает понятие одновременности интуитивно ясным.

После перехода границы наступает процесс, названный *А. Ф. Лосевым* супралимитным отрицанием. Если до перехода границы отрицание

(интралимитное) носит внутренний характер, качественных изменений здесь не происходит, и если на самой границе происходит первое, так сказать, настоящее, отрицание (инселимитное), то после перехода границы наступает отрицание отрицания, называемое «супралимитным отрицанием». И все это, как поясняет *А. Ф. Лосев*, типы метрического отрицания, т. е. это «не есть такое отрицание, которое все время становится, но есть отрицание устойчивое, субстратно ощущаемое и потому всегда имеющее определенное начало, середину и конец» (с. 163). Бесконечные элементы, уточняет он, не отсутствуют, «но речь идет не о них самих, а об их материальной осуществленности» (с. 163).

Итак, повторим эту мысль: в упомянутых типах метрического отрицания (интралимитном, инселимитном и супралимитном) главное — это «момент» устойчивого, субстратно ощущаемого, имеющего определенное начало, середину и конец. Но, к моему удивлению, далее оказывается, что «главный интерес данной области исследования заключается именно в случае бесконечных величин...» (с. 165). Ведь бесконечное — это как раз то, что не имеет начала, середины и конца. И я никак не могу согласовать эти два логически (в смысле обычной, не диалектической логики) противоречивых суждения.

В заключение *А. Ф. Лосев* справедливо ставит проблему отношения концепции лимитных отрицаний к действительности. Это весьма существенная проблема, поскольку без выявления отношения данной концепции к реальному миру она выглядела бы весьма искусственным построением или превратилась бы «в рассудочную игру абстрактными понятиями» (с. 167).

К сожалению, проблема отношения концепции лимитных отрицаний к действительности подана без развернутой и убедительной аргументации. К чему же сводится аргументация *А. Ф. Лосева*? Он справедливо обращает внимание на необходимость получения «достаточного основания» (с. 167) для каждого своего утверждения в предыдущем изложении. Убедительно показывая, что ссылка на простой причинный ряд уходит в дурную бесконечность, он выдвигает тезис, что достаточным основанием будет апелляция к действительности, которая «сама себя объясняет» (с. 168). Эти слова: «действительность сама себя объясняет» — приходится понимать как метафору. Ведь, строго говоря, действительность сама себя объяснять не может, ибо действительность — это некая материальная воплощенность (с. 166). Всякое объяснение действительности есть то или иное отражение этой действительности, и в ее объяснении нет необходимости создавать понятия, выходящие за ее пределы. Иначе мы уходим в дурную бесконечность.

И все же в ходе этой аргументации остается одна неясность. «...Мышление есть отражение действительности» (с. 169). Очень хорошо. Но это вполне верное положение означает, что мышление есть нечто отличающееся от действительности, хотя и обязанное ей своим существованием и своими отражательными функциями. Обратившись к самому началу выступления *А. Ф. Лосева*, мы увидим, что он явно различает мышление и действительность, когда говорит о так называемом дискретном отрицании. Дискретного отрицания, отмечает он, нет в действительности, но «оно есть или может быть в мыш-

лении» (с. 151). Итак, мышление отличается от действительности, отражая ее. Но как тогда понять утверждение, что «кроме материальной действительности и ее свойств вообще ничего не существует» (с. 169)? Если это так, то теряет смысл сама проблема соотношения мысли и действительности. В этом случае теряет смысл и проблема, которую обсуждает *А. Ф. Лосев* в конце своего выступления, а именно проблема соотношения структурно-смыслового отрицания и действительности.

В заключение хотелось бы заметить, что выступление *А. Ф. Лосева* содержит глубокий логический анализ категории отрицания. Тот факт, что оно вызывает множество вопросов, необходимо расценивать как его достоинство, ибо тем самым оно побуждает самостоятельно разобраться в этой проблеме.

**НЕКОТОРЫЕ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УТОЧНЕНИЯ
В ОБЛАСТИ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ**

А. Ф. Лосев

Замечания *Н. Ф. Овчинникова*, сделанные в связи с моей формулировкой типов диалектического отрицания, произвели на меня вполне благоприятное впечатление как в своей положительной, так и в своей отрицательной части.

Положительной стороной замечаний *Н. Ф. Овчинникова* является уже то, что он согласен обсуждать разные типы диалектического отрицания, в то время как большинство наших теоретиков считает диалектическое отрицание чем-то само собой разумеющимся, единообразным и неподвижным. *Н. Ф. Овчинников* считает важным рассматривать в диалектике не только ее утверждения, но и ее отрицания, даже разнотипные. Для меня это очень важно.

Несмотря на некоторые критические замечания, *Н. Ф. Овчинников* прекрасно разбирается и в моем аналитическом отрицании, довольно правильно оценивая его как непрерывное становление, и в дифференциальном, а также интегральном отрицании, по поводу которых он никакой критики не высказывает. Я не нахожу у него никакой существенной критики даже по поводу моего метрического отрицания.

Далее, *Н. Ф. Овчинников*, насколько я могу судить, одинаково со мной понимает природу

диалектического перехода, а значит, и природу диалектического скачка. Он вполне разобрался в примере, относящемся к категориям покоя и движения (покой есть движение с бесконечно большой скоростью).

Наконец, я с большим удовлетворением должен отметить, что *Н. Ф. Овчинников* признает действительность как то, без чего любые законы диалектики повисают в воздухе и теряют свою доказательную опору. Поскольку он, так же как и я, считает невозможным понять действительность при помощи только одного бесконечного причинного ряда и поскольку такую бесконечность он вместе со мной считает дурной бесконечностью, то само собой получается и то, что действительность должна обосновать самое себя, а это значит, что и законы диалектики получают свое конечное обоснование только при условии признания необходимости для них примата действительности.

Все такого рода рассуждения *Н. Ф. Овчинникова* произвели на меня и, как я думаю, на многих других участников «круглого стола» вполне благоприятное впечатление. Но дело не обошлось и без некоторых недоразумений, о которых я постараюсь кратко сказать.

Прежде всего — и это, вероятно, ввиду несовершенства моего изложения — *Н. Ф. Овчинников* напрасно приписывает мне утверждение, будто дискретное отрицание тоже есть существенная принадлежность мышления. Я этого никогда не думал. Если я говорю о том, что дискретного отрицания нет в действительном бытии, но что оно есть или может быть в мышлении (с. 151), то я имею здесь в виду дискретное отрицание не как конститутивный момент

мышления, но как ошибочное мнение метафизически мыслящих философов. Ведь мыслить можно что угодно и как угодно, а значит, можно мыслить и ошибочно. Те философы, которые в той или другой мере признают реальность дискретного отрицания, с моей точки зрения, находятся под гипнозом метафизического атомизма старых времен. Само мышление, взятое в свободном виде как отражение свободной действительности, ничего дискретного в себе не содержит. В том же месте я говорю, что «задача научно-философского мышления, с одной стороны,— все расчленять до неделимых единичностей, а с другой — все обобщать до получения закона возникновения подчиненных ему единичностей» (с. 151). Из этого видно, что дискретное отрицание, взятое в чистом виде, раз и навсегда отсечено у меня и от действительности, и от мышления. И заговорил я о нем только ради размежевания с ним для правильной установки подлинно диалектического отрицания. О семенах и зернах я заговорил там же только для того, чтобы с помощью наглядного примера показать, что отдельные единичности вовсе не являются отдельными единичностями, но именно путем отрицания своей единичности становятся мощным источником своего творческого становления.

Я уже сказал о своем удовлетворении по поводу понимания *Н. Ф. Овчинниковым* покоя как движения с бесконечной скоростью. Но вот с некоторым разочарованием я у него читаю: «Физика XX века преодолевает этот парадокс принципом запрета бесконечной скорости переноса взаимодействий» (с. 282). Во-первых, я должен сказать, что физики (математики тоже) слыш-

ком спешат с наклейкой унижительного ярлыка парадоксальности на те предметы, в которых они не разбираются, так что когда мы в диалектике говорим о единстве противоположностей как о новом качестве, не содержащемся в этих противоположностях, то для них это парадокс. И поскольку для нас это не парадокс, а элементарное требование диалектической мысли, то все эти упреки в парадоксальности я считаю пустыми и абстрактно-метафизическими. Во-вторых, говоря о преодолении этой парадоксальности, *Н. Ф. Овчинников* указывает на какие-то запреты бесконечности у физиков XX века. Я должен сказать, что эти физики в своем отрицании бесконечности просто выразили испуг перед боженькой, который и для верующих, и для неверующих есть прежде всего какая-то бесконечность. Однако я никакого испуга перед бесконечностью не испытываю. Конечное и бесконечное являются для меня такими противоположностями, которые вполне ясно и отчетливо преодолеваются в их единстве. Естественно, это единство надо еще уметь формулировать. Ведь не боимся же мы противопоставлять прерывность и непрерывность и признавать за ними какую-то ограниченную, хотя и вполне реальную, основу. Но для диалектики они являются, конечно, только абстрактными противоположностями, которые в своем конкретно-диалектическом единстве образуют собой категорию движения, т. е. то, что одновременно и прерывно, и непрерывно. Мы не боимся различать сущность и явление и даже противопоставлять их. Однако мы хорошо знаем, что это только две абстрактные противоположности, которые сливаются в одно конкретно-диалектическое и качественно своеобразное единство, когда

сущность является, т. е. проявляется, а явление — существенно. Вот почему я не боюсь рассуждать и о бесконечности, которая для меня является такой же абстракцией, как и все конечное. На самом же деле конкретно это одно и то же.

Поэтому *Н. Ф. Овчинников* напрасно напоминает мне о том, что физики не знают никаких бесконечных скоростей и что максимальная скорость, которая им известна, — это скорость света. Да, для физиков это очень важно. Но что же поделать, если известная формула Лоренца — Фицджеральда требует мыслить и скорость больше скорости света? Только тогда получится, что объемы движущихся тел станут мнимыми величинами. И опять-таки эти мнимые величины пугают только физиков, а не диалектиков. Пространства Лобачевского и Римана тоже ведь казались многим в свое время результатом расстроенного воображения математиков. Да, кроме того, уже и в движении со скоростью света есть нечто более сказочное, чем бесконечность. Ведь по указанной формуле объем тела, движущегося со скоростью света, равен нулю. От этой сказки хотят отделаться указанием на то, что нулевые объемы тела представляются нам только на достаточно большом расстоянии, а фактически, дескать, даже и при световой скорости движения физическое тело все равно сохраняет свой нормальный объем. Однако такое рассуждение является жалкой попыткой субъективистской метафизики хвататься только за конечные объемы. Для диалектики важно здесь одно: при некоторого рода условиях тело может терять свой объем, а в других условиях снова его получать. Как это надо понимать физически — этому должны научить нас физики (только не при помо-

щи субъективистски-метафизических приемов мысли). А как это нужно *мыслить* — вот этому сами физики должны поучиться у нас, у диалектиков, хотя и без нас упомянутая формула Лоренца — Фицджеральда яснейшим образом показывает, как нужно мыслить этот нулевой объем тела.

Итак, ни бесконечность, ни нулевые или мнимые объемы тела не страшны для диалектики. Что же касается их физической реальности, то об этом должны судить сами физики. Только априори не говорите мне, что не существует никакой бесконечности и что мнимые величины — это просто несуществующие величины. Последнее утверждение просто безграмотно, так как, согласившись с ним, придется признать за бред и за сказку такой прекрасный отдел математического анализа, который называется теорией функций мнимого переменного.

В связи с этим я совершенно не согласен с *Н. Ф. Овчинниковым*, утверждающим: «Ведь бесконечное — это как раз то, что не имеет начала, середины и конца» (с. 291). Ясно, что он понимает под бесконечностью только потенциальную бесконечность, т. е. такую бесконечность, которую мы называем дурной. А ведь имеется еще актуальная бесконечность, в которой есть и начало, и середина, и конец — уже потому, что она содержит в себе ту или иную структуру. То, что математики называют «вполне упорядоченным множеством», и есть такая структурно-определенная бесконечность. Здесь я позволю себе привести грубейший пример, имея в виду не математически образованного *Н. Ф. Овчинникова*, но тех, кто оперирует такими сложными терминами, как «бесконечность»,

совершенно обывательски. Возьмем числа обыкновенного натурального ряда, в котором каждое число на единицу больше одного соседнего числа и на единицу меньше другого соседнего числа. Обычно так и думают, что все дело здесь только в счете отдельных целых единиц. Но есть ли что-нибудь между двумя рядом стоящими числами натурального ряда? Оказывается, что, например, между единицей и двойкой находится число, которое мы обозначаем как полторы единицы. А их мы можем разделить еще пополам, и вообще каждую возникающую половину мы можем делить до бесконечности и никогда не получим нуля. Но тогда всякий должен сказать, что между единицей и двойкой залегает целая бесконечность дробных чисел; при переходе от одного числа к другому в натуральном ряде мы забываем об этой бесконечности и фиксируем все эти числа так же четко и мгновенно, как счетовод на своих счетах.

Теперь я спрошу *Н. Ф. Овчинникова*: как же мне мыслить расстояние между единицей и двойкой, в виде ли мгновенного присоединения новой единицы к исходной или же в виде такой бесконечности дробных чисел, которую невозможно исчислить ни при каких временных условиях? Итак, для диалектики бесконечность может быть и просто единицей, и просто нулем, и вообще может иметь любую структуру. Конечно, я виноват в том, что не стал подробно развивать диалектическое учение о бесконечности и с достаточной ясностью не показал, как динамически понимаемое отрицание с логической необходимостью приводит и к понятию бесконечности, и к пониманию разных типов и структур бесконечности.

Я сожалею также о том, что не мог убедить *Н. Ф. Овчинникова* в диалектическом понимании границы. И здесь дело не в диалектике понятий, а в том, что он отрицает даже интуитивную диалектику границы. С моей точки зрения, окружность принадлежит не только кругу, но и окружающему фону, на котором мыслится круг, поскольку если нет фона для круга, то не существует и самого круга. Точно так же если окружность круга принадлежит только фону круга и в то же время не принадлежит самому кругу, то круг остается без окружности, т. е. становится немыслимым, непредставимым. Поэтому я считаю, что окружность круга есть диалектическое единство этих двух противоположностей — круга и окружающего.

Наконец, одним из важных замечаний *Н. Ф. Овчинникова* является то, что вместо моего метрического отрицания он требует признания организма, в котором мои три теоретических отрицания осуществились бы на материальном субстрате и тем самым сделали бы его организмом. Это совершенно правильно, хотя прежде чем говорить об организме, следовало бы сказать вообще о единораздельной цельности. Ведь если из живого организма удалено, например, сердце и после этого организм погиб, это значит, что сердце не есть просто часть организма, но в то же время есть и сам организм в своей субстанции, иначе с удалением сердца организм не погибал бы, т. е. это значит, что организм есть такая единораздельная цельность, которая в каждой своей части содержится целиком как субстанция.

Таким образом, речь идет о необходимости органической структуры мышления и необхо-

димости представления любой действительности как вообще органической единораздельной цельности. Во избежание некоторых трудностей я и заменил учение об органическом мышлении учением о биометрической основе, где, согласно моему воззрению, органически воплощаются три основных типа диалектического отрицания, которые сами по себе, без опоры на метрическую действительность, остаются слишком теоретическими. Поэтому немудрено, что мое понятие метрики оказалось для *Н. Ф. Овчинникова* «крайне неопределенным, чтобы не сказать малосодержательным» (с. 289). Да, в значительной мере это так.

Остальные вопросы, которых касается *Н. Ф. Овчинников*, имеют, как мне кажется, второстепенное значение.

Когда я говорю о наблюдении за поведением точки на прямой, то *Н. Ф. Овчинникову* такое наблюдение представляется слишком эмпирическим и слишком чувственно-наглядным (с. 284). Однако в отношении геометрических категорий ясно, что наглядность эта не просто чувственная, а еще и конструктивно-умственная.

Н. Ф. Овчинников высказывает недоумение по поводу того, как это у меня первые три типа отрицания «предшествуют» метрическому отрицанию (с. 163). Думаю, что речь здесь может идти только об абстрактно-логическом предшествовании. Дело в том, что все абстрактно-логические моменты, которые обсуждаются и излагаются во времени, в своем конкретно-диалектическом единстве вовсе не предшествуют один другому, а существуют одновременно, сливаясь в одно конкретное целое.

Мои слова о том, что действительность «объ-

ясняет» сама себя, *Н. Ф. Овчинников* понимает чересчур буквально, так что «объяснение» это представляется ему метафорой (с. 292). Я бы согласился с таким пониманием моих слов, если бы под метафорой не стал кто-нибудь понимать басенные примеры, когда стрекоза и муравей говорят человеческими голосами, а на самом деле баснописец вовсе так не думает. Поэтому объяснение действительностью самой себя я бы не называл метафорой, а признал бы его просто самоопределением и полной независимостью полагания своих структур от чего-либо другого, поскольку ничего другого, кроме действительности, вообще не существует.

Наконец, *Н. Ф. Овчинников* отказывается понимать, каким образом мышление является отражением действительности и в то же время продолжает быть самой же действительностью (с. 292—293). Я не буду вдаваться в эту интересную проблему, а укажу только на тот простой факт, что нередко сложнейшие математические уравнения, решаемые математиками без всякой подзорной трубы, приводят к выводам, которые с большой точностью объясняют действительность при характеристике небесных явлений. Я извиняюсь за слишком банальный пример — открытие Нептуна математическим путем, совершенное Леверье; от подобного рода примеров никуда не уйдешь. После этого не нужно удивляться тому, что мышление, которое является отражением действительности, а не самой действительностью, в то же время продолжает быть специфической действительностью, структурно оформленной и тем самым доступной для человека, захотевшего не только отражать ее, но и практически действовать.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ КАК ЗАКОН РАЗВИТИЯ

В. К. Бакшуттов

В большинстве выступлений участников нашего «круглого стола» закон отрицания отрицания рассматривается главным образом как закон развития. Авторы расходятся в деталях, в том, какие стороны развития охватывает этот закон. Понять всеобщий характер закона отрицания отрицания как закона всякого развития иногда мешает одностороннее представление о развитии только как о движении по восходящей линии. Нельзя согласиться с мнением *Л. Е. Даниленко* и *Ф. Н. Рекунова* о том, что является «необоснованным включение регресса в развитие» (с. 35). А разве регрессивное развитие не является фактом жизни живой природы и общества? Суженное понимание развития лишь как восходящего движения неизбежно ведет и к суженной трактовке действия закона отрицания отрицания.

Выражая сомнение во всеобщности действия закона отрицания отрицания, *Г. И. Бондарев* связывает его лишь с прогрессивным развитием и делает вывод о том, что закон отрицания отрицания не может быть всеобщим, так как прогрессивное развитие не является всеобщим (с. 118). Но закон отрицания отрицания — это не только закон прогрессивного развития, а закон *всякого реального развития*, за исключением таких абстрактных форм развития, которые

являются всецело лишь плодом человеческой мысли, но не существуют в реальной действительности, как, например, развитие в одной плоскости и развитие по кругу. Мнение о том, что функционирование живых систем — это круговой процесс обмена веществ и что общественный организм функционирует через круговой процесс воспроизводства материальных условий его существования, лишь очень грубо и, следовательно, неточно отражает реальные явления. В мире нет идеально круговых процессов. Даже планеты движутся не по кругу, а по эллипсу. Круговорот является не внутренней основой развития, а его внешним, поверхностным выражением. Внутренней же основой, главным стержнем всякого развития является необратимость. Представление же о том, что «процесс развития неотрывен от круговорота и поэтому всегда имеет спиралевидный характер» (с. 116), является неточным. Более правильной будет мысль, что процесс развития неотрывен от необратимости и в силу этого имеет спиралевидный характер. Ведь круговорот относителен, а необратимость абсолютна, как абсолютно движение и изменение. Поэтому по своей сущности и по своему объективному содержанию закон отрицания отрицания — это закон всякого развития, всеобщий, универсальный закон развития объективного мира.

Ближе всего к пониманию этой особенности закона отрицания отрицания подошел *А. Ф. Лосев*, связывающий этот закон с идеей становления. Диалектика отрицания в своей основе есть диалектика становления. Это хорошо показано в его выступлении на примере анализа аналитического, дифференциального и интегрального

отрицания, представляющих собой такую мысленную конструкцию, которая позволяет ближе всего подойти к пониманию реального, или, по терминологии А. Ф. Лосева, метрического, отрицания. А в становлении выражен дух реального отрицания, его диалектика. Становление же, замечает А. Ф. Лосев, «только потому и было возможно, что возникающая точка тут же, в самый момент своего возникновения, исчезала» (с. 162). Его идея «самодвижной действительности» (с. 167—168) тем и ценна для теории материалистической диалектики, что позволяет понять всеобщий характер действия закона отрицания отрицания не путем подбора примеров, дедуктивного распространения этого закона на различные сферы, а из самой действительности, ибо «подлинная... научная диалектика не знает ни только утверждения, ни только отрицания... не существует ни утверждения, ни отрицания, а только действительность» (с. 170).

Идея диалектики отрицания отрицания как становления упорно пробивает себе дорогу. Главным камнем преткновения, на наш взгляд, здесь остается понимание развития только как одного из видов движения. «...Развитие,— пишет В. С. Тюхтин,— не может, по-видимому, рассматриваться как атрибут материи... Движение присуще любым объектам, в любых условиях их существования, на сколь угодно малых и сколь угодно больших участках пространства и промежутках времени. Развитие же не обладает всеми этими характеристиками»¹. Почему

¹ Тюхтин В. С. Материалистическая диалектика и проблема направленности развития.— Вопросы философии, 1981, № 1, с. 85.

же не обладает? Только потому, что обнаружить проявление развития, сдвиг фаз в кажущемся круговращении материальных объектов не всегда удастся с помощью имеющихся ныне в руках человека инструментов познания? Этот сдвиг, как отмечает в своем выступлении *А. Ф. Лосев*, на первых порах близок к нулю, но «ни в коем случае не есть нуль... этот сдвиг есть нечто; и это приращение есть какая-то новизна» (с. 154, 155). Развитие обладает всеми свойствами движения и еще некоторыми дополнительными свойствами, которых нет у движения. Развитие богаче, содержательнее движения. Это реальный атрибут материи, феномен самой действительности.

Исследование диалектики отрицания отрицания на нынешнем этапе развития теории материалистической диалектики, как справедливо отмечается в выступлениях *В. В. Орлова* и *Г. И. Бондарева*, во многом зависит от состояния теоретической разработки, понимания и трактовки категории развития. Различная интерпретация ими этой категории неизбежно ведет к разному пониманию сущности, содержания и сферы действия закона отрицания отрицания. В центре внимания здесь оказался спор о том, сколько существует основных направлений развития: два — восходящее и нисходящее — или помимо этого есть третье — одноплоскостное развитие? Отстаивая идею трех направлений развития, *Г. И. Бондарев* заявляет, что «и в неживой, и в живой природе подавляющее большинство процессов развития являются именно одноплоскостными» (с. 196). В подтверждение своего тезиса он приводит пример появления новых видов в классе насекомых.

Однако появление нового вида — это всегда какой-то сдвиг в эволюционном процессе, даже если этот вид принадлежит к тому же уровню организации, имеет ту же органическую структуру. Сдвиг может выражаться в создании внешне ничем не фиксируемой новой функциональной системы. Изменения эти могут вести к преобладанию прогрессивной или регрессивной тенденции развития. Одна из них может преобладать в одно время, другая — в другое. Но жизнь никогда не стояла на месте и не может застыть в одноплоскостном развитии.

Движение в одной плоскости — вещь теоретически допустимая. Развития же в одной плоскости в реальной действительности не существует. Развитие всегда идет откуда-то и куда-то. Понятие об одноплоскостном развитии всего лишь абстракция, пригодная для выражения какого-то отдельного отрезка развития, на протяжении которого не удастся зафиксировать реально существующее направление. Но между двумя основными направлениями лежит бесчисленное множество видов развития, тяготеющих к тому или другому направлению. Разные типы прогресса — это и разные направления прогрессивного развития. То же самое можно сказать и о регрессе. А это и означает многонаправленность развития в объективном мире. Приводя слова Ф. Энгельса о том, что природа «движется не в вечно однородном, постоянно снова повторяющемся круге, а переживает действительную историю»¹, Г. И. Бондарев в конечном счете приходит к выводу, что «мир в целом развивается в одной плоскости» (с. 199).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 205.

Но из приведенной цитаты скорее можно сделать обратный вывод. Ф. Энгельс выступает здесь против мысли об одноплоскостном развитии или развитии по кругу, отстаивая идею поступательного развития, ибо действительная история — синоним реального развития. «Итак, — заключает он, — точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»¹. Здесь можно найти и ответ на вопрос, почему современная наука установила два, а не три основных направления развития.

Идея одноплоскостного развития, по существу, содержалась уже в учении о вечном возвращении Ф. Ницше. «Кто не верит в круговой процесс вселенной, — писал он, — тот должен верить в самопроизвольное божество, так обуславливается мое созерцание в противоположность всем теистическим, какие только были известны до сих пор... Не станем утверждать, что у вселенной есть какая-либо тенденция для достижения каких-нибудь определенных форм, что она будто хочет сделаться прекраснее, совершеннее, сложнее! Это все антропоморфизм... Для механики не существует ничего несовершенного. Все возвратилось снова: Сириус и паук, и твои мысли в эту минуту, и та твоя мысль, что все возвращается»². Здесь та же односторонность, что и в идее одноплоскостного развития.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 205.

² Ницше Ф. Собр. соч. М., 1902, т. 8, с. 231, 235.

Но в реальной жизни периодичность неразрывно связана с поступательностью. Одноплоскостной характер, абсолютная периодичность, как и идеальный круговорот, — это крайние, экстремальные случаи реальных процессов. Они возможны только как идеальные модели.

В идее одноплоскостного развития борьба противоположностей, по существу, происходит на периферии и является не источником развития, а элементом, сопутствующим развитию в одной плоскости, которое поглощает собой прогрессивное и регрессивное развитие. Закон отрицания отрицания выступает при этом лишь частным случаем спиралевидности развития; в мире же господствует цикличность одноплоскостного развития.

Отстаивая мысль Ф. Энгельса о двух направлениях развития, *В. В. Орлов* непосредственно связывает теорию развития с законом отрицания отрицания. Введение третьей формы развития — одноплоскостного, или нейтрального, — равноценной прогрессу и регрессу, действительно приводит к игнорированию реально существующего раздвоения единого на противоположные стороны. К сказанному *В. В. Орловым* следует добавить, что закон отрицания отрицания как закон всякого реального развития существует не в стороне от других основных законов диалектики, а в единстве с ними и строится на основе тех же основных элементов. Борьба и единство противоположностей, взаимопереход количественных и качественных изменений проявляются в законе отрицания отрицания как общее развитие двух противоположных тенденций — восходящей и нисходящей. Поэтому три основных закона диалектики — это,

по существу, три момента, три стороны одного и того же процесса развития. Признание закона отрицания отрицания законом *всякого реального развития* кладет конец многолетним спорам о статусе этого закона, о его всеобщности.

Закон отрицания отрицания как закон всякого реального развития позволяет увидеть, что категории количества и качества соотносятся не только как однопорядковые, но и как разнорядковые. Категория «количество» сопряжена с категорией «движение», с понятием сохранения материи и энергии; она отражает статику Вселенной. В этом смысле Вселенная всегда равна себе. Категория «качество» сопряжена с категориями «развитие», «становление», «саморазвитие». Развивая функциональную теорию происхождения жизни, П. К. Анохин писал: «Анализ организма как функциональной системы убедил нас в том, что субстратная точка зрения на происхождение жизни совершенно недостаточна. Ее недостаточность проистекает прежде всего из того, что любая форма живого представляет собой всегда динамическую организацию с чертами самоорганизации. Из этого следует, что вопрос о теориях происхождения жизни на Земле должен быть поставлен в принципиально другом и более остром плане: что чему предшествовало, то есть что появилось прежде: организация или специализированная материя? А не воспиталась ли специализированная материя в «люльке» примитивной организации, находившейся на границе неорганического и предбиологического?»¹. Как видно

¹ Ленинская теория отражения и современная наука. Том 1. Отражение, познание, логика. София, 1973, с. 117.

из этого, прыжок в новое качество есть развитие путем возникновения новых отношений между прежними количественными образованиями. Качество характеризует момент непрерывности развития, а количество — момент дискретности. Человеческому сознанию всегда было легче фиксировать второе, чем первое. Устойчивость количественных отношений «скрывала» от человека неустойчивость качественных образований, внешнее заслоняло внутреннее, движение скрывало развитие, противоречие заслоняло отрицание. Закон отрицания отрицания помогает сознанию прорваться через барьеры количественной устойчивости явлений в мир качественной изменчивости, в мир непрерывного развития.

У Г. И. Бондарева вызывает удивление мысль о том, что «человеческое мышление до сих пор еще не усвоило идею *качественной* бесконечности Вселенной, не свыклось с реально существующей бесконечностью качественного изменения материи в пространстве и времени» (с. 80, 189). Положение о неисчерпаемости материи, ее бесконечном развитии — важнейшее положение диалектического материализма, но оно требует известной конкретизации применительно к действию закона отрицания отрицания и прежде всего ответа на вопросы: почему материя неисчерпаема? Почему развитие и отрицание бесконечны? При первом же подходе к ответам на эти вопросы становится понятно, что современный человек мыслит неисчерпаемость чаще всего как очень большую множественность, а бесконечность — как очень большую протяженность. В этом сказывается миллиарды раз закрепленный в сознании опыт действия с

конечными, ограниченными количественными величинами. Задача философской науки в этой области — сделать более содержательным мышление современного человека о качественной бесконечности мира, о единстве в многообразии, о развитии в процессе последовательных качественных скачков в соответствии с законом отрицания отрицания.

Г. И. Бондарев не соглашается с мыслью о том, что человеческий ум рожден и вышколен в течение многих тысячелетий в лоне формально-логического мышления. По его мнению, сознание есть отражение мира, который является не только устойчивым, но и изменчивым, развивается по законам диалектики, а потому оно не может не носить диалектического характера. Если следовать этой логике, то надо отрицать не только господство формально-логического, но и мифологического, религиозного мышления в различные периоды человеческой истории. Но генезис развития самих форм мышления носит диалектический характер, проявляясь как действие закона отрицания отрицания в сфере субъективной диалектики. Мир реальной действительности постоянно развивается, но это развитие отражается в сознании не сразу, а по мере накопления опыта, развития познания.

В природе нет ни вечных миров, ни вечных законов. Возьмем биологическую природу. Можно ли с уверенностью утверждать, что биологические законы существовали на Земле до появления жизни и будут существовать после того, как она исчезнет? Новые законы появляются не только в социальном и биологическом мире, но и в космических мирах, изменение ко-

торых ведет к изменению и развитию их объективных законов. И на исключительность здесь не могут претендовать ни законы логики, ни законы диалектики. Другое дело, что ум человеческий пока не в состоянии охватить их развитие. Однако, на мой взгляд, не исключено, что когда-нибудь исследование развития законов вообще и законов диалектики в частности станет насущной потребностью развития науки и практики.

Закон отрицания отрицания полнее, чем другие законы диалектики, отражает не только преходящий характер различных явлений, но и исторический характер объективных законов развития природы, общества и мышления. Объективность этих законов включает в себя момент абсолютности, но не сводится к ней. Объективное содержание всякого закона — развитие самой действительности. Абсолютность закона гарантирует вещам их существование в данном качестве, относительность же создает условия для их изменения и развития. Отрицание, таким образом, и здесь является источником развития. Диалектика отрицания отрицания позволяет увидеть момент относительного во всяком законе. Закон отрицания отрицания — это закон всякого развития, в том числе и развития объективных законов природы, общества и мышления.

Г. И. Бондарев полемизирует с мнением о том, что «как методологический принцип, необходимый для эффективной деятельности в сфере современного научного познания, закон отрицания отрицания может иметь сколько-нибудь важное значение лишь при условии, если он рассматривается как закон всякого разви-

тия, как один из всеобщих законов материалистической диалектики» (с. 73). Он считает, что «здесь все поставлено с ног на голову. Ведь содержание законов определяется отнюдь не тем, как мы желаем их использовать в качестве методологических принципов; это содержание объективно, и из него вытекает методологическое значение законов» (с. 190). Но объективный характер содержания закона отнюдь не ведет автоматически к использованию его в качестве методологического принципа. В том и состоит одна из задач теории материалистической диалектики, чтобы раскрыть методологические возможности законов диалектики. Никто не спорит, что содержание их объективно, но это объективное содержание ни на шаг не подвигает нас вперед без субъективной диалектики, диалектики мышления, без оперирования понятиями, категориями. Это содержание должно стать принципом научной деятельности, познания и изменения мира вещей и явлений. Наша дискуссия не имела бы никакого смысла, если бы в ходе ее мы не вырабатывали методологические принципы и приемы познания и изменения действительности. Как методологический принцип закон отрицания отрицания при правильном его понимании действительно играет конструирующую роль в познании и изменении действительности. Цель нашей дискуссии не в том, чтобы искать приемлемые границы действия этого закона, а в том, чтобы еще полнее выявить его эвристические возможности как одного из основных законов диалектики. Исследование содержания законов диалектики не самоцель, а средство разработки научной теории диалектики и формирования диалектического мышле-

ния, для чего и необходимо изучение методологических функций этих законов.

По мнению *Г. И. Бондарева*, «утверждать, что понимание обмена веществ в живом организме или воспроизводства материальных условий жизни общества в качестве круговых процессов есть очень грубое и неточное отражение реальных явлений, значит идти против фактов» (с. 196—197). Действительно, в любом учебнике по биологии говорится о круговороте веществ в природе, в политэкономии идет речь о товарообороте, в астрономии — о круговращении небесных тел. Можно привести множество фактов, когда люди выражают идею о существовании развития по кругу. Эта идея отражает реальность неточно, неполно, с погрешностями, вполне допустимыми при решении многих повседневных практических задач. Ведь в природе и обществе нет ни одного идеального движения по кругу. Научная теория диалектики исследует действительное развитие, и фактом для нее является не упоминание о круговоротах в учебниках, а их отсутствие в идеальном виде в самой действительности. В реальной действительности нет ни одного факта абсолютного круговорота, все круговороты относительны. Круговорот функционирования вещи всегда есть такой процесс ее постоянного воспроизведения, где совершается ее обновление, «возврат якобы к старому (отрицание отрицания)»¹. Поэтому признание относительности круговорота в реальной действительности является необходимой предпосылкой для признания абсолютности развития и всеобщности действия закона отрицания отри-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

цания. Абсолютное воспроизведение, движение в одной плоскости — это не развитие, не изменение, а движение из ниоткуда в никуда, движение на месте. Такое движение может существовать только в абстракции, но не в реальной действительности.

Анализируя биологические ритмы в свете теории отражения, А. С. Кардашева заключает, что здесь «мы имеем дело с «восходящей», спиралеобразной ритмичностью, потому что каждая новая волна, период или цикл означает не простое повторение, а выражение чего-то достигнутого. Возвращается хотя и тот же самый, но все-таки обновленный признак. Таким образом, ритмическая структура времени олицетворяет развитие и оказывается причастной к закону «отрицания отрицания»¹. Правильность этого естественнонаучного факта, видимо, уже не может вызывать сомнения. Возникновение функциональных систем и опережающего отражения в процессе зарождения жизни на Земле оказалось бы невозможным, если бы в неживой природе совершался абсолютный круговорот или происходило движение в одной плоскости. Господствующая, хотя и глубоко скрытая и слабо проявляющаяся на поверхности явлений, тенденция отклонений от ритма и круговорота — спиралеобразная ритмичность — диктовала условия биологического отражения. Качественный скачок от неживого к живому — это переход от одного типа развития к другому. При этом темпы изменений в процессе биологического развития оказались в миллиарды раз быстрее, чем

¹ Ленинская теория отражения и современная наука. Том 2. Теория отражения и естествознание. София, 1973, с. 260.

в неживой природе. Но если спиралеобразная ритмичность наиболее ярко проявляется в развитии живой материи и общества, то это вовсе не значит, что ее нет в неживой природе. Здесь ее труднее обнаружить, ибо она качественно отличается от подобной ритмичности в живой природе, но признание ее отсутствия равносильно признанию мертвой материи, которая не может породить ничего живого без внешнего толчка. В действительности же различные формы спиралевидной ритмичности присущи всякому развитию материи, и, следовательно, закон отрицания отрицания — это закон всякого развития.

Г. И. Бондарев считает, что «выводить абсолютность необратимости из абсолютности движения, изменения... нельзя, так как движению, напротив, присуща обратимость» (с. 197). Но, во-первых, у меня нигде нет этого выведения абсолютности необратимости из абсолютности движения, а только отмечается, что необратимость абсолютна, как абсолютно развитие. Абсолютность необратимости делает ее сердцевиной всякого развития. Во-вторых, закон отрицания отрицания отражает эту абсолютность необратимости, говоря о возрождении явления не на прежней ступени развития, а на более высоком уровне, когда речь идет о прогрессивном развитии, или на более низком, когда имеет место реставрация, вырождение, редукция.

Характеризуя методологическое значение закона отрицания отрицания, участники «круглого стола» чаще всего обращают внимание на факты удержания положительных моментов в процессе диалектического развития, причем некоторые из них вообще связывают действие этого закона только с прогрессивным, восходящим

развитием, а не с развитием вообще. Но закон отрицания отрицания, объективно являющийся законом всякого развития, имеет важное методологическое значение не только для научного познания прогрессивных, восходящих явлений в природе и общественной жизни. Не менее важна эвристическая роль этого закона и при исследовании нисходящих, затухающих ветвей: реставраций, возвратов к исторически изжившим себя явлениям. Как известно, возрождение устаревшего, изжившего себя в процессе исторического развития — нередкое явление. Идеологи реакционных классов довольно часто выдают такого рода «возрождение» за движение вперед, за признак восходящего развития, скрывая попятный, реакционный характер подобных реставраций. Выражая спиралевидный, циклический характер развития, закон отрицания отрицания отражает как процесс возрождения в ходе революционной практики, так и процесс возврата к старому в ходе реставрации, когда реакционное, «устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм»¹. Методологическое значение закона отрицания отрицания применительно к данному типу развития состоит в том, что он позволяет увидеть действительное содержание того или иного возврата к прежнему.

При анализе социальных явлений этот закон позволяет понять, что возможен двойкий возврат к прошлому. Это может быть возврат как возрождение прежнего принципа, который в новых условиях наполняется новым прогрессивным содержанием (ренессанс), и возврат как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 279.

утрата прогрессивного принципа и возрождение прежних явлений, лишенных былого прогрессивного или революционного содержания (реставрация).

Методологическое значение закона отрицания отрицания для научного познания и практики неразрывно связано с признанием всеобщего характера основных законов диалектики. Закон отрицания отрицания как всеобщий закон всякого развития не только охватывает все сферы действительности — природу, общество и мышление, но и действует всегда в неразрывной взаимосвязи с другими законами диалектики. Именно потому, что «законы диалектики раскрывают черты единого процесса развития, нельзя противопоставлять одни законы другим, вырывать их из системы диалектических законов и тем более «не признавать» тех или иных законов»¹. Для правильного понимания методологической роли закона отрицания отрицания как закона всякого развития важное значение имеет выдвинутая *Б. М. Кедровым* идея об интегральном характере этого закона². Основные законы диалектики действуют везде и всегда. Но у каждого из них это действие проявляется по-своему. Закон отрицания отрицания в силу своей интегральности является наиболее сложным из всех законов диалектики. Для того чтобы понять всеобщий характер его действия, необходима большая сила абстракции, чем для понимания всеобщности действия других законов. Способность отличать действие от проявления этого действия требует довольно высокого уровня развития диалектического мышления. Сколь-

¹ Коммунист, 1973, № 18, с. 97.

² См.: Коммунист, 1956, № 13, с. 73.

зя по поверхности вещей и явлений, привязывая философскую мысль лишь к фактам проявления отрицания отрицания в природе, обществе или мышлении, мы неизбежно сводим объективный закон к произвольным установкам познающего субъекта.

Иногда высказывается мнение, что может быть два варианта непризнания всеобщности закона отрицания отрицания: «пространственный» и «временной». В первом случае утверждается, что он проявляется не везде, во втором — что он проявляется не всегда, причем не учитывается, что это существенно различные точки зрения. Непризнание всеобщности закона отрицания отрицания в «пространственном» смысле носит радикальный характер. В этом случае получается, что будто бы в действительном мире имеют место процессы, где закон отрицания отрицания вообще не действует. Такая позиция означает, по сути дела, отказ от одного из основных законов материалистической диалектики.

И совсем другое дело, когда дается более детальное исследование содержания рассматриваемого закона и проводится различие между действием закона и его проявлением во времени. В этом случае подчеркивается, что всякий закон, в том числе и закон отрицания отрицания, выражает сущность явления. Но в процессе развития сущность остается и, соответственно, закон сохраняет свое действие, хотя и не всегда в тот или иной момент времени может предстать в качестве непосредственно наблюдаемого явления. Так, физический закон тяготения в состоянии невесомости не проявляется. Но это не означает, что в данном состоянии он не дейст-

вует. Аналогично закон отрицания отрицания действует и тогда, когда, скажем, в примере с зерном оно только начинает прорасти, но еще не наступило время второго отрицания, в результате которого из одного зерна вырастает полновесный колос. Уверенность во всеобщем характере действия этого закона дает основание направлять нашу практическую деятельность по пути активного формирования условий для более полной и плодотворной реализации его проявления.

Таким образом, закон отрицания отрицания действует и на стадии подготовки второго отрицания, но проявляет он себя только с того момента, когда это второе отрицание наступает. Точно так же закон перехода количества в качество действует на всем протяжении процесса развития, включая и период подготовки скачка, но проявляет он себя лишь с того момента, когда начинается явный переход количества в качество. Поэтому нет оснований утверждать, что эти законы не обладают признаком всеобщности, поскольку они якобы являются не всеобщими во времени. Нельзя также согласиться и со стремлением ограничить действие закона отрицания отрицания различными ссылками на его специфику, рассмотрением его лишь как частного случая проявления закона единства и борьбы противоположностей¹.

Ядро закона отрицания отрицания определяется В. И. Лениным как «возврат якобы к старому». Повторяемость, спиралевидность, преемственность и другие элементы вращаются вокруг этого ядра, составляющего действительную

¹ См.: Глядко В. А. Закон отрицания отрицания. М., 1982, с. 73—74, 78—79, 165, 166.

суть закона отрицания отрицания как закона всякого изменения и развития. Всеобщность данного закона вытекает не из каких-то второстепенных черт диалектики, а из фундаментальных свойств бытия материи — движения и развития.

Все попытки установить между основными законами диалектики отношения субординации, подчинения одного закона другому, бóльшую фундаментальность или общность одних законов по сравнению с другими до сих пор не получили строго научного обоснования, ибо это попытки навязать реальной действительности модель, присущую мышлению. Но диалектика — учение о всяком развитии. Каждый из основных законов диалектики отражает какой-то специфический момент любой формы развития. Между основными законами диалектики в полной мере осуществляется принцип: всё во всём, но особым образом. Развитие через противоречие содержится в законе отрицания отрицания, но не выражает его сути, а выражает суть закона единства и борьбы противоположностей. Развитие через противоречие содержится в законе перехода количественных изменений в качественные, но суть этого закона — в развитии путем скачка. Суть закона отрицания отрицания — в развитии путем «возврата якобы к старому».

Противоречие, скачок и возврат — вот три момента, присущие всякому развитию и всем трем основным законам диалектики. Но в каждом из них только один из этих моментов является доминирующим и выражает суть, ядро данного закона. Два других момента служат лишь условием, предпосылкой для действия доминирующе-

го момента в том или другом законе. При таком подходе становятся излишними споры о меньшей или большей общности и фундаментальности основных законов диалектики.

Непоследовательность и путаница, связанные с определением места закона отрицания отрицания, имеют свои корни. Сложность этого закона диалектики, его чрезвычайная абстрактность не позволяют раскрыть его сущность на элементарном примере с зерном. Здесь любой отдельный пример сильно хромает. Поэтому особо важное значение в данном случае приобретает не только правильность мыслительных операций, но и четкость выражения абстрактных понятий и представлений. От этого во многом зависит плодотворность наших споров, их эвристические результаты.

Идея об интегральном характере закона отрицания отрицания получила дополнительное обоснование в выступлениях *Б. М. Кедрова* за нашим «круглым столом». Однако некоторые верные в своей основе, но недостаточно четко выраженные идеи, содержащиеся в его первом выступлении, могут привести к недоразумениям. Так, рассматривая процесс социального развития, он говорит, что, «несмотря на реальное наличие пяти звеньев, развитие все же можно... свести к триадности» (с. 17). Видимо, здесь точнее было бы сказать, что в нем можно обнаружить и столь же реально существующую триадность. Подобная же неточность в формулировке имеет место при характеристике ряда химических элементов, состоящего из девяти членов, который «мы можем представить... в виде триады» (с. 18). Лучше сказать, что здесь мы также можем обнаружить реально

существующую триадность. Все это логически вытекает из его же более общего заключения о том, что закон отрицания отрицания «действует в ходе всего процесса развития» (с. 12).

Уточнение в ходе спора наших собственных позиций и формулировок должно помочь уяснению действительной сущности и содержания закона отрицания отрицания как одного из основных законов материалистической диалектики. Все попытки сузить сферу действия этого закона, поставить под сомнение его всеобщий характер, независимо от субъективных причин, порождающих такие попытки, объективно ведут к принижению революционизирующей роли диалектики в современном мире.

Интегральный характер закона отрицания отрицания — это не его внешнее выражение или формальное отличие от других основных законов диалектики, а его наиболее существенное внутреннее свойство, определяющее его главную особенность. Закон этот выражает не какую-то отдельную сторону, вид или форму развития, а характеризует всякое развитие в его целостности, позволяет разобраться в различных его формах и типах. Закон отрицания отрицания внутренне связан с законами единства и борьбы противоположностей и перехода количественных изменений в качественные. Он логически завершает систему законов диалектики, суть которой — «превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего — отрицание отрицания»¹. Вместе с тем закон отрицания отрицания позволяет лучше видеть действительное направление

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 144.

развития, отличать прогрессивное от реакционного, революцию от реставрации.

Идеологи гибнущих классов пытаются фальсифицировать законы развития объективного мира, и прежде всего законы материалистической диалектики, особенно в той части, которая касается их практического значения, мировоззренческо-методологических выводов. Одной из главных социальных причин неприязни идеологов всех отживающих сил к законам диалектики является их революционно-преобразующий характер. «В своем рациональном виде,— писал К. Маркс,— диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

ЛОГИКА ПОНЯТИЙ
И ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ
(Вместо заключительного слова)

В. А. Лекторский

По условиям дискуссии я не собираюсь подводить ее содержательные итоги: давать оценки выступлениям участников, присоединяться к одной из защищаемых позиций и критиковать другие и т. д. Дело в том, что спор этот не закончен, и я не хотел бы каким-либо образом «закрывать» его. Свою задачу я вижу в том, чтобы высказать определенные соображения относительно характера и смысла данного диспута, а также перспектив дальнейшего обсуждения того вопроса, которому посвящена настоящая книга.

Дело в том, что в нашей философской литературе накопилось немалое количество важных и актуальных проблем, в подходе к которым и в решении которых существуют различные точки зрения. В самом этом факте, разумеется, нет ничего плохого. Более того, это естественная особенность всякой развивающейся теоретической дисциплины. Однако существование разных подходов к тем или иным проблемам может быть фактором действительного развития знания лишь в том случае, когда в полном соответствии с принципами диалектики противостоящие друг другу точки зрения¹ действительно сталкиваются

¹ Разумеется, речь идет лишь о таких точках зрения, которые находятся в рамках марксистской философии, т. е. носят научный характер.

ся и когда в результате этого возникает новое знание, вследствие чего вся система знания поднимается на новый уровень, а проблемное поле расширяется и углубляется.

Таким образом, теоретическая полемика, диспуты, дискуссии — необходимое условие развития научного знания (правда, условие это недостаточное, о чем я скажу несколько позже). Между тем в последние годы споры по многим острым вопросам теории материалистической диалектики ведутся как-то вяло, а иной раз и вообще гложут. Несколько лет тому назад мы под руководством *Б. М. Кедрова* попытались создать необычную для нашей философской литературы книгу — своеобразный «круглый стол». Темой дискуссии была выбрана проблема диалектического противоречия¹. Судя по отзывам, появившимся в печати, эта книга привлекла внимание нашей философской общественности. Сейчас предпринята попытка обсудить в рамках одной книги различные точки зрения на проблему диалектики отрицания отрицания.

В обсуждении данной проблемы имеется большой смысл, который определяется не только существованием разных точек зрения по этому вопросу (в чем можно убедиться, читая настоящую книгу). Главное состоит в том, что вопрос о диалектике отрицания, о месте закона отрицания отрицания в системе других законов и категорий материалистической диалектики самым непосредственным образом связан с пониманием центральной для диалектики проблематики развития.

А эта проблематика во всем своем многообра-

¹ См.: Диалектическое противоречие. М., 1979.

зии становится все более актуальной как для понимания процессов, происходящих в природе, так и для философского осмысления социально-исторической действительности и развития научного познания. Развертывание научно-технической революции, строительство развитого социалистического общества со всей остротой ставят проблемы анализа критериев и показателей развития и прогресса, проблемы предвидения будущего состояния сложных социальных систем. С другой стороны, проблематика эволюции, развития стала ныне весьма актуальной и для тех наук (в частности, наук о неживой природе), в которых она до недавнего времени не разрабатывалась. Необходимость нового осмысления мировоззренческо-методологической проблематики теории развития обуславливается также интенсивным проникновением в современную науку методов системно-структурного исследования, что иной раз истолковывается как нечто находящееся в противоречии с методом диалектико-материалистического исторического анализа или даже исключаящее его.

Вопросы диалектической теории развития, в частности касающиеся развития разных типов организованных структур, критериев развития, его направленности, взаимоотношения движения, прогресса и т. д., находятся ныне в центре внимания многих советских философов. С другой стороны, в разработке проблем методологии науки центральное место принадлежит сегодня исследованию диалектики развития научного знания. Марксистский анализ диалектического взаимоотношения логики «ставшего» знания и логики творческой конструктивной деятельности; генезиса, структуры и развития научной

теории; непрерывности и прерывности в развитии познания; научной революции, конфронтации и синтеза теорий в процессе развития знания — весь этот комплекс проблем интенсивно исследуется советскими учеными.

Однако невозможно понять процесс развития в объективном мире и в человеческом познании, нельзя ответить на указанные вопросы до тех пор, пока не выяснено действие самого механизма развития. А закон отрицания отрицания как раз и характеризует важную сторону этого механизма.

Между тем уже по вопросу о том, следует ли считать закон отрицания отрицания всеобщим (т. е., по сути дела, по вопросу о том, является ли он законом диалектики), существуют в нашей литературе взаимоисключающие точки зрения. Очевидно, что в зависимости от понимания диалектики отрицания отрицания, ее места в системе других законов и категорий материалистической диалектики (например, в зависимости от того, считать ли отрицание отрицания самостоятельным законом или же просто следствием либо формой выражения закона единства и борьбы противоположностей; всеобщим законом бытия и познания или же только законом познания и т. д.) будет по-разному пониматься и само развитие, его формы и типы.

С другой стороны, нельзя обсуждать диалектику отрицания отрицания в изоляции от целого ряда других вопросов. Речь идет, в частности, о том, что такое развитие и можно ли считать его всеобщим атрибутом материи; как соотносятся движение, развитие, прогресс, регресс, спиралевидность, цикличность, повторяемость и т. д. Не случайно участники данного

обсуждения для обоснования своих позиций по вопросу о диалектике отрицания отрицания вынуждены рассматривать ряд проблем, связанных с пониманием диалектических противоречий, взаимоотношений количественных и качественных изменений, диалектики становления, вещи, процесса, границы, конечного и бесконечного, обратимого и необратимого, циклического и развивающегося, сущности и явления, анализа и синтеза, абстрактного и конкретного и т. д. Это не следует считать уходом дискуссии в сторону от рассматриваемого вопроса. Именно в этом, по моему мнению, показатель того, что спор ведется не формально, а по существу. Речь идет не просто о разном понимании того или иного тезиса, а о различных трактовках целого комплекса содержательных проблем, относящихся к представлению о механизмах, формах и типах развития.

Как видим, спор ведется достаточно остро. Различные позиции резко сталкиваются друг с другом. Каждый из участников диспута получил возможность не только изложить и аргументировать свой подход, но и дать критику других позиций, а также ответить на критику в свой адрес. В результате дискуссии действительные различия точек зрения не только четко выявлены и зафиксированы, но и достаточно детально обсуждены. Критически проанализирована аргументация, выдвигаемая каждым из участников диспута. Читатель имеет возможность сравнить разные точки зрения, оценить силу выдвигаемых аргументов.

Разумеется, различие сталкивающихся в споре позиций не означает, что точки зрения, защищаемые его участниками, не имеют между

собой ничего общего. Все авторы книги — марксисты, и они, естественно, стремятся исходить из принципиальных высказываний классиков нашей философии. Все участники дискуссии признают, что отрицание отрицания характеризует существенную сторону процессов развития и что поэтому категория отрицания и закон отрицания отрицания занимают важное место в системе материалистической диалектики. Почти все авторы книги (за немногими исключениями) согласны с тем, что отрицание отрицания характеризует не только преемственность в процессе развития, но и определенную повторяемость в этом процессе, «возврат якобы к старому» и что поэтому триадичность включается в отрицание отрицания как его существенная сторона. (Это, на мой взгляд, важная особенность данного обсуждения, отличающая его от некоторых других, имевших место в недавнем прошлом.)

Но далее начинаются разногласия.

Ряд участников диспута (*В. К. Бакшугтов, Б. М. Кедров, В. В. Орлов, В. И. Свидерский* и другие) обосновывают тезис о всеобщности закона отрицания отрицания как выражении существенных характеристик развития в природе, обществе и мышлении. Другие (*Г. И. Бондарев, Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов*) не считают этот закон всеобщим, ограничивая сферу его действия лишь прогрессом и подчеркивая, что развитие не сводится к прогрессу, а включает в себя также и регресс. Третьи (*В. Л. Обухов*) считают отрицание отрицания лишь всеобщим законом развития познания, а не самой объективной действительности. Но дискуссия идет не только вокруг вопроса о сфере действия

обсуждаемого закона. Споры вызывают и многие другие аспекты этой проблемы, непосредственно связанные с пониманием природы отрицания отрицания и механизмов его функционирования. В этом случае границы дискуссии проходят уже иначе. Так, признание прогресса и регресса в качестве разных, но в одинаковой мере важных линий развития объединяет столь различные позиции, как позиции *Г. И. Бондарева*, *Л. Е. Даниленко*, *Б. М. Кедрова*, *Ф. Н. Рекунова* и других, и вместе с тем отделяет их от точки зрения *В. В. Орлова*, который пытается отождествить развитие с прогрессом, включив в него регресс в качестве подчиненного момента (некоторые участники дискуссии наряду с прогрессом и регрессом выделяют третий вид развития — так называемое одноплоскостное развитие). Обсуждаются и вопросы, связанные с пониманием взаимоотношения закона отрицания отрицания и других законов диалектики. Большинство авторов отводит самостоятельное место закону отрицания отрицания, — правда, несколько различно понимая его отношение к другим законам диалектики (в этой связи мне представляется оригинальным взгляд *Б. М. Кедрова* на обсуждаемый закон как на «интегральный» в отличие от других законов диалектики). Вместе с тем некоторые участники дискуссии считают возможным свести закон отрицания отрицания к другим, по их мнению, более фундаментальным. Согласно *Г. И. Бондареву*, отрицание отрицания является частным случаем спиралевидности как всеобщего закона развития. По мнению *В. И. Свидерского*, в основе отрицания отрицания лежит более общий диалектический закон единства тенденций неравно-

мерного, одностороннего и равномерного, все-стороннего развития явления при определяющем характере последней тенденции. *В. Л. Обухов* считает, что отрицание отрицания — это лишь своеобразная форма проявления в познании действия закона единства и борьбы противоположностей. Целый ряд вопросов обсуждается в связи с анализом разных типов отрицания и их взаимоотношения с отрицанием отрицания (полемика *А. Ф. Лосева, В. Д. Морозова, Н. Ф. Овчинникова, Ю. А. Харина*).

Возникает законный вопрос: а что же дальше? Ограничиться наличием различных позиций и систем аргументов?

Столкновение разных подходов, конечно, необходимое условие прогресса науки. Однако если в результате подобной конфронтации не происходит приращения знания, не появляется возможности для изучения проблем на новом, более высоком уровне, такая дискуссия не продвигает вперед рубеж исследования. Мне представляется, что ценность данного обсуждения состоит прежде всего в том, что оно, выявив и четко зафиксировав разные подходы, стимулирует анализ диалектики отрицания отрицания на новом уровне и в иной, более широкой перспективе.

Плодотворность того или иного понимания отрицания и отрицания отрицания в конечном счете определяется возможностью теоретической разработки такого представления о развитии, которое давало бы конкретное философское осмысление многообразных реальных процессов развития. Именно с этим имеют дело современная наука и социальная практика. Важно подчеркнуть, что речь идет не о приведении

отдельных примеров (такие вырванные из контекста примеры можно подобрать в пользу почти каждой из защищаемых точек зрения), а о философском анализе достаточно представительного массива научного знания и фактов социальной практики, т. е. такого материала, который действительно связан с генеральными линиями развития природы, общества и познания.

Разумеется, работа по выяснению взаимоотношения разных категорий и понятий исключительно важна, и без нее философское исследование просто невозможно. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что логический анализ связи разных категорий, построение той или иной теоретической конструкции, формулирование определений и т. д.— все это обнаруживает свою плодотворность (или неплодотворность) в конечном счете лишь в той мере, в какой дает возможность разобраться в реальной ситуации (фиксируемой наукой и социальной практикой), в которой живет и действует современный человек.

Так, например, можно считать, что прогресс и регресс — это разные формы (или разные стадии) развития. Но, рассуждая абстрактно-логически, можно думать, как, например, *В. В. Орлов*, что прогресс включает в себя регресс в снятом виде. Какому пониманию отдать предпочтение? Как мне представляется, чисто логического анализа аргументации в данном случае недостаточно. Важно обратить внимание также и на то, насколько хорошо та или иная позиция позволяет объяснить совокупность фактов, относящихся к данному вопросу. Если такое соотнесение теоретической конструкции с эмпи-

рией отсутствует, то мы будем иметь дело, как выразился *А. Ф. Лосев*, с рассудочной игрой абстрактными понятиями.

Разумеется, сопоставление философских положений с эмпирией (если даже эта эмпирия выступает в виде теорий специальных наук) отнюдь не простое дело. Философский тезис не опровергается отдельным фактом или экспериментом. Уточнение понятий, выявление всех звеньев при аргументации того или иного тезиса — важное и нужное дело. И все же эта работа в конечном счете должна служить объяснению и пониманию реальных процессов развития в объективном мире и познании. По тому, в какой мере это делается, можно судить о перспективности философской позиции. Мне представляется, что один из уроков данного обсуждения как раз и состоит в осознании важности и нужности разработки актуальных проблем материалистической диалектики на основе теоретического осмысления богатейшего материала истории науки и социальной практики в духе известных идей *В. И. Ленина*. О перспективности и плодотворности именно такого подхода к делу свидетельствует ряд статей, помещенных в данной книге (например, статьи *Б. М. Кедрова*, *Н. Ф. Овчинникова* и других). Знакомясь с полемикой *А. Ф. Лосева* и *Н. Ф. Овчинникова*, можно воочию убедиться, как уточнение понятий и выявление логики в цепи аргументов служат объяснению реальных процессов диалектики развития. Во второй части сборника заметное место уточнению понятий через постоянное соотнесение их с действительностью уделяется также в выступлениях *В. К. Бакуштова* и *В. И. Корюкина*.

Необходимым условием проведения дискуссий, важным условием успешного обсуждения сложных теоретических проблем является исторический подход. Существенно выяснить, как возник спорный вопрос, каковы основания представленных в дискуссии точек зрения, как развивались взгляды на данную проблему. Известно, что взгляды философов на проблему отрицания отрицания и ее отдельные аспекты от Гегеля до наших дней развивались и уточнялись в различных направлениях. Подобное явление прослеживается и в нашей философской литературе.

В 1920 году в популярном «Диалоге о диалектике» М. Чуносков (один из псевдонимов И. И. Ясинского) рассматривает отрицание отрицания как один из важнейших законов диалектики. В другом издании мы читаем: «Отрицание отрицания — третий закон диалектики»¹. Аналогичная точка зрения высказывалась и в философском словаре, издававшемся в 1939, 1940 и 1941 годах: «Закон отрицания отрицания является одним из основных законов диалектики»².

Однако уже в это время существовала и другая точка зрения, согласно которой закон отрицания отрицания — это пережиток гегельянщины, а положительное содержание этого закона включается в принцип развития по восходящей линии, от простого к сложному, от низшего к высшему. Эта точка зрения получила распространение и была закреплена в философской

¹ *Ищенко Т.* Краткий философский словарь. М.—Л., 1931, с. 132.

² Краткий философский словарь. М.—Л., 1939, с. 204; 1940, с. 206; 1941, с. 206.

литературе. «Отрицание отрицания,— отмечалось в 1951 году в философском словаре,— философское понятие, выражающее одну из диалектических закономерностей развития. Понятие отрицания отрицания широко используется в гегелевской философии, в которой оно впервые появилось»¹. В философском словаре 1954 года сохранялась та же позиция, при этом подчеркивалось: «У Гегеля «отрицание отрицания» выступает преимущественно как орудие, с помощью которого он создает свои искусственные идеалистические конструкции»².

В 60-е и 70-е годы и в наши дни в советской философской литературе снова утвердилась точка зрения на отрицание отрицания как на один из основных законов диалектики. «Отрицания отрицания закон — один из основных законов диалектики»³, — читаем мы в философском словаре разных лет издания. «Отрицания отрицания закон — один из основных законов развития природы, общества и мышления»⁴, — утверждается в «Философской энциклопедии».

Этот краткий исторический экскурс позволяет понять генезис некоторых односторонних трактовок закона отрицания отрицания. Как видим, история осмысления закона отрицания отрицания достаточно сложна, много дискуссионного содержится и в сегодняшних представлениях о сущности этого закона, сфере его действия и особенностях проявления. Тем важнее коллективные поиски решения проблемы,

¹ Краткий философский словарь. М., 1951, с. 362.

² Краткий философский словарь. М., 1954, с. 432.

³ Философский словарь. М., 1968, с. 265; 1975, с. 301; 1980, с. 269.

⁴ Философская энциклопедия, т. 4, с. 188.

один из вариантов которых представлен в настоящем сборнике. Читатель этой книги непосредственно подводится к содержанию научного спора, становится как бы его участником, и у него возникает потребность выразить свое отношение к различным точкам зрения. Вместе с участниками «круглого стола» он проходит своеобразную школу диалектического мышления, выступает одним из деятелей творческого процесса и поднимается до необходимости вместе с авторами искать истину.

Данная дискуссия наглядно убеждает каждого, что законы диалектики — это не библейские законы, которые надо принимать на веру, а законы научной философии, нуждающиеся в строгих доказательствах и логических обоснованиях. Известное изречение «В споре рождается истина», пожалуй, нигде так не применимо, как в философской дискуссии.

На июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что «дискуссии по поводу законов и категорий науки, при всей их значимости, не должны носить самодовлеющего, схоластического характера. Партия надеется, что в результате научных исследований будут чаще появляться добротные практические рекомендации»¹.

Итак, дискуссия не закончена. Выражаю надежду, что данная книга поможет вывести ее на новый уровень.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 34.

Содержание

ПОЛЕМИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ
(Вместо вступительного слова).
Б. М. Кедров 3

Часть первая

*Основные выступления участников
«круглого стола».*

*Анализ понятия отрицания
и закон отрицания отрицания 7*

Отрицание отрицания
как один из основных законов
материалистической диалектики.
Б. М. Кедров 9

О месте закона отрицания отрицания
в системе законов диалектики.
Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов 28

Отрицание отрицания
и тождество противоположностей.
В. И. Корюкин 39

Сущность триадической формы
закона отрицания отрицания.
В. Л. Обухов 44

О современном понимании
закона отрицания отрицания.
В. И. Свищерский 59

Методологическое значение
закона отрицания отрицания.
В. К. Бакшугтов 72

Отрицание отрицания
в развитии научной мысли.

Н. Ф. Овчинников 90

О всеобщем характере
закона отрицания отрицания.

В. В. Орлов 99

Всеобщ ли закон отрицания отрицания?

Г. И. Бондарев 113

О диалектическом отрицании
и отрицании отрицания.

В. Д. Морозов 121

От категории к закону.

Ю. А. Харин 135

Типы отрицания.

А. Ф. Лосев 149

Часть вторая

*Повторные выступления
участников «круглого стола».*

Критические замечания и ответы на них 171

Что составляет основу
закона отрицания отрицания?

Ю. А. Харин 173

Куда развивается мир?

Г. И. Бондарев 183

Еще раз о диалектическом отрицании.

В. Д. Морозов 200

В защиту концепции развития как восхождения
от низшего к высшему.

В. В. Орлов 202

Перспективы исследования
и особенности полемики.

В. И. Корюкин 227

Еще раз о недоразумениях,
возникающих при неправильной трактовке
отрицания отрицания.

Б. М. Кедров 240

Отрицание отрицания
в системе диалектики.

В. Л. Обузов 262

Ответ нашим критикам.

Л. Е. Даниленко, Ф. Н. Рекунов 273

Скрывается ли что-либо и что именно
за логической картиной отрицания вообще?

Н. Ф. Овчинников 281

Некоторые терминологические уточнения
в области законов диалектики.

А. Ф. Лосев 294

Отрицание отрицания как закон развития.

В. К. Бакшугов 304

Логика понятий и исследование реальности
(Вместо заключительного слова).

В. А. Лекторский 327

Д44

Диалектика отрицания отрицания. —
М.: Политиздат, 1983. — 342 с. — (Над
чем работают, о чем спорят философы).

Написанная коллективом авторов, возглавляемым академиком Б. М. Кедровым, книга, как и вышедший ранее в этой же серии коллективный труд «Диалектическое противоречие», представляет собой своего рода «круглый стол», творческий диспут ученых. В центре обсуждения — один из основных законов материалистической диалектики — закон отрицания отрицания, его соотношение с другими основными законами диалектики, его структура и методологическое значение, а также вопрос о всеобщности этого закона и о связи между категорией «отрицание» и законом отрицания отрицания.

Книга рассчитана на всех интересующихся современными философскими проблемами.

Д $\frac{0302020100-351}{079(02)-83}$ 163-83

15.12

1М

ДИАЛЕКТИКА
ОТРИЦАНИЯ
ОТРИЦАНИЯ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*

Редактор *А. Н. Голубев*

Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 3794

Сдано в набор 26. 07. 83. Подписано в печать 21. 10. 83.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.

Условн. печ. л. 12,58. Условн. кр.-отт. 12,73. Учетно-изд.
л. 12,27. Тираж 90 тыс. экз. Заказ № 6552. Цена 85 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.